

ISSN: 2949-1088

№ 4 (16) 2025г.

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ

1945 2025

THE
ART
OF LAW

ИРКУТСК

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ.
THE ART OF LAW.
2025. № 4 (16)

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) серия Эл № ФС77-83575 от 13 июля 2022 г.

Сетевое издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Издается с сентября 2022 года.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Шевцова, 1, Иркутск, 664035
тел. (3952) 77-90-11, <https://iagprf.org>
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2025

THE ART OF LAW.
2025. № 4 (16)

Founder: Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation»

THE ONLINE EDITION

Registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) series EI No. ФС77-83575 July 13, 2022

The online edition is included in the List of peer-reviewed scientific editions, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published in specialties:

- 5.1.1 Theoretical-historical Legal Sciences (legal sciences),
- 5.1.2 Public Law (state law) Sciences (legal sciences),
- 5.1.4 Criminal Legal Sciences (legal sciences).

Published from September 2022.
Published 4 times a year.

Address of the editorial office, publisher, printing house:
1, st. Shevtsova, Irkutsk, 664035
tel. (3952) 77-90-11, <https://iagprf.org>
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
© University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, 2025

Редакционная коллегия**Главный редактор:**

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Заместитель главного редактора:

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Ответственный секретарь:

Шабаетова Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Члены редакционной коллегии:

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе;

Бозров Владимир Маирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;

Болдырев Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»;

Варданян Акон Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России;

Василевич Григорий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета Белорусского государственного университета;

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета;

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Евдокимов Константин Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»;

Игнатенко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Ирошников Денис Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Лисица Валерий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук;

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Направления исследования проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;

Осмоналиев Кайрат Медербекевич – доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Кыргызской Республики, руководитель Центра тюркского наследия Кыргызского национального университета имени Ж. Баласыгына;

Отческая Татьяна Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Пан Дунмэй – доктор юридических наук, профессор, заслуженный профессор провинции Хэнань, профессор кафедры уголовного права Хэнаньского университета, заведующий Китайско-российским центром сравнительного правоведения;

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;

Путьшева Любовь Андреевна – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России;

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по науке ГОУ ВПО «Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан»;

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук;

Суслова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Чуксина Валентина Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета.

Editorial Board**Chief Editor:**

Evgeniya V. Rogova – Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Deputy Chief Editor:

Svetlana V. Parkhomenko – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Executive Secretary:

Olga A. Shabaeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Prosecution Organization and Methods of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Editorial Board:

Maxim V. Bavsun – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head for Scientific Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Vladimir M. Bozrov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev State Ural Law University;

Vladimir A. Boldyrev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”;

Acop V. Vardanyan – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Search Activity

of the Rostov Law Institute of the MIA the Russian Federation;

Grigory A. Vasilevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University;

Alexander Y. Vinokurov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Oversight and Strengthening of Legality in the Activities of Customs Authorities and Transport at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Oleg P. Gribunov – Doctor of Law, Professor, Rector of the Baikal State University;

Elizaveta V. Demidova-Petrova – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Konstantin N. Evdokimov – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Viktor V. Ignatenko – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute for Legal Studies of the Baikal State University;

Denis V. Iroshnikov – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Olga Y. Kosova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valery N. Lisitsa – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher Civil and Business Law Sector Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University;

Vyacheslav V. Nikolyuk – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Chief Research Scientist of the Department of Criminal Procedure Issues at the V. M. Lebedev Russian State University of Justice;

Kairat M. Osmonaliev – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Head of the Center of Turkic Heritage of the Kyrgyz National University named after J. Balasygyn;

Tatyana I. Otcheskaya – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities Organization of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Pan Dongmei – Doctor of Law, Professor, Distinguished Professor of Henan Province, Professor of the Department of Criminal Law of Henan University, Head of the China-Russia Center for Comparative Law;

Dmitry V. Pozharsky – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Lyubov A. Pupyshva – Doctor of Law, Associate Professor, Head of Research Department, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Rifat R. Rahmajonzoda – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Science of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan;

Elena R. Rossinskaya – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Examinations of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Sergei B. Rossinsky – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Svetlana I. Suslova – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director for Research, Professor of the Department of Civil Law and Proceedings of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valentina V. Chuksina – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University.

СОДЕРЖАНИЕ

**К 80-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
ПАМЯТИ УЧЕНЫХ-ФРОНТОВИКОВ**

<i>Мингалимова М. Ф.</i> Женское лицо победы и права: фронтовой путь и научное наследие И. А. Емельяновой.....	11
<i>Усачева Е. А., Усачев С. И.</i> Борис Максимович Комаринец: выдающийся криминалист периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет.....	17

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

<i>Амосова Т. В.</i> Эволюция правовых основ языковой политики Монголии: конкуренция иностранных языков (историко-правовой анализ).....	22
<i>Почакаев Р. Ю.</i> Поэзия Золотой Орды как источник о политико-правовых реалиях и правосознании.....	33
<i>Фирсова О. А.</i> Геноцид советского народа: уничтожение культурного кода.....	45

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)**

<i>Иванова Е. Ю., Нестерова Н. А.</i> О роли прокурора в возмещении ущерба, причиненного налоговыми преступлениями.....	53
<i>Кузнецова Н. А.</i> Актуальные вопросы определения и правового регулирования деятельности прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению.....	60
<i>Пискун Е. И.</i> Участие прокурора в правотворческой деятельности как самостоятельное направление внешнефункциональной деятельности прокуратуры.....	67
<i>Усов А. Ю.</i> Использование оценочных понятий при правовом регулировании трудовых отношений.....	76
<i>Шакирьянов М. М.</i> Представление прокурора – акт прокурорского реагирования: вопросы и ответы.....	84
<i>Шевченко А. В.</i> К вопросу о соотношении оценочных категорий, принципов, пробелов и презумпций в налоговом праве.....	92

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)**

<i>Рудых С. Н., Сенотрусова Е. М.</i> Дифференцированные тарифы на электрическую энергию для населения по объемам потребления: постановка вопроса.....	98
--	----

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
(ЮРИДИЧЕСКИЕ)**

<i>Каменданова М. С.</i> О некоторых аспектах характеристики предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.....	104
<i>Клокова С. В.</i> Ситуационность криминалистической деятельности в контексте структурирования ее этапов.....	111
<i>Кожжевников И. И.</i> К вопросу о возможности применения «дисклеймера» как основания для освобождения от уголовной ответственности при нарушении права на свободу совести и вероисповедания.....	118
<i>Никонов П. В., Цырендылыкова Н. Б.</i> Уголовно-правовое противодействие дропперству в условиях гибридных угроз.....	126
<i>Русскевич Л. А.</i> Незаконная рубка лесных насаждений: вопросы квалификации.....	133
<i>Сидорова Е. З.</i> О некоторых проблемах преступности в сфере здравоохранения.....	141

Сутурин М. А. Дети как категория жертв торговли людьми: некоторые особенности международного регулирования защиты и предупреждения.....150

Цепелев В. Ф. Отражение позиций уральской школы уголовного права в правоприменительной практике выпускников.....157

Об итогах работы межрегионального научно-методического семинара по вопросам квалификации и расследования преступлений и обмену опытом по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, совершаемых на финансовом рынке.....162

CONTENTS

**ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR:
IN MEMORY OF FRONT-LINE SCIENTISTS**

<i>Mingalimova M. F.</i> The Female Face of Victory and Law: The Frontline Path and Scientific Legacy of I. A. Emelyanova.....	11
<i>Usacheva E. A., Usachev S. I.</i> Boris Maksimovich Komarinets: An Outstanding Criminalist of the Great Patriotic War and the Post-war Years.....	17

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

<i>Amosova T. V.</i> Evolution of the Legal Foundations of Mongolia's Language Policy: Competition of Foreign Languages (Historical and Legal Analysis).....	22
<i>Pochekaev R. Y.</i> Poetry of the Golden Horde as a Source on Political and Legal Realities and Legal Mind	33
<i>Firsova O. A.</i> Genocide of the Soviet People: Destruction of its Cultural Values	45

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL)

<i>Ivanova E. I., Nesterova N. A.</i> On the Prosecutor's Role in Compensating for Damages Caused by Tax Offences	53
<i>Kuznetsova N. A.</i> Current Issues of Defining and Legal Regulating of the Prosecutor's office Activities in the Russian Federation in Legal Enlightenment.....	60
<i>Piskun E. I.</i> Participation of the Prosecutor in Law-making Activities as an Independent Direction of External-functional Activities of the Prosecutor's office.....	67
<i>Ussov A. J.</i> Using Uncertain Concepts in the Legal Regulation of Labor Relations.....	76
<i>Shakiryaynov M. M.</i> Representation of the Prosecutor – Act of the Prosecutor's Response: Questions and Answers.....	84
<i>Shevchenko A. V.</i> On the Question of the Relationship between Assessment Categories, Principles, Gaps and Presumptions in Tax Law.....	92

**PRIVATE LAW (CIVILITY)
SCIENCES (LEGAL)**

<i>Rudykh S. N., Senotrusova E. M.</i> Differentiated Tariffs for Electric Energy for the Population in Terms of Consumption: Raising the Issue.....	98
--	----

CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

<i>Kamendanova M. S.</i> On some Aspects of the Subject's Characteristics of Cash Smuggling.....	104
<i>Klokova S. V.</i> Situationality of Forensic Activity in the Context of Structuring its Stages.....	111
<i>Kozhevnikov I. I.</i> On the Issue of the Possibility of Applying a Disclaimer as a Basis for Exemption from Criminal Liability in Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religion.....	118
<i>Nikonov P. V., Tsyrendylykova N. B.</i> Criminal Law Counteraction to Money Dropping in the Context of Hybrid Treats.....	126
<i>Russkevich L. A.</i> Illegal Logging of Forest Plantations: Qualification Questions.....	133
<i>Sidorova E. Z.</i> On some of the Problems of Crime in the Health Sector.....	141
<i>Suturin M. A.</i> Children as Victims of Human Trafficking: Some Features of International Regulation of Protection and Prevention.....	150

Tsepelev V. F. Representation of the Positions of the Ural School of Criminal Law in the Law Enforcement Practice of Graduates.....157

On the Results of the Work of the Interregional Scientific and Methodological Seminar on the Qualification and Investigation of Crimes and the Exchange of Experience in the Prevention, Detection, Suppression and Investigation of Crimes Committed in the Financial Market.....162

К 80-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПАМЯТИ УЧЕНЫХ-ФРОНТОВИКОВ

УДК 340.1
EDN [CJGKLO](#)

Мингалимова Марьям Фердинандовна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
ул. Московская, 41, г. Казань, Россия, 420111
e-mail: maryam_m@mail.ru
ORCID 0009-0009-2066-3470

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ПОБЕДЫ И ПРАВА: ФРОНТОВОЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ЕМЕЛЬЯНОВОЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизни и деятельности Ирины Ардалионовны Емельяновой (1921-2007) – женщины-юриста, участницы Великой Отечественной войны, ученого-правоведа и педагога. Особое внимание уделено анализу ее вклада в развитие историко-правовой науки, включая новаторские методики преподавания и фундаментальные труды по истории российского права. Исследование раскрывает механизмы трансляции ценностей военного поколения в академическую среду, демонстрируя как фронтовой опыт повлиял на формирование педагогической системы.

Ключевые слова: Ирина Ардалионовна Емельянова, женщины в Великой Отечественной войне, история юридического образования, Казанский университет, методика преподавания права.

Для цитирования: Мингалимова М. Ф. Женское лицо победы и права: фронтовой путь и научное наследие И. А. Емельяновой // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 11–16.

Mingalimova Maryam Ferdinandovna,
Associate Professor of the Department of
Criminal Law Disciplines,
Kazan Law Institute (branch) University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences
41 Moskovskaya St., Kazan, Russia, 420111
e-mail: maryam_m@mail.ru
ORCID 0009-0009-2066-3470

¹ Фото: <https://kpfu.ru/irina-ardalionovna-emelyanova-426290.html> (дата обращения: 01.10.2025).

THE FEMALE FACE OF VICTORY AND LAW: THE FRONTLINE PATH AND SCIENTIFIC LEGACY OF I. A. EMELYANOVA

Annotation. This article explores the life and work of Arina Ardalionovna Emelianova (1921-2007), an outstanding female lawyer, participant in the Great Patriotic War, legal scholar, and educator. The focus is on analyzing her contributions to the development of historical and legal studies, including her innovative teaching methods and her fundamental works on the history of domestic law. The article delved into the mechanisms of transferring the values of the war generation to the academic environment, demonstrating how her frontline experiences influenced the formation of her unique teaching system.

Key words: Irina Ardalionovna Emelianova, women in the Great Patriotic War, history of legal education, Kazan University, methods of teaching law.

For citation: Mingalimova M. F. The Female Face of Victory and Law: The Frontline Path and Scientific Legacy of I. A. Emelyanova // The Art of Law. 2025. № 4. С. 11–16.

В историографии Великой Отечественной войны и юридического образования СССР фигуры женщин правоведов долгое время оставались на периферии исследовательского внимания, что делает биографию Ирины Ардалионовны Емельяновой (Качевской) уникальным примером синтеза боевого прошлого и академического служения. Судьба Емельяновой представляет собой сплав личного мужества и научной пронизательности. Ее жизненный путь отражает драматические повороты эпохи, когда судьбы целого поколения ученых переплелись с судьбой страны.

Родившись 9 апреля 1921 года в городе Троицк Оренбургской губернии в семье учителей, она после окончания школы № 9 в Коломне Московской области в 1939 г. поступила в Казанский юридический институт. Однако ее обучение прервала война. В апреле 1942 года двадцатилетняя Ирина добровольно вступила в Красную армию, была зачислена сначала в 9-й полк, а затем в 7-й полк второй дивизии аэростатов воздушного заграждения Московской армии противовоздушной обороны (далее – ПВО), где обслуживала «небесные заслоны» – аэростаты, защищавшие столицу от вражеских бомбардировщиков. Ее фронтовая биография отмечена героическими эпизодами: в 1942 году она

была награждена медалью «За боевые заслуги», а в 1944 году завершила войну в звании сержанта с орденом Отечественной войны II степени, который получила в 1985 году¹. Кроме этого, она награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд» и юбилейными медалями.

После демобилизации в 1945 году Емельянова вернулась к юридическому образованию, поступив в Казанский юридический институт (далее – Институт), который окончила в 1946 году. Ее профессиональный путь начался с работы секретарем судебного заседания в народном суде Молотовского района города Казани, затем стажером адвоката, а с января по ноябрь 1949 года она исполняла обязанности старшего секретаря уголовно-судебного отдела прокуратуры Татарской АССР [1, с. 328–329]. Однако ее истинным призванием стала академическая деятельность: начав в 1949 году лаборантом, к 1954 году она перешла на юридический факультет Института, где прошла путь от старшего лаборанта до доцента кафедры теории и истории государства и права (1972 год), а затем доцента кафедры уголовного права.

Научная карьера И. А. Емельяновой ознаменовалась защитой в 1967 году в Московском государственном

¹ Альбом участника Великой Отечественной войны сформирован на портале «Память народа». URL: https://cdnc.pamyat-naroda.ru/booklet/booklet_100d1d6af789142c281982e09910.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

университете диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Революционное правотворчество народных масс в период от февраля к октябрю 1917 года (по материалам Поволжья и Приуралья)», выполненной под руководством профессора С. Ф. Кечекьяна.

Это исследование стало отправной точкой для серии фундаментальных трудов [2], среди которых особое место занимают монографии «Историко-правовая наука в России XIX в.» (1988 г.) и «Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805-1917 год: Очерки» (1998 г.), сохранившие для потомков биографии более 200 правоведов.

В монографическом исследовании «Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805-1917 год: Очерки» И. А. Емельянова совершила беспрецедентную по глубине реконструкцию становления юридического образования в России, уделив особое внимание методическим исканиям преподавателей XIX – начала XX века [3]. Ее анализ представляет не только историографическую ценность, но и раскрывает истоки собственной педагогической системы, сформированной в послевоенный период.

Анализируя историю Казанского университета, Емельянова не только восстановила забытые имена, но и выявила педагогические принципы, которые легли в основу ее собственной методики. Особое внимание в исследовании занимает анализ вклада ключевых преподавателей: 1) Г. И. Солнцев – самоучка, разработавший методические рекомендации, актуальные и сегодня. Среди них – чтение лекций без конспектов для живости изложения, запрет на механическое заучивание, акцент на понимание принципов права; 2) И. Г. Нейман – специалист по гражданскому и уголовному праву, внедривший системный подход через детальные учебные планы на русском и французском языках.

Ее фронтальный опыт, где ясность и оперативность решений спасали жизни, перекликается с требовательностью Г. И. Солнцева к «пониманию, а не заучиванию» права. Емельянова И. А. акцентирует внимание на двух фундаментальных вопросах, стоявших перед преподавателями: «Что читать?» – содержание курсов, адаптированное под многоязычную аудиторию (профессора-иностранцы и русскоязычные студенты); «Как читать?» – поиск эффективных форм подачи материала [3, с. 10]. Автор отмечает, что выходом стал институт репетиторства, который, вопреки Уставу 1835 г., сохранялся благодаря его практической пользе. Репетиции не только помогали студентам усваивать сложные темы, но и позволяли преподавателям корректировать лекции на основе обратной связи. Этот опыт, как подчеркивает Емельянова И. А., стал прообразом современных семинаров и коллоквиумов.

И. Г. Нейман, работающий на кафедре гражданского и уголовного судопроизводства, разработал новаторские для своего времени учебные программы: «Систематический план о всех материях гражданского и уголовного права» (на французском языке); «План преподавания политической экономии»; «Программа по российскому праву» (на русском языке). Особый интерес представляет его система подготовки профессорских стипендиатов (Е. Маньсеев, Н. Алексин), которая, по оценке И. А. Емельяновой, стала прообразом современной аспирантуры. При этом, как подчеркивалось И. А. Емельяновой, отсутствие институциональной поддержки привело к тому, чтобы многие начинания преподавателей не получили своего развития после их ухода.

В контексте изучения послевоенного научного наследия И. А. Емельяновой особого внимания заслуживает ее монография «Из истории судебной системы Татарской АССР», представляющая собой важное звено в

развитии концепции революционного правотворчества [4]. Это исследование, опубликованное к 50-летию ТАССР, демонстрирует эволюцию научных взглядов автора – от анализа правосознания народных масс в 1917 году к системному изучению институциональных преобразований в сфере юстиции.

Методологическая ценность работы определяется уникальным комплексом источников, впервые введенных И. А. Емельяновой в научный оборот. Автор провела скрупулезный анализ документов из трех ключевых хранилищ: Центрального государственного архива ТАССР, Партийного архива Татарского обкома КПСС и Государственного музея ТАССР. Особую значимость приобретает привлечение местной периодики различных политических направлений, что позволило реконструировать полифонию общественного мнения в переходный период. Вспомогательную роль сыграли мемуарные свидетельства непосредственных участников событий, такие как работы Г. Борисенко «Первые шаги Советской юстиции в Татарской Республике» и А. Н. Нехотяева «Памяти Межлаука».

Содержательное ядро исследования образует анализ региональной специфики реализации судебной реформы в многонациональном Поволжье. Емельянова детально прослеживает хронологические несовпадения в применении Декрета о суде № 1, отмечая, что в отдельных районах Казанской губернии новые судебные учреждения начали функционировать лишь к середине 1918 года. При этом подчеркивается парадоксальное сочетание формального запаздывания с содержательным соответствием принципам революционного правотворчества.

Отдельного внимания читателя заслуживает разработанная автором модель «двойной преемственности», раскрывающая полный разрыв с институтами царской юстиции и частичное сохранение кадрового потенциала за счет

привлечения перешедшей на сторону Советской власти дореволюционной интеллигенции.

Яркой иллюстрацией этого процесса служит биография А. Н. Нехотяева – представителя старой юридической школы, активно участвовавшего в строительстве советского правосудия в Татарии. В монографии «Из истории судебной системы Татарской АССР» И. А. Емельянова создала портрет Алексея Николаевича Нехотяева (1878-1927) – одной из ключевых фигур становления советской юстиции в регионе, чья биография стала своеобразной призмой, преломляющей сложные процессы революционной трансформации права [4, с. 58–66]. Сын симбирского учителя, преподававшего самому В. И. Ульянову, выпускник симбирской гимназии, А. Н. Нехотяев воплотил в своей судьбе путь той части русской интеллигенции, которая безоговорочно отдала революции сердце, ум и знания.

Емельянова И. А. детально реконструировала его путь от первого революционного комиссара судов Казанской губернии (октябрь 1917 г.) до наркома юстиции ТАССР, используя уникальный комплекс источников: личные документы (автобиографию и воспоминания А. Н. Нехотяева), материалы Партийного архива Татарского обкома КПСС, периодику («Красная Татария») и протоколы партийных органов.

Особое внимание уделено его роли в создании принципиально новой судебной системы – организации районных отделов юстиции, формировании сети народных судов, разработке структуры Наркомюста ТАССР с его отделами (судоустройства, следственным, воспитательно-исправительным и др.). Емельянова И. А. проанализировала причины перехода Нехотяева А. Н. в 1921 г. в Татарстан, связывая это не только с состоянием его здоровья, но и с политикой «коренизации», когда на смену русским кадрам приходили национальные (Г. Б. Богаутдинов,

А. Ф. Мухитдинова – первая татарка-выпускница юридического факультета). В этом исследовании особенно ярко проявился характерный для Емельяновой метод «персональной истории права», когда через судьбу конкретного человека были раскрыты системные процессы – от механизмов интеграции дореволюционной интеллигенции в новую систему до противоречий национальной кадровой политики.

Смерть А. Н. Нехотяева в 1927 г. на «трудовом посту» символически завершила целую эпоху становления советской юстиции, что позволило Емельяновой не только восстановить забытые страницы истории, но и показать человеческое измерение правовых трансформаций, когда за сухими формулировками декретов стояли судьбы реальных людей, их профессиональные драмы и личные трагедии. Этот биографический очерк стал органичной частью ее концепции двойной преемственности, демонстрируя, как при радикальном разрыве с царской юстицией сохранялся ценный кадровый потенциал старой интеллигенции, а также яркой иллюстрацией ее педагогического принципа оживления архивов через соединение институционального анализа с персональными историями.

Теоретическая значимость монографии «Из истории судебной системы Татарской АССР» заключалась в разработке оригинальной концепции «правового краеведения», позволяющей выявлять общие закономерности становления советской государственности через призму локальной специфики, анализировать взаимодействие революционного правосознания с традиционными правовыми обычаями и проследить трансформацию декларативных принципов в реальные судебные практики.

В контексте всего научного творчества Емельяновой И. А. данная монография представляет собой важное промежуточное звено между ранними

работами о революционном правотворчестве 1917 г., последующими исследованиями истории юридического образования и разработкой авторской методики преподавания права.

Таким образом, исследование судебной системы ТАССР занимает важное место в научном наследии И. А. Емельяновой, демонстрируя эволюцию ее методологических подходов и сохраняя значение как образец комплексного историко-правового исследования региональных аспектов становления советской государственности.

Особое место в научном творчестве Ирины Ардалионовны Емельяновой занимает исследование, посвященное жизни и деятельности Шейх-Аттара Иманаева (1875-1939) – выдающегося татарского правоведа, лингвиста и просветителя начала XX века, подготовленное в соавторстве с А. М. Ахуновым [5]. Эта работа, основанная на архивных материалах ЦГА ИПД РТ и следственных делах УФСБ, демонстрирует характерный для Емельяновой комплексный подход к изучению истории права, сочетающий:

1) Биографический анализ – восстановление жизненного пути ученого через призму профессиональной эволюции от выпускника Казанского университета до создателя первого татарского юридического журнала «Хокук ва хаят» (1912-1914);

2) Институциональную историю – исследование попыток интеграции мусульманского права в академическое пространство (эпизод с неудачной попыткой Иманаева занять кафедру в Казанском государственном университете в 1920-е гг.);

3) Методологическое новаторство – анализ уникального опыта двуязычного правового просвещения, когда юридические тексты параллельно публиковались арабской графикой и кириллицей.

Данное исследование Емельяновой не только восполнило неисследованный пласт в истории правовой мысли, но и выявило преемственность между просветительскими стратегиями джадидизма (с его акцентом на исламских и европейских правовых традициях), послевоенной советской системой юридического образования и современными поисками баланса между национальными правовыми традициями и универсальными нормами.

Особенно показательно, что И. А. Емельянова, сама прошедшая путь от фронтовички до университетского преподавателя, особое внимание уделила трагическим страницам биографии Иманаева – несправедливым репрессиям 1930-х годов, что отражало ее личную гражданскую позицию ученого, для которого историческая правда была неотделима от нравственной оценки событий.

Педагогическая деятельность И. А. Емельяновой, продолжавшаяся с 1961 по 1983 гг. на посту преподавателя истории государства и права зарубежных государств, отличалась новаторским подходом. Она разработала первый в СССР альбом схем по истории права России (1975 г.), ввела семинары на базе военных архивов с разбором дел военных трибуналов 1941-1945 гг., создала уникальную методику преподавания, основанную на принципе «трех истин» – фактический (документ), юридический (норма) и нравственной (оценка). Ее лекции, по воспоминаниям студентов, напоминали «репортажи с фронтов права», а большая часть ее дипломников стали прокурорами и судьями, что свидетельствует о необычайной эффективности ее «фронтальной педагогики», где дисциплина сочеталась с глубоким пониманием человеческой природы.

Теоретическое наследие Емельяновой сохраняет актуальность и в XIX веке: ее концепция «правового

историзма» (1989 г.) легла в основу современных исследований по сравнительному праву, а методика «оживления архивов» через разбор реальных дел XIX века широко используется в юридическом образовании. Ее вклад в юридическую науку отмечен званиями Заслуженного деятеля науки ТАССР и Заслуженного юриста Республики Татарстан (1992 г.).

Умерла Ирина Ардалионовна в августе 2007 г. в Казани, оставив после себя не только десятки научных трудов и сотни учеников, но и уникальный пример жизненного пути, соединившего фронтальной подвиг с интеллектуальным служением праву. Студентам навсегда запомнились не только глубокие познания и широкий кругозор Ирины Ардалионовны, но и ее поистине аристократические и интеллигентные манеры общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солдаты Победы. Работники прокуратуры Республики Татарстан – участники Великой Отечественной войны / авт. сост. Ф. Н. Багаутдинов ; под общ. ред. И. С. Нафикова. Казань : Центр инновационных технологий, 2015.

2. Захаров Н. С. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции: по материалам Казанской губернии / Н. С. Захаров, И. А. Емельянова. Казань : Издательство Казанского университета, 1967. 130 с.

3. Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805-1917 год : очерки. Казань : УНИПРЕСС, 1998. 149 с.

4. Емельянова И. А. Из истории судебной системы Татарской АССР / И. А. Емельянова ; науч. ред. Е. А. Скрипилев. Казань : Издательство Казанского университета, 1970. 82 с.

5. Емельянова И. А., Ахунов А. М. Забытые страницы: Шейх-Аттар Иманаев (1875-1939) // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2002. №. 1-2. С. 126–138.

УДК 343.98
EDN [CXOWAU](#)

Усачева Екатерина Анатольевна,
доцент кафедры организации и методики уголовного преследования
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: malykhina_ek@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4770-1133

Усачев Сергей Игоревич,
доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского
института МВД России,
кандидат юридических наук,
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Россия, 664074
e-mail: ysachef@list.ru
ORCID: 0000-0002-4306-0535

БОРИС МАКСИМОВИЧ КОМАРИНЕЦ: ВЫДАЮЩИЙСЯ КРИМИНАЛИСТ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Аннотация. Статья посвящена жизни и многогранной деятельности Бориса Максимовича Комаринца, советского ученого, известного как начальника Научно-исследовательского института криминалистики Главного управления милиции МВД СССР. В работе рассматриваются его научные достижения, вклад в развитие криминалистики и правоохранительной деятельности. Подчеркивается уникальность профессионального пути, объединившего фундаментальную науку и прикладные исследования в сфере обеспечения правопорядка.

Ключевые слова: Б. М. Комаринец, осмотр места происшествия, дактилоскопия, методика исследования документов, оружиеведение.

Для цитирования: Усачева Е. А., Усачев С. И. Борис Максимович Комаринец: выдающийся криминалист периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 17–21.

Usacheva Ekaterina Anatolyevna,
Associate Professor of the Department of Organization and
Methods of Criminal Prosecution of the Irkutsk Law
Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Candidate of Law,

¹ Фото: <https://thepresentation.ru/yurisprudentsiya/istoriya-razvitiya-nauki-kriminalistiki> (дата обращения: 01.10.2025).

Shevtsova str., 1, Irkutsk, Russia 664035,
 e-mail: malykhina_ek@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-4770-1133

Usachev Sergey Igorevich,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
 of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
 Candidate of Legal Sciences,
 Lermontov St., 110, Irkutsk, Russia, 664074
 e-mail: ysachef@list.ru
 ORCID: 0000-0002-4306-0535

**BORIS MAKSIMOVICH KOMARINETS: AN OUTSTANDING CRIMINALIST
 OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE POST-WAR YEARS**

Annotation. The article focuses on the life and diverse activities of Boris Maksimovich Komarinets, a Soviet scientist known as the head of the Forensic Science Research Institute of the Main Police Directorate of the USSR Ministry of Internal Affairs. The paper examined his scientific achievements and contributions to the development of forensic science and law enforcement. It highlighted the uniqueness of his professional path, which combined fundamental science and applied research in law enforcement.

Key words: B. M. Komarinets, crime scene examination, fingerprinting, document examination methods, weapons science.

For citation: Usacheva E. A., Usachev S. I. Boris Maksimovich Komarinets: An Outstanding Criminalist of the Great Patriotic War and the Post-war Years // The Art of Law. 2025. № 4. С. 17–21.

Криминалистика прошла долгий путь становления, где были не только великие открытия, и триумфальные достижения, но также и те идеи, которые со временем оказались неэффективными или не подтвердились на практике. Отнюдь далеко не всегда криминалистика состояла из тех классических четырех разделов, которые принято считать сейчас наиболее верными и оправданными практикой. Однако все то, что известно и успешно апробировано на сегодняшний день, все то, что достигнуто в мире криминалистической науки, не могло быть получено и реализовано, если бы не те ученые и практики, которые делали эти открытия.

В криминалистике таких выдающихся личностей достаточное количество, это и зарубежные и отечественные ученые-криминалисты и, безусловно, практики, которые все

открытия испытывали в реальном времени для решения вопросов раскрытия, расследования и предупреждения различных преступлений.

Борис Максимович Комаринец является одним из таких великих ученых и практиков, который внес существенный вклад в развитие советской криминалистики. Многие используются по сей день фактически в неизменном виде.

Борис Максимович Комаринец – известный советский криминалист, доктор юридических наук, профессор, чьи научные и практические достижения оказали значительное влияние на развитие криминалистики в СССР.

Криминалистика как наука в СССР развивалась в сложных исторических условиях, особенно в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Борис Максимович являлся одним из тех, кто не только адаптировал

криминалистические методы к реалиям военного времени, но и заложил основы для дальнейшего развития этой науки. Его работы в области экспертизы документов, исследования следов преступлений и подготовки кадров остаются актуальными и сегодня.

Борис Максимович родился в 1910 году. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, где начал свою научную карьеру. В 1930-х годах он активно занимался исследованиями в области криминалистики, уделяя особое внимание методам экспертизы документов и вещественных доказательств. В годы Великой Отечественной войны Б. М. Комаринец работал в правоохранительных органах, занимаясь расследованием сложных дел, связанных с военными преступлениями и диверсиями. После войны он продолжил научную и педагогическую деятельность, став одним из ведущих специалистов в области криминалистики.

Одним из ключевых направлений работы Б. М. Комаринца было совершенствование методов криминалистической экспертизы. Он разработал методики исследования документов, включая анализ почерка, подписей и печатей, что позволяло эффективно выявлять подделки. Его работы в этой области стали основой для многих современных методов экспертизы.

Б. М. Комаринец внес значительный вклад в развитие методов исследования вещественных доказательств, таких как оружие, взрывчатые вещества и микрочастицы. Его подходы к анализу следов преступлений, включая следы взрывов и огнестрельного оружия, стали важным инструментом в расследовании преступлений.

В годы Великой Отечественной войны Б. М. Комаринец разработал ряд методик, которые позволяли эффективно расследовать преступления, связанные с диверсиями, шпионажем и военными

преступлениями. Его подходы к сбору и анализу доказательств стали важным элементом в работе правоохранительных органов.

Еще до военного периода в стране создан Научно-технический отдел при Главном управлении милиции Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. Во время войны НТО возглавлял Б. М. Комаринец, его заместителем был А. Д. Хананин [1, с. 6].

В 1940 г. научно-техническая служба выделена из отделов уголовного розыска и передана в спецотдел ГУРКМ-УРКМ. В нем сформировались отделения, среди которых было и научно-техническое, которое возглавил Б. М. Комаринец. В результате этих реорганизаций в 1940 г. научно-технические отделения, группы и кабинеты в органах внутренних дел образовали широкую сеть криминалистических подразделений. В стране начали успешно функционировать 30 НТО, НТГ, в каждом из которых (не считая Москвы и Ленинграда) работали от двух до пяти экспертов. Они ежегодно выполняли большое количество различных криминалистических экспертиз, участвовали в осмотрах мест происшествий, обучали оперативный состав научным методам раскрытия преступлений.

За четыре года войны сотрудники НТО оперативного отдела ГУМ, наряду с большой экспертной деятельностью, подготовили и выпустили 32 оперативно-методические ориентировки для экспертов и оперативного состава милиции и четыре обзора о недостатках научно-технической работы. В этих методических документах давались практические указания по производству осмотров мест происшествий, по использованию различных вещественных доказательств и следов для розыска, по установлению и изобличению преступников, выявлению способов подделок в различных документах [2, с. 110].

Б. М. Комаринец, автор более 60 научных работ по дактилоскопии, тактике осмотра места происшествия, баллистике. К числу основных работ Б. С. Комаринцева относятся: «Дактилоскопическая идентификация на расстоянии» (1935), «Руководство по осмотру места происшествия» (1938), «Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по отстрелянным гильзам» (1955), «Признаки письменной речи и их значение для розыска и установления автора документов» (1957), «Идентификация огнестрельного оружия по выстрелянным пулям» (1961), «Криминалистическая экспертиза на месте происшествия» (1962) [3].

В 1946 году Б. М. Комаринец назначен начальником Научно-исследовательского института криминалистики Главного управления милиции МВД СССР, которым руководил до 1959 года. Будучи руководителем института, Б. М. Комаринец направлял его работу на разработку и внедрение новых методов и технических средств для борьбы с преступностью.

Особым образом хочется отметить некоторые практические руководства Б. М. Комаринца, среди которых «Дактилоскопическая идентификация на расстоянии», содержащее детальные указания по описанию папиллярных узоров с целью идентификации по ним личности посредством передачи такого описания по телефону или телеграфу [4], и «Осмотр места происшествия», в котором рассмотрены вопросы, связанные с организацией осмотров, обнаружение следов пальцев рук, вещественные доказательства применения огнестрельного оружия, фотографирования на месте происшествия и иные аспекты, связанные с организацией и проведением осмотра места происшествия [5].

Указанные практические руководства имеют важное значение для практических работников, в частности, это уникальное подспорье в работе, что

особенно актуально в период Великой Отечественной войны. Так, «Осмотр места происшествия» по праву можно признать руководством к действию в части производства осмотров в разных следственных ситуациях. Особой ценностью можно считать, что все рекомендации подкреплены примерами из практики периода Великой Отечественной войны. В настоящее время, очевидно, что осмотр места происшествия – одно из первоначальных следственных действий, и что его своевременное и качественное проведение залог дальнейшего успешного расследования и построения полноценного перечня следственных версий.

В работе Б. М. Комаринец отмечает, что осмотр дает первые достоверные и полные сведения и происшествии. При этом ученый говорит об осмотре еще и как о возможности узнать информацию о некоторых элементах криминалистической характеристики – месте, времени, мотивах, обстоятельствах случившегося и первоначальную информацию о личности преступника. При этом на сегодняшний день бесспорно, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой важную категорию криминалистики, имеет значение как для общих теоретических положений, так и для практической деятельности органов расследования. Можно утверждать, что криминалистическая характеристика (взаимосвязь ее структурных элементов) обеспечивает системный подход в расследовании, повышает эффективность деятельности органов следствия и дознания, а также позволяет предупредить их совершение.

Кроме того, в руководстве по осмотру места происшествия ученый выдвигал идею так называемого «полевого» проведения экспертиз, говоря о том, что в некоторых случаях оправдано проводить исследования фактически параллельно с осмотром места происшествия, ввиду сохранности следов, увеличенных шансов на результативность

проведенной экспертизы. При этом Б. М. Комаринец учитывал сложность проведения экспертизы в таких условиях, включая недостаточность технических средств на месте происшествия, отсутствие справочной литературы, помощи иных специалистов, неблагоприятные погодные и иные условия. Все это послужило основанием для постановки в процессуальной и криминалистической литературе вопроса о возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Современная криминалистика исходит из необходимости формирования исходной информационной базы для криминалистической характеристики преступления, где ключевым звеном выступает грамотно организованный и проведенный осмотр места происшествия. Так, криминалистическая характеристика преступлений с середины прошлого века является одним из основных и широко применяемых понятий в системе криминалистики [6, с. 117]. В этом контексте следует акцентировать и вклад Бориса Максимовича Комаринца, чьи научные изыскания заложили теоретический фундамент для идеи о целесообразности проведения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, что уже реализуется в практической деятельности уже многие годы.

Борис Максимович Комаринец уделял большое внимание подготовке кадров для правоохранительных органов. Он читал лекции, проводил семинары и разрабатывал учебные материалы для следователей и экспертов. Его усилия способствовали повышению квалификации сотрудников и развитию криминалистической науки в СССР.

Наследие Бориса Максимовича Комаринца остается актуальным и сегодня. Его методы исследования документов и вещественных доказательств продолжают использоваться в современной криминалистике. Кроме того, его работы в области методики расследования

преступлений стали основой для многих учебных курсов и методических рекомендаций.

Борис Максимович Комаринец – выдающаяся личность, чья биография отражает многогранность советской науки и практики. Его вклад в развитие криминалистики и правоохранительной системы СССР трудно переоценить. Изучение его профессионального пути и научных достижений представляет значительный интерес для понимания развития как науки, так и правоохранительной практики в Советском Союзе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е.Р. История и современное состояние подготовки судебных экспертов в Российской Федерации // Судебная экспертиза Беларуси. 2019. № 1(8). С. 5–8.
2. Селезнев В. М., Червяков М. Э. Из истории экспертных учреждений органов внутренних дел // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2015. № 2(2). С. 108–115. EDN WDIGHN.
3. Грибунов О. П. 100-летие экспертно-криминалистической службы МВД России: вехи истории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(89). С. 155–162. DOI 10.24411/2312-3184-2019-00015.
4. Комаринец Б. М. Дактилоскопическая идентификация на расстоянии. Практическое руководство. Москва : Тип. им. Воровского, 1937. 125 с.
5. Комаринец Б. М., Бодунов И. В. Осмотр места происшествия. Краткое руководство для работников МВД СССР. Москва : Научно-исследовательский институт криминалистики, 1947. 195 с.
6. Бессонов А. А. Значение криминалистической характеристики преступлений в отечественной криминалистике // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4(14). С. 115–119. EDN YPAWHL.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 34.01

EDN [DYPNEI](#)

Амосова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры общегуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат филологических наук,
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: amotv@mail.ru
ORCID 0000-0002-6386-8515

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ МОНГОЛИИ:
КОНКУРЕНЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

Аннотация. Статья посвящена вопросам эволюции правового регулирования статуса иностранных языков в языковом пространстве Монголии. Автором предпринята попытка раскрыть его содержание и динамику развития. В статье также рассмотрены законодательные, образовательные, гуманитарные меры, обеспечивающие реализацию решений по расширению использования традиционной старомонгольской письменности. Автор анализирует риски и вызовы в сфере использования иностранных языков для Монголии в современных условиях, а также перспективы укрепления статуса русского языка как языка межкультурной коммуникации между Россией и Монголией.

Ключевые слова: Монголия, правовое регулирование, языковая политика, русский язык, английский язык, старомонгольское письмо, кириллическое письмо.

Для цитирования: Амосова Т. В. Эволюция правовых основ языковой политики Монголии: конкуренция иностранных языков (историко-правовой анализ) // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 22–32.

Amosova Tatiana Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of General
Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Philology, Associate Professor,
st. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: amotv@mail.ru
ORCID 0000-0002-6386-8515

**EVOLUTION OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF MONGOLIA'S LANGUAGE
POLICY: COMPETITION OF FOREIGN LANGUAGES
(HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)**

Annotation. The article deals with the functioning of the Russian language as a foreign language in the linguistic space of Mongolia. The author attempted to reveal the content of legal regulation and the dynamics of its development. The article also discussed legislative, educational,

and humanitarian measures that ensure the implementation of solutions to expand the use of traditional Old Mongolian writing. The author analyzed the risks and challenges in the field of using foreign languages for Mongolia in the context of reglobalization, as well as the prospects for strengthening the status of the Russian language as the language of intercultural communication between Russia and Mongolia.

Key words: Mongolia, language policy, Russian, English, Old Mongolian script, bichig, Cyrillic script.

For citation: Amosova T. V. Evolution of the Legal Foundations of Mongolia's Language Policy: Competition of Foreign Languages (Historical and Legal Analysis) // The Art of Law. 2025. № 4. С. 22–32.

Хэлтэй бол хэлтэй ¹.

Неопределённость вектора глобального развития права неизбежно отражается на положении языков. Английский язык в последние десятилетия стал неоспоримым инструментом процесса глобализации, в рамках которого продвигалось единое, транснациональное право без границ, ослабив позиции других мировых языков, которые служили глобальными и региональными *lingua franca*. Однако недавний поворот к осмыслению национальных идентичностей, сопоставимости правовых систем разных стран мира, поиски идейной основы, на которую может опереться реглобализация [1], существенно меняет ситуацию и в сфере языковой политики государств.

Последние десятилетия в большинстве постсоветских новообразованных государств русский язык утратил государственный статус, в странах дальнего зарубежья был потеснён другими языками как иностранный язык. В условиях современных геополитических реалий он развивается своеобразным путем в качестве иностранного языка и в Монголии. Русский язык занимал особое положение в этой стране на протяжении длительного времени. Как известно, в советский период русский язык в Монголии имел широкое распространение. Результаты исследования, проведённого среди трудоспособного монгольского населения в конце 80-х годов XX века,

показали, что более половины опрошенных читали и понимали по-русски – 67,5%, 45% могли писать, а 33,7% могли разговаривать на нём [2].

Территориальная близость Монголии и России и ранее способствовала развитию политических, военных, торгово-экономических, культурных и других двусторонних связей между странами, что не могло не сказываться на положении русского языка. После распада Советского Союза динамика функционального развития русского языка в Монголии кардинально изменилась. Перестройка экономической, социально-политической систем монгольского государства привела к многополярной внешней политике и сотрудничеству с внерегиональными странами, которые условно были названы «третьим соседом». США, Германия, Франция, Япония, Южная Корея, Китай и другие страны стали активно инвестировать в монгольскую экономику, что привело к кардинальным изменениям в языковой политике Монголии и широкому распространению английского языка, и в некоторой степени, других иностранных языков в коммуникативном пространстве Монголии.

Доминирующее положение русского языка как основного иностранного языка (хотя это и не было закреплено юридически) в Монголии в течение полувека обусловлено рядом языковых и внеязыковых факторов, но его фундаментом послужил переход на кириллическое письмо в 1941 году.

¹ «Если у тебя есть иностранный язык, у тебя есть ноги» – монгольская пословица.

Традиционное вертикальное письмо, известное как бичиг, служило монголам, начиная с XIII века. Литературное наследие на старомонгольском велико и содержит большое количество исторических, дидактических, медицинских, юридических и других трудов. Однако в начале прошлого века сложность и противоречивость этой графической системы, наличие архаичных форм слов, утраченных временных и падежных форм тормозили и развитие языка, и доступ населения к грамотности и образованию. Кириллизация монгольского языка оправдала себя на практике. Разработанный советскими лингвистами кириллический алфавит точно соответствовал фонетическим особенностям монгольского языка, он разрабатывался на принципах максимального учёта фонетического состава монгольского языка и приближении письменной формы языка к живому устному.

Переход на кириллицу в Монголии на официальном уровне долгое время рассматривался как безусловное достижение страны, которое никто не оспаривал, позволивший ликвидировать неграмотность, обеспечить доступ широких слоёв монгольского общества к образованию, к мировой культуре, литературе, техническому прогрессу, вырастить национальную научную и творческую элиту и др. Так, известно, что в 1970 году Институт языка и литературы Академии наук Монгольской Народной Республики был отмечен ЮНЕСКО за вклад в разработку кириллического алфавита, орфографических норм и ликвидацию безграмотности в стране, в 1973 году МНР получила премию ЮНЕСКО за достижения в области борьбы с всеобщей неграмотностью [3].

Переход на кириллицу в 40-е годы прошлого века выглядит оправданным ещё и по историческим и географическим причинам. Россия и Монголия являются ближайшими соседями, и влияние русского языка и российских учёных на языковые

процессы в Монголии в XIX и XX веках было велико. А. В. Попов, Б. Я. Владимирцов, Н. Я. Бичурин, П. И. Кафаров, Г. Гомбоев, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич и др. заложили научные основы для изучения монгольского языка и культуры в XIX веке. В 1833 году, в Казанском университете Российской империи открыта кафедра монгольского и калмыцкого языков под руководством ученого-монголоведа О. М. Ковалевского. В 1855 году в Санкт-Петербургском университете на факультете востоковедения также учреждена кафедра калмыцкого и маньчжурского языков. Позднее подготовка монголоведов велась в университетах Москвы, Иркутска и Улан-Удэ.

Монгольская русистика, сыграв значительную роль в становлении развития письменной формы современного монгольского языка, также имеет многолетнюю историю и, в свою очередь, обусловила распространение русского языка в Монголии. Первая русско-монгольская школа появилась в Улан-Баторе (Урге) в 1861 году. В 1914 году в Монголии открылась школа русского языка. После победы народной революции в 1921 году позиции русского языка ещё более укрепились, поскольку в послереволюционные годы Монголия остро нуждалась в кадрах национальной интеллигенции, в подготовке которых Россия также приняла активное участие, многие из монгольских политических деятелей также обучались в СССР. В конце тридцатых годов русский язык изучали во всех средних учебных заведениях, а в конце сороковых – во всех монгольских школах. В шестидесятые – восьмидесятые годы прошлого века ни в одной из соседних с Россией стран не были достигнуты такие успехи в освоении русского языка, как в Монголии. Очевидно, что переход на кириллическое письмо произошёл эволюционно.

В настоящее время активно ведутся дискуссии, и не только в Монголии, о

целесообразности перехода на кириллическое письмо в прошлом веке. Нередко можно встретить точку зрения о том, что эта мера принесла больше вреда, чем пользы, поскольку смена письменных традиций ведёт к изменению «генетического стереотипа», что латинизация и кириллизация письменных традиций среди большей части монгольских народов «нарушили в целом всю глубину этнических стереотипов в письменной традиции, затронули глубинные аспекты традиционного стереотипа мышления и поведения кочевника» [4, с. 34]. Кроме того, некоторые авторы считают, что смена графических символов, идущих сверху вниз, на горизонтальную систему письма, резкий переход на латиницу, а затем на кириллицу, как это произошло в XX веке, нарушил культурные и языковые традиции монголоязычных этносов. Есть и более радикальный подход, в соответствии с которым реформа монгольской письменности – это не столько культурная эволюция, сколько искусственный советский политический проект и продвижение монгольского бичига можно рассматривать как движение в направлении поиска автономного пути развития, независимого от России¹.

Изменение положения русского языка, широкое распространение и поддержка английского языка на государственном уровне в современной Монголии, транслингвизм чреваты рисками и угрозами для монгольского языка и монгольского общества, хотя и открывают определённые перспективы в развитии. Для России в сфере укрепления позиций русского языка как иностранного и языка межкультурной коммуникации между нашими странами многолетние традиции сотрудничества сохраняют старые возможности, а современная

языковая политика Монголии (как это ни странно) открывает новые.

Вызовы и перспективы для Монголии

Экспансия глобальных языков потребует сохранения баланса между изучением иностранных языков и развитием монгольского языка и письменности, необходимости адаптировать возрождаемое старомонгольское письмо к техническому и научному прогрессу, создания новых терминов и стандартизации заимствованных слов.

До 2003 года в МНР не было закона о государственном (монгольском) языке. Конституция Монголии содержит положение, касающееся статуса монгольского языка. Первый закон о монгольском языке как о государственном «Закон об официальном государственном языке» принят в 2003 году. В 2015 году он был отменён и принят ныне действующий Закон «О монгольском языке», который установил, что монгольский язык является государственным и должен использоваться во всех сферах общественной жизни. В пункте 1.1. установлено, что задачами закона «является обеспечение отношений, связанных с освоением монгольского языка и письменности, его использования защиты и развития»².

Одной из наиболее актуальных задач в настоящее время и в обозримом будущем в сфере защиты государственного монгольского языка, как и для большинства малочисленных языков, является противодействие чрезмерному влиянию английского языка. В эпоху глобализации, интернета и развития цифровых технологий, при поддержке английского языка на государственном уровне, последний уже стал основным иностранным языком в Монголии. А в неинституциональном дискурсе – медийном, социальных сетях, популярной

¹The Complex Geopolitics of Mongolia's Language Reform, 22 апреля 2024 : официальный сайт газеты The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/04/the-complex-geopolitics-of-mongolias-language-reform> (дата обращения: 25.09.2025).

² Монгол хэлний тухай : Федеральный закон принят Великим Государственным Хуралом 2015-02-12. Улан-Батор, 2015. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/10932> (дата обращения: 01.10.2025).

музыке – первым. Начиная с 2000-х годов, когда правительство Цахиагийнэ Элбэгдорже, подражая Сингапуру, выдвинуло идею о придании английскому языку статуса второго официального языка Монголии, английский язык планомерно укреплял свои позиции в качестве главного иностранного языка в стране, что спустя двадцать лет завершилось юридическим закреплением его статуса. В мае 2023 года Великий хурал принял поправки в «Общий закон об образовании», утвердив статус английского языка как основного иностранного языка¹. В августе 2024 г. комиссия Министерства образования и науки Монголии по пересмотру образовательных программ школьного образования начала работу. На церемонии открытия министр образования Пурэвсурэнгийн Наранбаяр подтвердил, что «английский стал основным иностранным языком обучения»².

В 2024–2025 учебном году 100 из 884 монгольских средних школ в порядке эксперимента перешли на новую программу обучения английскому языку, разработанную британской образовательной корпорацией Pearson, которая является одновременно крупнейшим в мире издателем образовательной литературы – учебников, пособий, рабочих тетрадей и т. п. Кроме того, Pearson проводит разноуровневые экзамены по английскому языку для обучающихся, которые не являются носителями языка, а также выдаёт международные сертификаты, признаваемые во многих странах. Начало

обучения по этой программе было сдвинуто с 5-го класса на 3-й.

Реформа высшей школы Монголии также связана с укреплением тенденции к доминированию английского языка в образовательном пространстве в результате распространения идей интернационализации высшего образования. В 2006 году Министерство образования, науки и спорта³ утвердило включение английского языка как обязательной дисциплины в программы бакалавриата [5]. В 2008 году в Глобальной стратегии национального развития Монголии в качестве второй по приоритетности задачи в сфере развития образования была закреплена задача сделать английский язык основным иностранным языком в Монголии, а также обеспечить владение английским государственным служащими⁴.

Помимо утверждённой в начале XXI века политики «совместного несения расходов» с целью перенесения финансового бремени образования на физических лиц и сокращения государственных расходов в этой сфере, правительство⁵, университеты изменили видение своей миссии в сторону подготовки «граждан мира» с «глобальными компетенциями», что неразрывно связано с усилением роли английского языка [6]. В результате анкетирования преподавателей ведущих вузов Монголии установлено, что ключевым фактором профессионального развития 67,3% из них считают обучение иностранным языкам для осуществления

¹ Боловсролын тухай ерөнхий хууль : Федеральный закон принят Великим Государственным Хуралом 2015-02-12. Улан-Батор, 2015. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/10932> (дата обращения: 01.10.2025).

² Министерство образования Монголии : официальный сайт. URL: <https://www.gov.mn/mn/news/all/90c2d591-9170-46eb-8b6a-> (дата обращения: 01.10.2025).

³ Resolution № 481 on making an amendment in the standard module : Ministry of Education, Culture, and Science // Эрх Зүйн Мэдээллийн Нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn> (дата обращения: 01.10.2025).

⁴ MDG-based Comprehensive National Development Strategy of Mongolia. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/2712> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ Доля государственных расходов на высшее образование снизилась в Монголии с 3,8% в 2011 г. до 3,4% в 2012 г. Этот показатель стал самым низким среди рассматриваемых стран кроме того, число областей исследования было сокращено с 817 до 181 в связи с приведением системы образования Монголии с Международной стандартной классификацией образования ЮНЕСКО. См.: Резолюция 1997 г. № 160 «О приватизации государственных вузов».

академической и научно-исследовательской деятельности, прежде всего – английскому¹. Для студентов владение английским языком открывает возможности для участия в программах обмена, двойных дипломов, участия в исследовательских, а также академических проектах. Лидером в этой сфере в настоящее время являются США, что обусловлено во многом престижностью получения североамериканского высшего образования среди монгольской молодёжи. Обучение ведётся, как правило, на английском языке, что требует от студентов высокого уровня владения языком. В 2011 году Министерство образования начало проводить реформу среднего образования с участием CAIE² для обеспечения соответствия принятым в США и Великобритании стандартам преподавания английского языка, что упростило монгольским школьникам последующее обучение в университетах англоязычных стран [7].

Исследование языковых установок среди монгольской молодёжи также показало, что с точки зрения популярности языков доминирует английский. Респонденты оценили человека, говорящего по-английски, как более успешного, богатого, прогрессивного, дружелюбного [8].

Стремительное внедрение английского языка в образование и в жизнедеятельность всего монгольского общества вызывает обоснованную озабоченность в связи с различными рисками социального характера: изменение юридического статуса английского языка с первого иностранного на второй официальный³, миграция молодёжи, владеющей английским языком, вероятность дискриминации по владению

английским языком. «Утечка мозгов» рассматривается как наиболее опасный из всех рисков. По данным Международной организации по миграции, за границей проживали 130 тыс. монголов. Большинство из них образованная молодёжь с высоким уровнем квалификации.

Официальный статус английского языка как основного иностранного языка связан с риском дискриминации в отношении сельского населения страны, которое не имеет такого же доступа к языковому образованию, как население монгольской столицы.

Кроме того, влияние английского языка явно ставит под угрозу и лингвистическую безопасность страны в связи со следующими факторами:

- чрезмерное использование англицизмов в современном монгольском языке;
- отсутствие монгольских эквивалентов для многих англоязычных технических терминов;
- распространение калькированных англоязычных сокращений в мессенджерах и социальных сетях;
- широкое использование латинской графики (преимущественно молодёжью) вместо кириллицы в социальных сетях, что приводит к деградации орфографической нормы монгольского языка [9].

Очевидно, что в ближайшие годы Монголия намерена продолжить развивать монгольский язык и укреплять его статус через популяризацию и институционализацию старомонгольского традиционного письма – бичига.

Графическое оформление письменной формы национального языка

¹ Itgel M., Oyungoo B., Sumyasuren T., & Otgon-Erdene X. Possibilities and ways to support higher education faculty development. URL: <http://zuvluguun.num.edu.mn/conf2018/Home/present/13> (дата обращения: 01.10.2025).

² Международный провайдер образовательных услуг = Cambridge Assessment International Education.

³ После принятия вышеуказанных поправок в 2023 году председатель Хуннской партии Т. Дорджанж высказал опасение, что они являются прологом для придания английскому статусу официального языка Монголии, поскольку исторически ни маньчжурский, ни русский языки официально основным иностранным языком не объявлялись.

тесно связано как с политической, так и с культурно-религиозной ориентацией носителей языка. Использование старомонгольской письменности в Монголии в последние годы становится всё более актуальным социальным, политическим и, конечно, лингвистическим вопросом. Правовой статус традиционной монгольской письменности важен не только для Монголии, но и для всех монголоязычных народов. Начиная с 1991 года осуществляются усилия по возрождению старомонгольской графики и её использованию в государственном управлении.

В 1991 году Малый Хурал МНР издал постановление «О ведении с 1994 г. официальных правительственных дел на монгольской письменности в Монгольской Народной Республике и обеспечение подготовки перехода на неё». Постановление предусматривало перевод учебных занятий, начиная с 1-го класса, на монгольскую графику с 1 сентября 1991 года; её использование в печатях органов государственной власти, Конституции Монголии, национальной валюте. Ожидаемого быстрого результата эти меры не дали. 24 апреля 1992 года издано постановление правительства МНР № 63 «Об активизации подготовки к ведению официальных дел на монгольской письменности», в котором отмечалось, что накоплен определённый опыт в реализации задачи по использованию традиционного письма, но процесс перехода затруднён, и в 1994 году работа правительства в этом направлении признана в постановлении № 66 «О некоторых мерах по активизации подготовительной работы по ведению официальных дел на монгольской письменности»¹ неудовлетворительной и намечены неотложные меры по исправлению ситуации. В частности, к ним отнесены:

1) продолжение работы по введению монгольской письменности в официальное делопроизводство;

2) при сохранении обучения на кириллическом монгольском письме продолжение деятельности по внедрению монгольской письменности в систему базового образования, начиная с 1994–1995 учебного года;

3) разработка «Национальной программы монгольского письма (уйгурского)»² с целью распространения его среди широкой общественности и создания соответствующей среды для его использования.

21 июня 1994 вышло постановление правительства Монголии «Об обеспечении подготовки к ведению официальных правительственных дел на монгольской письменности в МНР». В этот же день издан приказ Министра образования Монголии «Об организации курсов машинисток, использующих пишущие машинки с монгольской графикой»³.

Однако скоро стало очевидно, что первоначально поставленная цель по быстрой замене кириллической письменности оказалась, как минимум, преждевременной в связи с различными препятствиями, в том числе и непреодолимыми на сегодняшний день собственно лингвистическими причинами. Они носят объективный характер и связаны с проблемами, с которыми и в прошлом сталкивались реформаторы старомонгольского письма. Только в 20-х годах «в нем проявились *дифференциальные признаки*, присущие обычно национальным литературным языкам: поливалентность, нормированность, наддиалектный характер и стилистическая дифференцированность» [10].

Кроме того, стало понятно, что внедрение традиционного письма невозможно без подготовки учителей и преподавателей, разработки нормативной базы и документации, подготовки учебной

¹ См.: Эрх Зуйн Мэдээллийн Нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn> (дата обращения: 01.10.2025).

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

литературы и многого другого, что связано с наличием значительных финансовых и организационных ресурсов. В 2008 году была принята «Национальная программа по развитию монгольского письма – II», а впоследствии «Национальная программа по развитию монгольского письма – III», которая рассчитана на 2021–2024 гг. Программы были направлены на популяризацию традиционного письма среди молодёжи. В 2011 году указом Президента Монголии установлено, что «все официальные документы (свидетельства о рождении, браке, дипломы и т. д.) должны оформляться как на кириллице, так и на традиционном письме». В этом же году проведён опрос, в котором приняли участие 150 тыс. государственных служащих. Результаты опроса показали, 50,6% опрошенных готовы наряду с кириллицей использовать в официальных документах старомонгольское письмо. Кроме того, согласно опросу более половины сотрудников начали изучать традиционную монгольскую письменность с первого класса средней школы¹. 2 января 2025 года в соответствии законом о монгольском языке как государственном, традиционное письмо наряду с кириллицей стало обязательным для использования в официальной деятельности более чем в 4000 государственных организациях, включая Конституционный суд². Однако это требование выполнено лишь частично³, а цели реформы изменились в направлении создания условий по расширению сферы использования традиционного письма и охватывают такие позиции, как написание вывесок, организаций и визиток государственных служащих, использование бичига в книжных изданиях, размещение традиционной графики на

клавиатуре компьютера. Таким образом, монгольская национальная письменность сегодня выполняет роль государственной письменности, но только в определённых рамках.

Перспективы и вызовы для России

Перестройка экономической, социально-политической систем монгольского государства, доминирование английского языка в мировом коммуникативном пространстве в текущем столетии привели к глубоким изменениям во внешней политике Монголии в виде ориентации в сторону внерегиональных держав – США и европейских государств, а также Японии, Южной Кореи, Казахстана [7].

Однако влияние третьих стран на Монголию хоть и очевидно, но является опосредованным. В соответствии с Конституцией Монголии на её территории не могут размещаться иностранные военные базы, через территорию страны запрещено перемещение иностранных войск⁴. Хорошо известно, что руководство страны неоднократно заявляло о своей принципиальной позиции не вступать в военно-политические блоки. Такая стратегия делает Монголию мало перспективным объектом с точки зрения военно-политических методов воздействия и обуславливает использование методов *soft power* в качестве инструментов влияния.

Самым важным инструментом «мягкой силы» российско-монгольского сотрудничества остаётся русский язык. В вузах Советского Союза с 1922 по 1991 годы 55 тыс. монгольских граждан получили образование и овладели русским языком на высоком уровне, и весь XX век, по мнению монгольского исследователя Г. Гомтогтоха, русский язык стал

¹ Монголия официально перешла на двойную письменность. URL: <https://montsame.mn/ru/read/358881> (дата обращения: 10.03.2025).

² См. п. 11.1.2: Закон «О монгольском языке» // Эрх Зуйн Мэдээллийн Нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn/> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Так, Конституционный суд Монголии на сегодняшний день версии на традиционной вертикальной письменности не имеет. URL: <https://constitutionalcourt.mn> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Монгол улсын үндсэн хууль. URL: <https://legalinfo.mn/en/edtl/16532180497951> (дата обращения: 11.09.2025).

«единственным окном в мир» для монголов [10 ; 11].

В советский период русский язык являлся обязательным предметом и в школьной, и в вузовской программе. Все студенты изучали его в течение 3–4 лет, в конце обучения сдавали государственный экзамен. После распада Советского Союза положение русского языка как *lingua franca* в Монголии стало меняться практически немедленно. Стремительное продвижение английского языка в систему образования Монголии и фактическая замена русского языка английским в качестве иностранного столкнулись с дефицитом учителей и преподавателей английского языка. В 1990–1995 годах проблема решена весьма своеобразно. Преподаватели *русского языка* прошли переквалификацию в рамках Института английского языка, созданного при поддержке ООН и Британского управления при Агентстве по международному развитию [12]. И уже в 1997 году Министерством просвещения издано постановление о введении изучения английского языка в качестве иностранного во всех образовательных организациях страны¹.

Очевидно, что постепенное восстановление статуса русского языка в Монголии с опорой на кириллическую графику чрезвычайно важно для России. С 2002 года русский язык стал факультативной дисциплиной в монгольских школах, уступив место английскому языку как обязательному для изучения. Тем не менее, русский язык по-прежнему преподаётся в образовательных организациях Монголии, хотя и в условиях значительного сокращения объёма часов и количества обучающихся. Несмотря на наличие политических причин сокращения сфер функционирования русского языка и снижение качества его преподавания, по популярности и престижности русский пока занимает второе место после английского как язык получения

традиционно авторитетного образования и доступа к информации. Судя по скрытым установкам, отношение к русскому языку у монгольских обучающихся позитивное, что способствует его дальнейшему сохранению в качестве языка межкультурного взаимодействия России и Монголии [13]. Немаловажным фактором укрепления позиций русского языка потенциально является то обстоятельство, что практически все представители монгольской политической элиты (судя по данным с официального сайта парламента Монголии) указывают владение русским языком как иностранным, поскольку абсолютное большинство членов парламента и правительства так или иначе учились в бывшем Советском Союзе².

В условиях многоязычной языковой политики монгольского государства с преимущественным положением английского языка, русский язык должен конкурировать с другими иностранными языками, прежде всего, с английским. В этой ситуации важная роль в его сохранении и распространении принадлежит монголам среднего и старшего поколения. Они в основном хорошо владеют русским языком на элементарном уровне и обладают базовым набором языковых навыков для достижения коммуникативных целей.

К главным факторам сохранения позиций и потенциального роста присутствия русского языка в Монголии, несомненно относятся: увеличение количества монгольских граждан, владеющих русским языком, наличие общего алфавита и обучение граждан Монголии в вузах России. Для дальнейшего развития отношений России в Монголии жизненно важным является укрепление позиций русского языка и сохранение кириллической графики современного монгольского языка как основной графической системы. Обучение монгольских студентов в российских вузах

¹ Resolution 1997 № 208 on Some Measures for Foreign Language Training Ministry of Enlightenment // Эрх Зуйн Мэдээллийн Нэгдсэн систем. URL: <https://legalinfo.mn/> (дата обращения: 10.03.2025).

² Монгол Улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn> (дата обращения: 10.03.2025).

может сыграть очень большую роль в сохранении кириллицы при условии, что обучающиеся будут владеть русским языком на должном уровне, что на сегодняшний день явно требует пересмотра подхода к освоению русского языка монгольскими студентами в рамках основной образовательной программы.

К факторам, влияющим на положение иностранных языков вообще и русского языка, в частности, в Монголии, можно несомненно отнести состояние монголоведения в России. Авторитетные научные центры монголоведения дают возможности для укрепления позиций русского языка как иностранного через подготовку научных кадров для Монголии и позволяют устанавливать эффективные культурные и иные контакты между странами на основе глубокого понимания менталитета и культуры. Традиционно в России существуют сильные научные центры, изучающие языки монгольской группы и культуру монголызычных этносов: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Монголоведческий научный центр Республики Калмыкия; Центр тюркологии и монголистики восточных рукописей Российской академии наук. Справедливости ради необходимо отметить, что лингвистическое монголоведение имеет давние научные традиции и в странах Западной Европы – в первую очередь во Франции, Германии и Великобритании. Интенсивно развивается монголоведение в настоящее время в США (Индианский, Гарвардский университеты), Китае (Академия социальных наук, Пекинский, Хухотский университеты), Японии (университеты Токио, Осаки, Киото)¹. Очевидно, что научное

сотрудничество с монгольскими научными организациями уже сейчас ведётся Россией на конкурентной основе. Опираясь на преимущество многолетних традиций сотрудничества, возможно и необходимо вести совместные научные лингвистические, лингвокультурологические, кросс-культурные проекты, что обеспечит диалог культур наших стран на основе понимания и взаимного доверия.

Выбор иностранного языка для изучения в институциональных рамках практически всегда детерминирован политически. Географическое положение Монголии обуславливает необходимость изучения монголами русского языка (впрочем, как и китайского), несмотря на его текущую статусную оценку среди других иностранных языков. В то же время современные геополитические, социально-экономические факторы меняют языковую политику страны – власти поощряют владение иностранными языками и предпринимают юридические, политические и иные меры для поддержки английского языка как основного иностранного языка в Монголии и языковой диверсификации – изучения японского, корейского, французского, немецкого языков. Но у русского языка в этой жёсткой конкурентной борьбе, помимо общей границы между Россией и Монголией, есть ещё ряд преимуществ. Это новые экономические реалии², достаточно близкие типы культур и ценности, традиционно сильные образовательные, научные, гуманитарные, личные связи между нашими странами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов С. А. Реглобализация и ее значение для права // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 12. С. 54–67.

2. Зэгиймаа Ч., Зээнямбуу Ч. Языковая ситуация и языковая политика в

¹ Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2226744?ysclid=m g7m2jeof328020683> (дата обращения: 10.09.2025).

² Mongolia stands to gain from transit fees, alternative energy supplies that could ease Ulaanbaatar's winter smog, and the prestige of serving as a corridor linking Russia and China. Mongolia Eyes Transit Gains as Power of Siberia 2 Moves Forward.

Монголии // Национальные языки в эпоху глобализации: Россия-Монголия. Москва : Тезаурус, 2011. С. 259–289.

3. Дырхеева Г. А., Наранчимэг Г. Языковая политика Монголии: проблема возрождения старомонгольской письменности (монгольская письменность // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 3. С. 98–104.

4. Абаева Л. Л. Нонэволюция традиционной культуры бурятской диаспоры Внутренней Монголии КНР // Диаспоры в современном мире : материалы международного круглого стола (Улан Удэ, 15 октября 2007 г. Хулун-Буир, 13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. С. 29–34.

5. Сайнбаяр Гундсамбу. Интернационализация высшего образования в Монголии Вопросы образования // Educational Studies Moscow. 2019. № 1. С. 215–243.

6. «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях : коллективная монография / отв. ред. В. А. Родионов, А. Нямдолжин. Иркутск : Оттиск, 2022. 196 с.

7. Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С. Русский язык в оценках монголов: социолингвистическая репрезентация // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 3 (49) С. 48–60.

8. Цыбенова О. А. Монгольский язык в современном интернет-пространстве: реалии и актуальные проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 2 (140).

9. Шагдаров Л. Д. Старописьменный язык и формирование бурятского литературного языка // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б. Я. Владимирцова. Москва, 1984. С. 120–122.

10. Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 209.

11. Родионов В. А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 283–291.

12. Altan-Od Khongorzul, Altan-Od D. Khongorzul D. Language Policy and Language Planning of Mongolia: Some Issues on English Language Education Policy. Ulaanbaatar : Bembi San, 2012.

13. Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С., Цэрэнчимэд Саранцацрал. Русский язык как иностранный в образовательном пространстве монголии: компетенции, лояльность, установки // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 89–110. DOI 10.37892/2713 2951-1-13-89-110.

Почекаев Роман Юлианович,
 профессор, заведующий кафедрой теории и
 истории права и государства
 Национального исследовательского университета
 «Высшая школа экономики»,
 доктор исторических наук,
 кандидат юридических наук, доцент
 Кантемировская ул., 3А, Санкт-Петербург, Россия, 194100
 e-mail: rpochekaev@hse.ru
 ORCID: 0000-0002-4192-3528

ПОЭЗИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ КАК ИСТОЧНИК О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ И ПРАВОСОЗНАНИИ¹

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа поэтических произведений, созданных в Золотой Орде, на предмет отражения в них политических и правовых реалий, а также отношения к ним авторов. Представляет интерес анализ не только самих произведений, но и сведений об их авторах в тех случаях, когда таковые имеются: их социальном статусе, круге общения и т. д. Источники исследования составили произведения XIV в. – ряд поэм персо-язычных и тюрко-язычных поэтов, а также анонимную «рукопись на бересте», представляющую собой традиционную монгольскую песню. Большинство исследуемых произведений написаны в рамках философско-религиозной мусульманской традиции Средневековья. Однако в них содержатся и сведения о политико-правовых реалиях того периода, когда было создано соответствующее сочинение, а также отношение самих авторов к ним и их участникам.

Ключевые слова: история государства и права, государство и право Золотой Орды, правосознание, неюридические источники, поэзия Золотой Орды, интеллектуальная история.

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Поэзия Золотой Орды как источник о политико-правовых реалиях и правосознании // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 33–44.

Pochekaev Roman Yulianovich,
 Professor of the Department of Theory and
 History of Law and State Higher School of Economics University
 Doctor of Historical Sciences,
 Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
 Kantemirovskaya str., 3A, St. Petersburg, Russia. 194100
 e-mail: rpochekaev@hse.ru
 ORCID: 0000-0002-4192-3528

POETRY OF THE GOLDEN HORDE AS A SOURCE ON POLITICAL AND LEGAL REALITIES AND LEGAL MIND

Annotation. The article is an attempt of the analysis of poetical works of the Golden Horde as a source reflected the political and legal realities of this state. It is of interest to analyze not only

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, проект «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)» <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемый на базе Воронежского государственного университета.

content of poems, but also the information on their authors (when we have it), including their status, circle of communication, etc. The sources to research are poems of the 14th c. written in Persian or Turkic language as well as anonymous birch bark with traditional Mongol song. The most part of analyzed poems were written in the canons of Islamic philosophical and religious tradition of Medieval Ages. While sometimes we could find in these sources the information on the period when the poems were created and authors' evaluation on political and legal realities and their participants.

Key words: history of state and law, state and law of the Golden Horde, non-legal sources, legal mind, Golden Horde poetry, intellectual history.

For citation: Pochekaev R. Y. Poetry of the Golden Horde as a Source on Political and Legal Realities and Legal Mind // The Art of Law. 2025. № 4. С. 33–44.

Междисциплинарный подход в историко-правовых исследованиях позволяет существенно расширять как методологию, так и базу источников о государстве и праве изучаемых стран и эпох. К таким неюридическими источникам относятся произведения художественной литературы, в том числе и поэтической. Наряду с исследователями истории литературы и филологами, к таким произведениям обращаются представители интеллектуальной истории, предметом которой является изучение истории идей и людей, формировавших эти идеи, к которым, несомненно, можно отнести и литературных деятелей. Однако нас привлекла возможность проанализировать поэтические произведения для расширения наших знаний и представлений о государстве, праве и правосознании исследуемого периода. В статье предпринимается попытка такого междисциплинарного исследования (на стыке интеллектуальной истории и истории государства и права) на примере анализа поэзии Золотой Орды как источника сведений о политических и правовых реалиях, а также об оценках этих реалий самими поэтами.

Отметим, что еще сравнительно недавно Золотая Орда в отечественной (и не только отечественной) историографии воспринималась как «паразитическое государствоподобное образование», жившее за счет грабежа соседних оседлых стран и народов. О каком-либо уровне развития Золотой Орды, более-менее близком к уровню

развития ее соседей, естественно, говорить не принято. Соответственно, и речи не шло о таких неотъемлемых элементах развитого государства как система власти и управления, культура, наука и пр.

Лишь на рубеже XX–XXI вв. начинается активное изучение наследия поэтов золотоордынского времени. Безусловно, их произведения были известны специалистам и ранее, но в прежние времена их изучали просто как образцы средневековой тюркской или даже узбекской поэзии¹ без какой-либо привязки к Золотой Орде и ее наследию. Действительно, большинство поэтических произведений золотоордынской эпохи, сохранившихся до нашего времени, представляют собой образцы мусульманской (нередко – суфийской) поэзии, причем ряд из них является явным подражанием известным поэтам более раннего времени – таким как Фирдоуси, Низами и т. д. Тем не менее, обратившись к содержанию этих произведений, нельзя не увидеть, что их авторы, жившие и творившие в Золотой Орде, в той или иной степени отразили реалии своего времени, дав характеристики современных им правителей и государственных деятелей, оценки происходящим политическим событиям, а в ряде случаев – и представив определенную информацию о правовых реалиях.

В статье анализируются сведения из следующих поэтических произведений золотоордынского времени:

– «Каландар-наме» – крупное философско-богословское дидактическое

¹ Или «древнетатарской литературы» [1, с. 4].

сочинение, созданное на персидском языке Абу Бакром Каландаром Руми (Аксарайи) между 1320 и 1341 гг.;

– романтическая «светская» поэма «Хосров и Ширин» Кутб ад-Дина Сарайи (нередко фигурирующего в историографии просто как Кутб) на кыпчакском диалекте тюркского языка, написанная между 1340 и 1342 гг.;

– оригинальная «поэма в письмах» «Мухаббат-наме», написанная на том же языке неким Хорезми в 1353 или 1354 г.;

– философско-богословская поэма «Джумджума-султан» («Царь-череп»), написанная на том же языке Хисамом Кятибом в 1368–1369 гг.;

– философско-лирическая поэма «Сухейль и Гульдурсун», созданная на тюркском языке Сайфом Сарайи между 1391 и 1396 гг.

Большинство этих сочинений исследовались специалистами по исторической тюркской филологии, литературоведению и т. д. Некоторые авторы уделяли внимание отражению исторических событий в этих сочинениях, реконструировали философские, богословские, политические взгляды их авторов. Однако в большинстве своем такие исследования посвящались, во-первых, какому-то конкретному произведению или же его автору и, к тому же отдельным аспектам его изучения [см., напр.: 2 ; 3 ; 4 ; 5 ; 6 ; 7 ; 8]. Насколько нам известно, попыток проанализировать информацию этих поэм на предмет отражения в них политико-правовых реалий или правосознания до сих пор не предпринималось.

Специалисты справедливо считают оригинальными золотоордынскими сочинения «Мухаббат-наме» и «Сухейль и Гульдурсун» [1, с. 12]¹, в остальных же трех видят подражание более ранним произведениям. В самом деле, «Каландар-

наме» восходит к более ранним суфийским произведениям (в частности, к поэзии Джалал ад-Дина Руми) [9, с. 6–7]. Тема любви персидского шаха Хосрова Парвиза и наложницы Ширин неоднократно находила отражение в персидской литературе – в частности, в поэме «Шахнаме» Фирдоуси и «Хосров и Ширин» Низами [1, с. 12 ; 10, с. 89]. Поэма «Джумджума-султан» опирается на суфийские легенды и впервые получила стихотворную обработку в поэме «Джумджума-наме» персидского поэта XII в. Фарид ад-Дина Аттара [11, с. 222]². Поэмы же считаются оригинальными произведениями.

Всё-таки не менее справедливо мнение исследователей, что Абу Бакр Каландар, Кутб и Хисам Кятиб отнюдь не воспроизводят дословно (в переводе на тюркский язык с персидского) прототипы. В их сочинениях отражены реалии их времени, их стран и народов [1, с. 109–110 ; 10, с. 91] – соответственно, для исследователей они являются важным источником по разным аспектам истории Золотой Орды XIV в. Следовательно, мы имеем полное право попытаться найти в них отражение политико-правовых реалий, а также выявить отношение самих авторов к этим реалиям как представителей интеллектуальной и творческой элиты.

Считаем целесообразным начать с анализа политических реалий и отношения к ним средневековых авторов.

Так, Абу Бакр Каландар, описывая события столетней давности – эпоху завоеваний Чингис-хана, отмечает, что в завоевателе и его действиях «проявился гнев Аллаха», но подчеркивает, что события и свершились по божьей воле, поскольку верующие отвернулись от религии и перестали соблюдать ее

¹ Что касается последнего произведения, то современные исследователи упоминают о существовании преданий о любви знатного золотоордынского юноши и дочери чагатайского военачальника, а иногда – и прямо сына хана Токтамышша и дочери Тамерлана [8, с. 16].

² При этом исследователь полагает, что прямым прототипом поэмы Хисама Кятиба послужило не произведение Аттара, а агиографическое сочинение «Ахвал-и кийамат» («События судного дня»), составленное анатолийским поэтом Шейхадом Исой в XIII в. [12, с. 19–20, 24].

заповеди¹. В данном случае невозможно не провести параллель с утверждениями русских летописцев, писавших, что монголы пришли на Русь и завоевали ее «по грехом нашим».

Любопытно отметить, впрочем, что автор «Каландар-наме» не проклинает Чингис-хана, хотя и упоминает об убийстве им многих «шейхов и муфтиев», то есть, почитаемых мусульманских священнослужителей. Во-первых, как утверждает Абу Бакр Каландар, у Чингис-хана имелся собственный наставник – мусульманин по имени Пир Йалла². Во-вторых, как пишет сам автор, «были сокрыты в чреслах его [Чингис-хана – *Р.П.*] много царей»: речь идет о ханах-Чингизидах, которые впоследствии сами приняли ислам³.

Хисам Кятиб, писавший свою поэму «Царь-череп» в самый разгар золотоордынской смуты, выразительно названной русскими летописцами «Замятня великая» (1360–1370-е гг.), говоря о событиях своего времени, также вспоминает о событиях минувших дней – нашествиях Чингис-хана на Среднюю Азию, а также вторжениях в Золотую Орду его внука – персидского ильхана Хулагу в начале 1260-х гг., после которых оставалась лишь «следов их гарь»⁴.

Не менее интересно отношение авторов к современной им политической ситуации.

Так, Абу Каландар сообщает, что страна живет в спокойствии, народ наслаждается справедливостью и покровительством правителей – как ханов, так и наместников областей, которых он упоминает в своей поэме⁵. Подобная

оценка соответствует и сведениям известных нам исторических сочинений: правление хана Узбека (1313–1341) и его сына Джанибека (1342–1357) считается эпохой расцвета Золотой Орды.

Совершенно иначе описаны современные события Хисамом Кятибом: эпоха смуты в Золотой Орде заставляет его гораздо более пессимистично оценивать текущую ситуацию в стране. Вкладывая в уста своего героя (Царя-череп) описание жизни во дворце, автор поэмы, как полагают исследователи, описывал реалии ордынского ханского двора. Соответственно, им резко осуждаются стремление правителей к стяжанию богатств и поиску наслаждений при одновременном отказе от помощи беднякам и т. д. [14, с. 269–270, 271]. Являясь современником гражданской войны, в которой гибло немало представителей всех слоев золотоордынского населения, Хисам Кятиб, используя суфийские мотивы, неоднократно высказывает идею о том, что всех (от хана и сановника до последнего нищего) в конце концов все равно ждет смерть, и никакие знатность и богатство не спасут от нее. Неслучайно татарский исследователь советского времени Д. Алмаз охарактеризовал «Джумджумасултан» как «антифеодальную поэму» [15, с. 74, 75, 77].

В период драматических событий довелось жить и творить известному золотоордынскому поэту Сайфу Сарайи: ему пришлось пережить войны среднеазиатского завоевателя Тимура (Тамерлана) с золотоордынским ханом Токтамышем (1379–1395), завершившиеся

¹ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / пер. с перс. И. Р. Гибадуллина, М. Р. Шамсимухаметовой; ред., пред., коммент. И. Р. Гибадуллина. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2017. С. 539, 540.

² Исследователи не могут соотнести Пира Йалла с каким-либо историческим деятелем, известным по источникам. Однако казанский историк И. М. Миргалеев не без оснований предлагает видеть в этом Пире Йалла посланца багдадского халифа, переговоры с которым во многом повлияли на вторжение Чингис-хана в Хорезм в 1219–1221 гг. [13, с. 64].

³ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 540.

⁴ Поэзия Золотой Орды / пер. Р. Бухараева. Москва : Рипол Классик, 2005. С. 108–109.

⁵ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 541.

вторжением чагатайских войск в Золотую Орду и разорением многих ее регионов. Естественно, поэт весьма негативно относится к Тимуру: «Железный Хромец шел войной на Ургенч, Хорезм сокрушая, как яростный смерч»¹. Как и в случае с оценками нашествия монголов в XIII в., представляет интерес возможность сравнить отношение к Тамерлану со стороны Сарайи и, например, неизвестного русского автора «Повести о Темир-Аксаке», посвященной вторжению войск Тамерлана на Русь в 1395 г.

Наряду с описаниями и оценками поэтами реалий своего времени в целом представляют большой интерес характеристики, которые они дают современным им правителям – ханам Золотой Орды и их сановникам. Весьма подробные и выразительные описания даны тем представителям правящей элиты, которые являлись покровителями авторов в период создания соответствующих сочинений, либо которым авторы посвящали свои произведения – в благодарность за покровительство или, напротив, в ожидании такового.

Абу Бакр Каландар создавал свое масштабное произведение «Каландар-наме» в период правления ханов Узбека и Джанибека, каждому из которых посвятил отдельную главу своего произведения.

Так, хан Узбек в его описании представлен идеальным правителем, прекрасным душой и телом, причем в буквальном смысле: «чистый телом, благочестивый и душой чистый». Государство его «целиком безопасно

благодаря справедливости его. Волк теперь беседует с ягненком». Идеальный правитель обязательно должен быть справедлив, и хан Узбек полностью соответствует этому критерию: «Меч справедливости его несправедливость надвое рассек... Никогда не даст он согласия на несправедливость». Кроме того, для автора-суфия весьма показательной характеристикой главы государства является его отношение к религии, и в этом отношении он также восхваляет хана Узбека как «верного исламу царя правоверных», «солнца государства, религии и величия», «падишаха разумного и прозорливого»².

Завершение «Каландар-наме» пришлось уже на начало правления хана Джанибека, так что, неудивительно, что автор в превосходной степени оценивает и этого правителя – даже более выразительно, чем его отца: «Царь царей, месяц месяцев Джани-хан, проявление милости Аллаха вечного. Солнцем справедливости, тенью Аллаха он является. Дарует он правосудие, словно источник, [питающий] ручей». И если о религиозности хана Узбека Абу Бакр отзывается положительно, но довольно абстрактно, то в отношении Джанибека он гораздо более конкретен, называя его «знатоком шариата и религии Мустафы он является. Деятельным и избранным является на пути друзей [Аллаха]»³. При этом новый хан не менее правосуден, чем его отец: «Справедлив он, словно пророк Давуд»⁴.

¹ Поэзия Золотой Орды. С. 152. Сайф Сарайи был не единственным поэтом, выражавшим негативное отношение к Тамерлану. В частности, его современник Ахмед Урганджи (вторая пол. XIV в.) в одном из своих сатирических стихотворений адресует завоевателю следующее обращение: «Эй тиран и кровопийца, достойный адского огня, безмозглый, / До каких пор ты заставляешь проливать кровавые слезы полные Аму и Сыр-Дарьи?!» и далее описывает страдания, причиненные им жителям Золотой Орды [16, с. 175–176].

² Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 541, 542.

³ Средневековые мусульманские авторы также характеризуют хана Джанибека как весьма ревностного мусульманина, стремившегося всячески распространять ислам среди своих подданных, см.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург : Изд. графа С. Г. Строганова, 1884. С. 264; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. С. 128.

⁴ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 582.

Мусульманское благочестие Джанибека в характеристике Абу Бакра Каландара, вполне сочетается с его воинственностью. С одной стороны, хан характеризуется как талантливый полководец и удачливый завоеватель: «Да будет меч султана¹ острым всегда! Оттиск царя пусть в [каждом] сердце и душе будет. Захватил он [земли] от [страны] Хита до границ Рума, сердца железные размягчил, словно воск»². С другой стороны, хан и сам является храбрым воином: В день битвы и смелости подобен льву. Убийца могучих и храбрых богатырей». Впрочем, и в мирное время Джанибек демонстрирует все те же качества идеального правителя. Он справедлив по отношению к подданным: «С того времени, как взошел он на престол, справедливость царя несправедливости шею сломала»; «Дарует правосудие старикам, юношам и детям». Для своих приближенных он постоянно устраивает пиры, проявляя чудеса гостеприимства: «В день пиршества в щедрости и дарении подобен он морю или руднику»³.

В сочинении Кутба «Хосров и Ширин» можно наблюдать сходную характеристику, которую автор дает Тинибеку (1341–1342) – старшему сыну и законному наследнику хана Узбека. Именно ему поэт посвятил свое произведение, надеясь, что хан увидит в образе идеального правителя, каковым предстает в поэме персидский шах Хосров, самого себя, а в Ширин – свою супругу⁴. В посвящении новый хан постоянно фигурирует как «достойный падишах», который «снизошел» к автору произведения. Кутб ставит хана даже выше, чем героя своего произведения: «Знавал ли Хосров [подобное] величие?»⁵.

¹ Обратим внимание, что Абу Бакр упоминает Джанибека именно под мусульманским титулом «султан», вероятно, стремясь подчеркнуть его приверженность исламу.

² Правда, скорее всего, столь лестный отзыв автора о воинских успехах хана дан «авансом»: ведь основные свои завоевания Джанибек совершил во второй половине 1340-х – середине 1350-х гг., то есть, уже после написания «Каландар-наме».

³ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 582.

Вместе с тем, находясь при ханском дворе и, вероятно, имея связи среди сановной элиты, поэт, вероятно, мог видеть, что не все сановники лояльны хану. Неслучайно в своей поэме он, хотя и несколько завуалировано, дает совет своему покровителю никому безоговорочно не доверять и постоянно проявлять бдительность [см.: 16, с. 165]. Последовавшие вскоре события подтвердили обоснованность беспокойства Кутба: не процарствовав и года, Тинибек был свергнут и убит сторонниками своего брата Джанибека.

Сайф Сарайи в своей поэме упоминает хана Токтамышша, которому пришлось противостоять нашествию Тамерлана. В отличие от возвышенных характеристик ханов «золотого века», этот правитель удостоился буквально одной строчки в поэме «Сухейль и Гульдурсун»: «Встал хан Тохтамыш на защиту страны. / Родных разлучая дул ветер войны»⁶. Полагаем, что подобная лаконичность весьма показательна: с одной стороны, этот правитель, в значительной степени спровоцировавший войну с Тимуром и проигравший ему почти все сражения, не удостоился лестных характеристик современников, в том числе и в исторических хрониках, с другой – в тяжелый период иноземного нашествия поэт, видимо, не считал возможным осуждать собственного монарха, поэтому столь нейтрально описал его, отметив то, что хан все же выполнил свою обязанность и выступил на защиту своего государства.

Нельзя не обратить внимания, что хотя большинство характеристик, данных поэтами ханам Золотой Орды и являются «универсальными» для средневековой мусульманской поэзии, они отражают

⁴ Исследователи, впрочем, высказывают мнение, что посвящение поэмы Тинибеку могло быть написано Кутбом «в последний момент», когда он уже занял отцовский престол, а изначально поэма могла писаться для хана Узбека [1, с. 127].

⁵ Поэзия Золотой Орды. С. 49. См. также: Ахунов А. М. Арабский источник средневековой тюрко-татарской литературы. С. 123.

⁶ Поэзия Золотой Орды. С. 152.

особенность статуса правителей этого государства и основные направления их государственной деятельности. Так, говоря о справедливости и правосудии ханов, авторы подразумевают, что правители творили суд, являясь высшей судебной инстанцией. Спокойствие и богатство страны – результат их текущей административной деятельности. Военные подвиги – отражение статуса ханов как верховных командующих в войнах и походах и т. д.

Покровителями золотоордынских поэтов были не только ханы, но и высокопоставленные сановники – правители регионального уровня. Соответственно, в некоторых поэмах даны характеристики некоторых таких деятелей, существенно дополняющие краткую информацию о них, содержащуюся в исторических источниках.

Абу Бакр Каландар являлся также богословом и правоведом. По мнению современных исследователей, именно его упоминает Ибн Баттута в качестве имама соборной мечети города Солхат (совр. Старый Крым) в начале 1330-х гг.¹, когда там побывал этот знаменитый марокканский путешественник [17, с. 42]. Соответственно, он зависел от благорасположения не только ханов, но и крымских наместников, которым также посвятил главы своего сочинения.

И, надо сказать, их характеристики не менее выразительны и не менее похвальные, чем данные Абу Бакром Каландаром самим ханам. Так, первый правитель Крыма, при котором он писал свою поэму, эмир Тулак-Тимур, характеризуется, в первую очередь, как «эмир, душою чистый», а также и как просвещенный деятель и истинный мусульманин; «жизнь его прошла вместе с учеными, а затем он стал обладателем тайн»; «с дервишами он был в духовном общении, каждому [из них] показал сто чудес»; «был сведущ в шариате тот эмир, в тарикате был духовным путником весьма

бесподобным». Конечно же, Крымский улус Золотой Орды не мог не процветать при таком идеальном наместнике: «Этот Крым, благодаря его справедливости, стоял на ногах. Справедливость и правосудие его целиком уместны были. Эмиры, визири и вельможи могут им гордиться»². Однако столь выдающегося правителя постиг трагический конец: «вдруг по приговору и предопределению [Аллаха], отвернулась от него удача во всем... Обрекли на мученическую смерть его неверные на вершине той горы огромной и весьма большой»³. Другие источники не донесли до нас сведений об обстоятельствах гибели этого эмира, в исследовательской же литературе высказывается предположение, что он мог пасть в стычке с представителями тюркских или монгольских племен – противниками установления ислама в Крыму [13, с. 65]. В таком случае сообщение Абу Бакра Каландара является уникальным и позволяет утверждать, что распространение ислама шло в Золотой Орде не столь гладко даже в 1330-е гг., несмотря на всемерную (политическую, правовую и военную) ее поддержку ханом Узбеком.

Преемником Тулак-Тимура стал эмир Тимур-Кутлуг, который также имел «похвальный нрав». Кроме того, как и его предшественник, он был верным приверженцем ислама: «В эмирате и этом законе и положении весьма великим и внушительным он является благодаря Аллаху»; «в шариате он ученым и деятельным [является]. В тарикате он духовный путник и храбрец. Ведает об истине и поступает согласно ей самость чистая этого эмира милолицего»; «является он товарищем, родней и наперником для ученых... Обладателем благоденствия и добродетели является этот мир со старшими и младшими, факихами и учеными». Конечно, поэт не мог не оценить в самых превосходных тонах своего нового покровителя: «Какой бы эмир в Крыму ни

¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 281.

² Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 952–953.

³ Там же. С. 953.

появился, этот эмир наш лучше их [всех]». И, естественно, вверенный ему регион при обладателе столь многих достоинств должен переживать исключительно период процветания: «Этот край благодаря справедливости и правосудию его держится, благодаря этой щедрости и великодушию его, [которые даны ему Аллахом]»; «годами живем мы в спокойствии благодаря благодению его»¹.

И если, говоря о Тулак-Тимуре, поэт приводит ценное свидетельство о его гибели, то в его сведениях о Кутлуг-Тимуре также содержится любопытное сообщение: «Происхождения сельджукского он, эмир владетельный»². Это позволяет предположить, что крымский наместник мог быть потомков турков-сельджуков, которые в середине 1260-х гг. покинули свою родину после свержения султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса и получили от золотоордынского правителя Берке (брата Батые) земли в Крыму во владение [13, с. 64].

Еще один государственный деятель, который удостоился лестной характеристики золотоордынского поэта – эмир Мухаммед-Ходжа-бек, покровитель Хорезми, автора «Мухаббат-наме». Его затруднительно отождествить с каким-то деятелем, известным по историческим источникам, хотя современные исследователи и склонны видеть в нем «правителя восточной части Золотой Орды» [16, с. 166]. Никаких доказательств в пользу этого мнения не имеется, поэтому строить предположения о его статусе можно только на основе упоминаний о нем в самой поэме. Из ее содержания следует, что Хорезми творил при дворе этого правителя где-то «на берегу Сыра»³, то есть, Сырдарьи: вероятно, Мухаммед-Ходжа правил в центре этого золотоордынского региона – городе Сыгнаке. Кроме того, автор поэмы упоминает, что эмир был «храбрый лев из

племени Кунграт», «находящийся в родстве с падишахом Джаныбеком»⁴. Следовательно, речь идет о весьма высокопоставленном сановнике, родственнике хана по материнской линии (поскольку матери большинства золотоордынских ханов действительно принадлежали к племени кунгратов).

Учитывая, что поэма написана в 1353 или 1354 г., позволим себе высказать предположение о том, при каких обстоятельствах этот эмир мог занять свой пост. В русской летописи под 1352 г. содержится сообщение: «Гое же осени прииде царь Чанибекъ съ воины, прогнавъ царя Оурдака въ пустыню»⁵. Исследователи предлагают разные интерпретации по поводу этого события, местности, о которой идет речь и таинственного «Оурдака», однако, полагаем, есть основания связать изгнание некоего потомка ханского рода (коль скоро в летописи он называется «царем») и назначение в его владения ханского наместника (улус-бека) – эмира Мухаммеда-Ходжи.

В целом характеристика этого деятеля у Хорезми вполне сопоставима с теми, которые дают представителям власти его коллеги и современники – Абу Бакр Каландар и Кутб. В глазах своего почитателя-поэта этот эмир – «шах, царствующий как Соломон, с [воскресающим] дуновением мессии и лицом Иосифа»; «для страны ты – хорошее предзнаменование». Он обращается к своему покровителю: «Мухаммед-Ходжа-бек, второй Джемшид, ты желание мира и владыка народа! Осчастливь искусство, ради искусства осыпь нас милостями». Обратим внимание, что Хорезми называет его – «Мухаммад-Ходжа-бек, владыка государства», и неоднократно титулует «шахом»⁶, что, возможно, отражает особый статус наместника, его высокое место в сановной иерархии, где выше его стоит

¹ Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 953, 954.

² Там же. С. 953.

³ Хорезми. Мухаббат-наме / изд., пер. и исслед. Э. Н. Наджиба. Москва : Наука, 1961. С. 102.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Полное собрание русских летописей. Стб. 61.

⁶ Хорезми. Мухаббат-наме. С. 70, 72, 101.

только «падишах» Джанибек. Любопытно, что при этом весьма ревностном хане-мусульманине эмир Мухаммед-Ходжа, похоже, не слишком строго соблюдал предписанные исламом запреты: показательным является неоднократное упоминание Хорезми в своей поэме «кубка, который я выпью за шаха Мухаммед-Ходжу»¹.

Завершая анализ характеристик ханов и сановников в золотоордынской поэзии, следует отметить наличие в них достаточно стандартных, можно сказать – шаблонных элементов. Исследователи уже обращали внимание на то, что золотоордынские поэты в своих сочинениях уделяли внимание проблемам справедливого управления государством и формированию образа идеального правителя, по сути, высказывая собственные политические взгляды и формируя концепции. Конечно, во многом они базируются на постулатах мусульманской политической мысли, в соответствии с которой идеальный правитель религиозен, справедлив, щедр, милостив к подданным и при этом прекрасен душой и телом [см., напр.: 14, с. 269]. Все это мы наблюдаем в анализируемых поэмах – наряду с упомянутым выше отражением в их характеристиках также и особенности их статуса, властных полномочий, направлений политики и пр.

Как мы уже делали выше, считаем возможным провести параллели также с известными нам русскими средневековыми памятниками – на этот раз с агиографическими сочинениями, содержащими жизнеописания русских князей, признанных святыми. Полагаем, что при сравнительном анализе можно будет обнаружить немало совпадений в характеристиках государственных деятелей – особенно по вопросам

религиозности и прекрасных душевных качеств.

Теперь перейдем к анализу сведений правового характера, которые обнаруживаются в произведениях золотоордынской поэзии. Сразу отметим, что, в отличие от характеристик политических и государственных реалий и личностей правителей и государственных деятелей, такой информации в сочинениях поэтов Золотой Орды гораздо меньше, и она не так систематизирована – скорее, напротив, лапидарна, а краткие сообщения относятся к совершенно разным сферам правоотношений. Тем не менее, полагаем, что и эти сведения могут представлять интерес с историко-правовой точки зрения.

Так, Абу Бакр Каландар приводит в одной из глав своей поэмы притчу, в которой фигурирует чиновник, известный в персидских текстах как шихне, в монгольских – даруга, а в тюркских (как и в русских летописях) – баскак:

«Схватил городничий (шихна) воришку, о сынок.

Ночь настала, сказал он: «Повесьте его.

Заставьте его жизнь [свою] возненавидеть».

Стражнику его передал, а сам пошел [дальше],

Сказал, чтобы тотчас же решил тот участь его»².

Как видим, шихна выступает здесь в качестве представителя правоохранительной системы, обладающего также и судебными функциями.

Другая ипостась этого чиновника представлена в поэме Кутба «Хосров и Ширин» при описании главной героини: «Взяв в [белую,] как молоко руку гребень из слоновой кости, Она превратила гребень в ильчи, [а свою] руку в баскака. Непрестанно прибывают ильчи, собрав харадж...»³.

¹ Там же. С. 85.

² Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. С. 183.

³ Перевод с оригинала любезно предоставлен автору статьи кандидатом исторических наук И. А. Мустакимовым, ведущим научным сотрудником Национальной библиотеки Республики Татарстан (г. Казань).

На основе сообщений русских летописей современные исследователи формируют представление о баскаках именно как о сборщиках дани. Однако сопоставление этих двух сообщений из разных поэм позволяет увидеть в шихне/баскаке чиновника более высокого уровня – администратора, правителя города или области, в подчинении которого находились и стражники, и непосредственные сборщики налогов.

В поэме Сайфа Сарайи «Сухейль и Гульдурсун» мы встречаем весьма любопытное описание тюрьмы, в которую был брошен главный герой, взятый в плен во время сражения, и об условиях содержания в ней. Автор сообщает: «Цепями сковали Сухейля враги, набили колодки на обе ноги. В застенки упрятали в недрах земных...». Кроме того, сообщается, что заключенного не кормили, и только еда, передаваемая ему влюбленной в него Гульдурсун во время свиданий, позволила Сухейлю не умереть с голоду¹. Подобные тюрьмы и условия содержания в них вполне соответствуют представлениям о среднеазиатских тюрьмах и гораздо более позднего времени – зинданах, сохранившихся вплоть до начала XX в. [см. подробнее: 18, с. 79–81]. Любопытно, что в поэме даже упоминается термин «зиндан»².

До сих пор мы говорили об авторских произведениях, созданных в традициях мусульманской поэтической и религиозно-правовой литературы. Однако к числу золотоордынских поэтических произведений относится еще одно сочинение, стоящее особняком в их ряду. Речь идет о так называемой «рукописи на бересте», содержащей традиционную монгольскую песню. Эта рукопись, относящаяся предположительно к первой трети XIV в., была обнаружена в Саратовской области в 1930 г. при проведении раскопок и, насколько известно, является единственным

сохранившимся текстом ордынского времени на монгольском языке (написано уйгурским алфавитом).

Читаемыми в рукописи являются всего несколько фрагментов, из которых можно понять, что это – песня-обращение матери к сыну, который отправляется на службу к правителю. Однако А. Б. Малышев, современный исследователь истории религии Золотой Орды, полагает, что на самом деле текст носит ритуальный характер и отражает церемонию захоронения воина (возможно, сына женщины, от имени которой исполняется песня) в соответствии с немусульманским обрядом. Лица, проводившие ритуал, опасались привлечь внимание поборников ислама, поэтому, вместо публичного исполнения обрядовых текстов, просто положили их список в захоронение [19, с. 84].

Текст этот неоднократно исследовался специалистами-монголоведами, однако в рамках данной статьи нас интересует возможность его использования как источника сведений о праве Золотой Орды. Соответственно, во-первых, песня отражает воинскую обязанность мужчин, наступающую по достижении определенного возраста: «Будучи забираемо бывшим властителем и собираемо, будешь взято ты, дитя мое»; «Судьбою данным прекрасным властителем на службу, будучи разыскиваемо, будешь взято ты, дитя мое» [20, с. 87, 98]. Кроме того, неоднократно встречающееся выражение применительно к будущему служащему «упасть под перекладыной» [20, с. 132], на наш взгляд, может отражать беспрекословное подчинение начальнику и исполнение всех его приказов, известное нам и по другим источникам³.

Завершая исследование, следует отметить, что, конечно же, на основе исключительно содержания проанализированных поэтических

¹ Поэзия Золотой Орды. С. 153, 156.

² Поэзия Золотой Орды. С. 154.

³ См., напр.: Плано Карпини И. де. История монголов : текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. Москва : Ин-т Дальнего Востока, 2022. С. 150–151.

произведений эпохи Золотой Орды мы не можем сформировать какое-либо целостное и завершённое представление о ее государственности и праве, в полной мере реконструировать образы правителей и сановников. Однако, на наш взгляд, эти произведения представляют ценный дополнительный источник по истории золотоордынской государственности и права, который в сочетании с другими историческими памятниками помогает расширить наши представления об определенных политико-правовых институтах и практике правоприменения. В то же время они являются самостоятельным и весьма важным источником сведений о правосознании определенной категории населения Золотой Орды – интеллектуалов, придворных поэтов и ученых, отразивших в своем творчестве отношение к конкретным событиям и давших оценки ряда государственных деятелей со своей позиции. Наконец, как мы обращали внимание в рамках исследования, в ряде случаев содержание золотоордынских поэтических произведений позволяет провести сравнение с аналогичными по содержанию фрагментами современных им творений русских авторов, что, в свою очередь, подразумевает разработку нового направления в изучении истории русско-ордынских отношений, в том числе и в историко-правовом аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахунов А. М. Арабский источник средневековой тюрко-татарской литературы. Казань : Изд-во ТГГИ, 2001. 174 с.
2. Ахметова А. И. «Хосров и Ширин» Кутба в татарской литературной медиэвистике // Научный Татарстан. 2013. № 3. С. 85–88.
3. Бородовская Л. З. Суфийские символические формы в поэме эпохи Золотой Орды «Каландар-наме» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 62–78.
4. Гарипова Г. Ф. Морфологические особенности поэмы Кутба «Хосров и Ширин» (XIV в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 30 с.
5. Маликов Р. Ш., Гарипова А. Н. Сайф Сараи как представитель гуманистической педагогической мысли периода Золотой Орды // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 5. С. 64–66.
6. Мурзагулова З. Г. Вопросы психологизма в произведении Сайфа Сараи «Гулистан бит-тюрки» («Цветущий сад по-тюрки») // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). С. 40–44.
7. Мухаметзянов И. М. Фольклор в поэме Кутба «Хосров и Ширин» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 23 с.
8. Миннегулов Х. Ю. Литературное наследие Сейфа Сараи (по случаю 700-летия со дня рождения поэта) // Золотоордынское наследие. Вып. 4 : сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 8–21.
9. Комментарии к «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми. Вып. 1 / Д. А. Шагавиев, И. Р. Гибадуллин, А. А. Хасавнех, М. М. Якубович. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2017. 96 с.
10. Идельбаев М. Х. «Хосров и Ширин» Кутба – общетюркский литературный памятник XIV столетия // Түркология. 2016. № 6. С. 89–92.
11. Исламов Р. О произведениях «Ку Бас» и «Кысса-и Джумджума» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 3-4. С. 222–226.
12. Исламов Р. Еще раз о «Джумджума султан» Хусама Катиба // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 1. С. 19–26.
13. Миргалеев И. М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 63–68.

14. Маликов Р. Ш., Гарипова А. Н. Гуманистическая педагогическая мысль средневекового просветителя Золотой Орды Хисама Кятиба // Новые технологии. 2012. № 1. С. 269–272.

15. Алмаз Д. «Дастан-и Джумджума» (антифеодалная поэма XIV в.) / подгот. текста М. И. Ахметзянова // Научный Татарстан. 2015. № 1. С. 72–90.

16. Миннегулов Х. Проблемы властелина и государственности в литературе Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 158–181.

17. Миргалеев И. М. Абу Бакр Каланадр Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 41–45.

18. Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. Москва : ИД ВШЭ, 2019. 424 с.

19. Малышев А. Б. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? // Mongolica X. 2013. С. 82–85.

20. Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. Т. II. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. С. 81–136.

УДК 343.337
EDN [WGKPTU](#)

Фирсова Ольга Анатольевна,
профессор кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении гражданских
и арбитражных дел
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: olfi75@mail.ru

ГЕНОЦИД СОВЕТСКОГО НАРОДА: УНИЧТОЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В статье затрагивается проблема необходимости закрепления исторической справедливости относительно внесения в содержание понятия «Геноцид советского народа» составляющей, связанной с целенаправленным уничтожением культурного кода советских граждан. Предполагается, что такой однозначный вывод можно сделать путем анализа сведений о комплексе действий фашистского руководства и армии, выразившихся не только в уничтожении людей всех национальностей, проживавших на оккупированной территории, но и целенаправленном разрушении в местах боевых действий, уничтожении и вывозе культурных, исторических ценностей, христианских святынь.

Ключевые слова: геноцид, советский народ, доказательства преступлений немецко-фашистских захватчиков, культурный код.

Для цитирования: Фирсова О. А. Геноцид советского народа: уничтожение культурного кода // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 45–52.

Firsova Olga Anatolyevna,
Professor of Department of
Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation
in the Consideration of Civil and Arbitration Cases
of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences, Ass. Professor
Shevtsova st., 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: olfi75@mail.ru

GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE: DESTRUCTION OF THE CULTURAL VALUES

Annotation. The article addresses the problem of the need to consolidate historical justice regarding the inclusion in the content of the concept of "Genocide of the Soviet people" a component related to the targeted destruction of the cultural code of Soviet citizens. It is assumed that such an unambiguous conclusion can be made by analyzing information about the complex of actions of the fascist leadership and the army, expressed not only in the destruction of people of all nationalities living in the occupied territory, but also the targeted destruction in places of hostilities, the destruction and export of cultural, historical values, Christian shrines.

Key words: genocide, Soviet people, evidence of the crimes of the Nazi invaders, cultural code.

For citation: Firsova O. A. Genocide of the Soviet People: Destruction of its Cultural Values // The Art of Law. 2025. № 4. С. 45–52.

Одной из самых страшных трагедий российской истории, ныне юридически установленных и подтвержденных решениями судов Российской Федерации, является геноцид советского народа. В каждом из решений отражены факты преднамеренного истребления самыми страшными изощренными способами советского мирного населения и военнопленных, которое было средством реализации планов по массовому уничтожению народов СССР. Огромная работа была проведена и не останавливается по сей день в рамках проекта «Без срока давности» рабочими группами во взаимодействии прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, ФСБ России и МВД России, поисковых движений, историков, сотрудников института истории Российской академии наук и Государственного архива в целях розыска военных преступников и выявления военных преступлений, которым не дана была процессуальная оценка. Первое решение об установлении юридического факта «геноцида» было принято 27 октября 2020 года в Солецком районном суде Новгородской области по иску прокуратуры в связи с вновь выявленными в 2019 году массовыми убийствами «тайлькомандой айнзацкоманды 1ц» (специальным формированием немецких и литовских граждан фашистским отрядом карателей) в деревне Жестяная горка¹.

¹ Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. Том I. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/100599094-e5954056> (дата обращения: 14.10.2025).

Сейчас таких решений уже 33. В рамках нашей темы особо обратим внимание, что в описании доказательственной базы последующих решений, в том числе с использованием материалов возбужденного Следственным комитетом России уголовного дела и согласно архивным данным, приводятся, например, сведения о том, что «Захватчики уничтожали исторические памятники, учебные заведения, музеи, монументальные здания, украшавшие город и представлявшие результат труда последних поколений... В Германию вывезены исторические артефакты и ценные экспонаты из музея изобразительных искусств и краеведческого музея. Разрушены здания церквей, разграблено ценное церковное имущество». Общий ущерб, нанесенный г. Воронежу оккупантами, составил 5,047 млн рублей, в переводе на современный курс 3,867 млрд рублей². В Новгородчине «варварскому разрушению подвергнуты многочисленные памятники русского зодчества, снято золотое покрытие с куполов Софийского собора и с Георгиевского собора Юрьева монастыря и полностью разграблено их внутреннее убранство. Разобран и подготовлен к отправке в Германию памятник «Тысячелетие России». Ущерб, причиненный только организациям, предприятиям и колхозам, в переводе на

² Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. Том II // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/100599094-e5954056> (дата обращения: 14.10.2025).

современный курс рубля составляет более 48 трлн. рублей»¹.

Кто-то может сказать, что эти решения бесполезны и ничего нового не приносят, поскольку еще Нюрнбергским процессом подобные факты осуждались, о преступлениях нацистов давно известно и российской и зарубежной общественности. Ради справедливости необходимо возразить. Во-первых, действительно были, но осуждены лишь часть немецких преступников именно за совершение военных преступлений, во-вторых, эти судебные решения уже положены в основу ряда международных документов, которые распространены МИДом России в качестве официальных документов Генеральной Ассамблеи ООН². Необходимо признать, что факты продолжают множиться, приводя к осознанию того, что на настоящий момент в России в отличие, например, от Беларуси³, сейчас нет законодательно закрепленного порядка вынесения приговоров в отношении умерших лиц (немецко-фашистских захватчиков и их пособников), а также отсутствует правовой порядок предъявления требований к государствам «ОСИ» (гитлеровской коалиции) по вновь выявленным обстоятельствам о компенсации ущерба по итогам расследования уголовных дел «без срока давности». И, главное, необходимо признать, что помимо физического уничтожения людей частью целенаправленной политики «выжженной земли» было и уничтожение Героизма, Духа, Силы, Истории и Культуры народов

¹ Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. Том III // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/100599094-e5954056> (дата обращения: 14.10.2025).

Страны Советов. Всего того, что сейчас именуется культурным кодом и подразумевает комплекс уникальных культурных особенностей, стереотипов поведения ранее Советского, а сейчас Российского гражданина.

Изучение массы литературных и научно-исследовательских источников, сообщений в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе, подготовленных по рассекреченным в последние годы архивным материалам, позволило сделать вывод, что эта сторона злодеяний до недавнего времени рассматривалась лишь с точки зрения позиции хищнического розыска и присвоения фашистами соответствующих предметов истории и культуры для «решения идеологических задач Немецкой национал-социалистической рабочей партии и научных исследований «Высшей школы»» [1 ; 2] либо при банальном их расхищении как имеющих какое бы то ни было ценностное значение для последующей продажи, в качестве сувенира или применения в быту. Были уничтожены и осквернены памятники культуры и архитектуры: дома-музеи К. Э. Циолковского, П. И. Чайковского, Ясная Поляна, Пушкинский заповедник и усадьба поэта в Михайловском, Ново-Иерусалимский монастырь в Истре и многие другие. По приказу генерала Линдемана, командующего 18-й армией, разобрали и подготовили к отправке в Германию как металлический лом на

² Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принята 17 декабря 2024 г. // Официальный сайт Тасс-Медиа. URL: <https://tass.ru/info/22702019> (дата обращения: 14.10.2025).

³ Расследование уголовного дела о геноциде // Сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/> (дата обращения: 14.10.2025).

переплавку памятник «Тысячелетие России». Относительно особо известных предметов или даже коллекций после окончания войны возникали споры по проблемам реституции, а возвращение иных иначе как чудом назвать нельзя. в период с октября 1945 по сентябрь 1948 года американские оккупационные власти вернули представителям Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в общей сложности 534 120 «предметов» 13 партиями. Поставки включали транспортные накладные и подтверждавшие передачу квитанции, подписанные обеими сторонами.

Не является тайной, что «принудительное изъятие» немцами художественных и исторических ценностей в оккупированных странах по всей Европе и особенно в Советском Союзе было тщательно спланированным. Тщательно была разработана так называемая операция «Линц», итогом которой было бы создание самого большого в мире музея из лучших экспонатов со всего мира.

Так, например, еще в конце 1930-х годов в СССР побывала кунсткамиссия из немецких искусствоведов под руководством Нильса фон Хольста, по итогам которой на имя министра пропаганды Йозефа Геббельса был подготовлен список германских культурных ценностей, которые «незаконно» находились у иностранцев в результате культурного обмена или в виде дипломатических подарков, к слову, в этом перечне среди 60 предметов, которые требовалось доставить в Рейх, находилась и Янтарная комната.

В самом начале Второй мировой войны по указанию Гитлера создан ряд организаций для розыска и изъятия культурных ценностей на оккупированных территориях.

Среди них Аппарат генерального посредника для учёта немецких культурных ценностей на присоединённых восточных территориях («Генеральное посредничество „Восток“»), находившийся в ведении Гимmlера, батальон особого

назначения под командованием штурмбанфюрера СС барона фон Кюнсберга, состоявший из специалистов в области культуры и искусства и целого ряда иных специалистов, подчинявшийся министру иностранных дел И. фон Риббентропу, штаб рейхсляйтера Розенберга, и учреждённый им же «Центр по охвату и сбору культурных ценностей на оккупированных восточных территориях», вывозом различной документации и ценностей занимались подразделения RSHA айнзатцгруппы и др. После того, как войска входили в какой-либо город туда приезжали специалисты различных направлений, которые осматривали музеи, выставки, библиотеки и научные учреждения, в которых отбирали и конфисковывали все ценное.

Так, например, Айнзатцкоманда «Потсдам» вошла во Львов сразу за частями Вермахта. За две недели ЕК «Потсдам» изъяла из библиотеки Львовского университета все карты и атласы, а также все политические материалы под авторством Ленина и Сталина. До 16 сентября 1941 года айнзатцкоманда изымает огромное количество страноведческого и экономического материала из школ и библиотек Житомира, а также проводит оценку культурных ценностей. Исходя из этой оценки, 6 января 1942 года, для отправки в Рейх, из Житомира отгружены 36 музейных предметов искусства: китайские фарфоровые вазы, предметы посуды барокко и рококо, скульптуры из позолоченной бронзы, гобелены и различные скульптуры Ленина. В октябре айнзатцкоманда приступила к грабежу Киево-Печерской лавры музея-заповедника, в котором хранилось огромное количество антикварных книг и драгоценностей. 3 ноября немцы взорвали Успенский собор Киево-Печерской лавры. Во Владимирском соборе ЕК «Потсдам» также захватила огромный книжный фонд,

в котором находилось от 4 до 5 миллионов книг, начиная с изданий эпохи Петра I¹.

На территории Советского Союза действовал план по «устранению ущербной идентичности неарийцев», который последовательно реализовывался фашистами путем грабежа музеев, хранилищ, библиотек и архивов (в том числе частных), мало того, на основании ряда приказов подразделениям Кюнсберга давались дополнительные полномочия по конфискации всех важных материалов, заказчиком захвата которых являлось исключительно командование вермахта.

Уже в 1942 году в Берлине проведена закрытая выставка, на которой присутствовали все главари рейха. Оценивая успехи в «поражении главного врага» часть их была награждена захваченными раритетными книгами и предметами культуры. Например, Герингу достались два альбома гравюр с автографом Рубенса, Гитлер провозгласил, что оставляет себе около 80 томов на французском языке о походе Наполеона в Египет из Царскосельского лицея. Исходя из поставленных ими целей, задача была уточнена помимо непосредственно разграбления требовалось уничтожить памятники культуры и архитектуры, несмотря даже на их иногда вековую историю. Так, Айнзатцкоманда «Север» (бывшая ЕК «Гамбург») в царских дворцах под Ленинградом в период с декабря 1942 по февраль 1943 года упаковала более чем 50 ящиков с книгами и ценностями, которые были отправлены в Германию. В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество большого дворца музея императрицы Екатерины. Со стен сняты китайские шелковые обои и золоченные резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде. Из дворца Императора Александра

вывезены старинная мебель и богатая библиотека в 6-7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке². Во время «ревизии» во дворцах располагались части и подразделения армии. Затем, все без исключения, здания подверглись бессистемной бомбардировке и сожжению.

В ноябре 1942 года в Москве учреждена специальная комиссия, в задачу которой входила «регистрация и расследование нанесений вреда и уничтожения собственности граждан, колхозов, публичных институтов, государственных предприятий и органов фашистской Германией и её союзниками».

В первые послевоенные годы Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) установила ущерб, нанесенный 64 особо ценным из 427 пострадавших советских музеев, а также 4000 библиотекам (уничтожено 115 млн печатных изданий) и архивам 19 областей (утрачено 17 млн дел) РСФСР. Всего же на территории РСФСР (вместе с Крымской АССР) в период немецкой оккупации пострадало 173 музея. Эти, а также некоторые уточненные сведения легли в основу данных нового специального интернет-проекта «Культурные ценности жертвы войны», подготовленного Министерством культуры РФ³. Но, поскольку, точное число всех утраченных Россией культурных ценностей, наверное, никогда не будет определено, работа по розыску не прекращается, показательна, например, история обнаружения фрагментов Янтарной комнаты из частной коллекции в

¹ Зондеркоманда «Кюнсберг»: грабеж научного и культурного достояния Советского Союза // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/zonderkomanda_kyunsberg_grabeh_nauchnogo_i_kulturnogo_dostoya_niya_sovetskogo_soyuza_7958398?ysclid=mij02jpkwd397785286 (дата обращения: 14.10.2025).

² Мазурицкий А. Как враг уничтожал культурные ценности в годы Великой Отечественной войны. <https://regnum.ru/article/2851534?ysclid=miizfepofr493835796> (дата обращения: 14.10.2025).

³ Культурные ценности жертвы войны : интернет-проект. URL: <http://www.lostart.ru/ru/> (дата обращения: 14.10.2025).

Бремне¹, возвращения национальной святыни чудотворной иконы «Тихвинской Божией матери», похищенной гитлеровцами в ноябре 1941 г. и возвращенной только в июне 2004 года в Тихвинский Успенский монастырь².

Международно-правовые акты, принятые в период и после окончания Второй мировой войны, предусматривали возвращение в порядке реституции государством, подвергшимся нападению и оккупации фашистской Германией и ее союзниками, материальных ценностей, захваченных и незаконно вывезенных с временно оккупированных территорий. Однако искусствоведы и ученые в сфере культуры отмечают, что на настоящий момент вопрос возврата Германией и иными странами «награбленных» ценностей находится лишь в плоскости морали. В статье 6 Договора «О добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ» от 9 ноября 1990 года (подписан в г. Бонне 09.11.1990) было установлено, что «Советский Союз и ФРГ соглашаются уведомить друг друга о нахождении на своей территории предметов искусства другой стороны договора и признают справедливым возвращение культурных шедевров их владельцам». Ссылка на известные «Вашингтонские принципы», принятые в 1998 году и подписанные на текущий момент 22 странами, не применяется, поскольку в указанном документе отражена не обязанность, а лишь добровольное согласие участников на выявление произведений искусства, изъятых в результате нацистских преследований, и поиск справедливого решения проблемы с бывшими владельцами или их наследниками. Тем не менее, с целью реализации указанного

документа Германия пообещала соблюдать эти принципы – для музеев они обязательны, процедура предполагает необходимость проследить путь обнаруженного предмета, находящегося в розыске из перечня категории «незаконное изъятие или перемещение», при этом они несут ответственность за содержание информации. Судебные проблемы возникают, прежде всего, при обнаружении в списках на площадках аукционных домов «Сотбис» и «Кристис», поскольку владельцы-собственники говорят о незнании, а в соответствии с законами ФРГ коллекционеры, добросовестно приобретшие произведения искусства, украденные нацистами, не могут быть привлечены к какой бы то ни было ответственности. Хотя, необходимо отметить, что есть ряд решений, когда Верховный суд ФРГ делал выводы о том, что «Законный интерес бывших владельцев культурных ценностей и их правопреемников, а также интерес широкой общественности к происхождению культурных ценностей, изъятых в результате нацистских преследований, перевешивает интерес нынешнего владельца к сохранению в тайне таких фактов, основанный исключительно на экономических соображениях³.

Особый цинизм действий руководителей фашистской армии выразился и в целенаправленности разработки операций по захвату Москвы и Ленинграда, Гитлер и его генералы планировали сравнять их с землей, а их названия и упоминания впоследствии вычеркнуть из географии и истории, понимая, что после этого сопротивление Красной Армии было бы сломлено [3]. Так, когда 12 октября 1941 года было дано

¹ Ушла в песок: почему не удастся найти Янтарную комнату // Известия. URL: <https://iz.ru/1235228/iulii-ignateva/ushla-v-pesok-pochemu-ne-udaetsia-naiti-iantarnuiu-komnatu> (дата обращения: 14.10.2025).

² Березовская А. Возвращение святыни // Русский Мир.ru. URL: <https://m.rusmir.media/2015/08/01/ikona?ysclid=milzvafhe251424502>. (дата обращения: 14.10.2025).

³ Левский П. Суд вступился за изъятые у евреев произведения искусства // Редакция Германия. URL: <http://rg-rb.de/sud-vstypilsya-za-izyatyie-u-evreev-proizvedeniya-iskusstva/>

указание о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением, главным в нем было требование о том, что «капитуляция не должна быть принята, даже если она будет предложена, ... а для захвата следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами». Генерал Г. Блюментрит (начальник штаба 4-й армии) впоследствии писал: «Гитлер даже создал специальную саперную команду, которая должна была разрушить Кремль до основания»¹. Достоверно известно, что у фашистских летчиков Кремль был целью №1 и к целенаправленным атакам допускались только лучшие летчики, которые имели опыт обхода ПВО. Когда враг подступал к Москве, тщательно, но очень скоро разрабатывались и реализовывались проекты сохранения Кремля и именно военная хитрость и воля несломленного народа помогла спрятать центр управления и сердце страны от воздушных атак врага. Чтобы сбить их с толку особо важные объекты перекрашивали в серый и зеленый, строили здания из фанеры, шили чехлы². В Уничтожении Ленинграда главной целью также было нанесение политического и морально-психологического урона советскому народу. Однако допустить подобное было невозможно. Как и Москва Ленинград представлял собой огромную декорацию, командование и жители города особо заботились о том, чтобы от целенаправленных бомбежек меньше пострадали памятники. Существует несколько городских легенд о том, почему некоторые из них специально не стали укрывать. Например, можно встретить версию, что образы героев прошлого

(например, Кутузова и Барклай де Толли) у Казанского собора должны были вдохновлять ленинградцев на борьбу с врагом, кроме того, горожане считали, что пока статуя Пушкина не повреждена, ничто не угрожает их улице³. Тысячи граждан активно обучались противовоздушной защите и сами горожане, были на защите своих домов и города в целом, предотвращая пожары. Когда раздавался сигнал воздушной тревоги, добровольцы-дежурные, среди которых были и дети, самоотверженно поднимались на крыши, чтобы тушить бомбы-зажигалки.

На фоне возрождения нацистской идеологии и попыток пересмотра результатов Второй мировой войны, учитывая неоднократные требования Германии о возвращении трофеев СССР⁴ [14] необходимо обращать особое внимание на то, что, говоря о разрушительной хищнической деятельности фашистов в рамках доказывания фактов геноцида нельзя упускать один немаловажный момент – это цель, которой они руководствовались и применяемые способы. Уничтожить людей было мало, необходимо было сломить Дух, Волю, Стремление к сопротивлению, вымарать историю либо продекларировать часть ее как успехи «великого арийского прошлого и настоящего» необходимо было стереть тот самый культурный код советского человека разграбляя музеи, библиотеки, уничтожая дворцы и фонтаны. Сложно представить, что чувствовали люди, когда падали вниз на Московский Кремль бомбы и горели в пожарищах дворцы пригородов Ленинграда. Единственная возможность

¹ Трофимов А. Московская битва: немецкий «Тайфун», который выдохся // История. РФ : главный исторический портал страны. URL: <https://history.ru/read/articles/moskovskaia-bitva-niemsckii-taifun-kotoryi-vyudokhsia> (дата обращения: 14.10.2025).

² Как в войну «спрятали» Кремль?. URL: <https://dzen.ru/a/YPaiG0OsvTLjNtLX?ysclid=minhbg16c5211928803> (дата обращения: 14.10.2025).

³ Ложный Смольный и «халат» для Адмиралтейства. Как в войну спасали Петербург // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/05/08/75423077/?ysclid=mingoh7yq3412876078> (дата обращения: 14.10.2025).

⁴ Реституция культурных ценностей как пересмотр итогов Второй мировой Войны // Царьград : блок новостей «Культура» от 20 декабря 2018 г. URL: https://tsargrad.tv/articles/restitucija-kulturnyh-cennostej-kak-peresmotr-itogov-vtoroj-mirovoj-vojny_175233?ysclid=mim0q5j0ny497969509 (дата обращения: 14.10.2025).

восстанавливать историческую справедливость в том, чтобы не прекращать работу по поиску и подтверждению все новых доказательств кровавых изощренных преступлений, а единственная возможность не дать повториться рассказывать и напоминать о них нынешним и грядущим поколениям России и всего мирового сообщества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зинич М. С. Деятельность оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 116–125.

2. Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. Москва : Международные отношения, 1979. 192 с.

3. Фролов М. И. Ленинград стереть с лица земли : планы военно-политического руководства Германии (1941, 1942 гг.) // Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru). 2014. № 1 (2).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 347.963
EDN [IZFNZG](#)

Иванова Елена Юрьевна,

научный сотрудник отдела научной информации,
издательской деятельности и библиографического обеспечения
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
аспирант Байкальского государственного университета
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: eivanovangarsk@yandex.ru

Нестерова Наталья Александровна,

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении гражданских и арбитражных дел
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: nesterova.n.a@inbox.ru

**О РОЛИ ПРОКУРОРА В ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА,
ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ**

Аннотация. В статье рассматривается ключевая роль органов прокуратуры в возмещении ущерба, причинённого государству налоговыми преступлениями. Подчёркивается актуальность этой задачи в условиях дефицита федерального бюджета и приводятся статистические данные о количестве предъявленных и рассмотренных исков. Анализируется порядок предъявления гражданского иска прокурором в рамках уголовного судопроизводства согласно ч. 3 ст. 44 УПК РФ и разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 13.10.2020. Обоснована необходимость доказательства исчерпания механизмов взыскания налоговых платежей и вины налогоплательщика. Приводятся примеры практики взыскания ущерба с наследников и особенности межведомственного взаимодействия прокуратуры, следственных и налоговых органов. Предлагаются пути совершенствования правового регулирования и координации усилий для повышения эффективности взыскания ущерба от налоговых преступлений.

Ключевые слова: прокурор, возмещение ущерба, налоговые преступления, межведомственное взаимодействие.

Для цитирования: Иванова Е. Ю., Нестерова Н. А. О роли прокурора в возмещении ущерба, причиненного налоговыми преступлениями // Искусство правождения. 2025. № 4. С. 53–59.

Ivanova Elena Iurievna,

the Researcher of the Department of Scientific Information,
Publishing and Bibliographic Provision of the
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation,

st. Shevtcova, 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: eivanovangarsk@yandex.ru

Nesterova Natalya Aleksandrovna,
Associate Professor of Department of
Prosecutorial Supervision and Prosecutor's Participation
in the Consideration of Civil and Arbitration Cases
of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation
st. Shevtcova, 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: nesterova.n.a@inbox.ru

ON THE PROSECUTOR'S ROLE IN COMPENSATING FOR DAMAGES CAUSED BY TAX OFFENCES

Annotation. The article examines the key role of the prosecutor's office in compensating for the damage caused to the state by tax crimes. It emphasizes the relevance of this task in the context of the federal budget deficit and provides statistical data on the number of filed and considered lawsuits. The article analyzes the procedure for filing a civil lawsuit by a prosecutor within the framework of criminal proceedings in accordance with Part 3 of Article 44 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the explanations provided in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 dated October 13, 2020. The article substantiates the need to prove the exhaustion of tax collection mechanisms and the taxpayer's guilt. It provides examples of the practice of recovering damages from heirs and highlights the features of interdepartmental cooperation between the prosecutor's office, investigative bodies, and tax authorities. The article emphasizes the need for improving legal regulation and coordinating efforts to enhance the effectiveness of recovering damages from tax crimes.

Key words: prosecutor, compensation, tax crimes, interagency cooperation.

For citation: Ivanova E. I., Nesterova N. A. On the Prosecutor's Role in Compensating for Damages Caused by Tax Offences // The Art of Law. 2025. № 4. С. 53–59.

При совершении налоговых преступлений нарушаются публичные интересы, потерпевшей стороной фактически выступает государство. Одной из форм защиты интересов государства и восстановления нарушенных общественных отношений является возмещение ущерба, причиненного преступлением, осуществляемое путём взыскания полной суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа [1, С. 108].

Возмещение ущерба, причиненного государству налоговыми преступлениями, являются одной из важнейших задач

деятельности органов прокуратуры, определенной Генеральным прокурором Российской Федерации в приказе «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере»¹. Данная задача приобретает особую актуальность с учетом дефицита федерального бюджета, наблюдаемого на протяжении последних лет.

Согласно ведомственной статистике в 2024 году прокурорами в рамках уголовного судопроизводства предъявлено 386 исков на сумму более 36 млрд руб. По результатам рассмотрения судом удовлетворено 155 заявлений прокурора в

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 24 октября 2023 г. № 736. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

размере 10,3 млрд руб., что составляет 40,1% от общего количества предъявленных исков. Данный показатель существенно ниже общего показателя удовлетворяемости исков прокуроров, составляющего 96%, что обусловлено сложностью правового обоснования данной категории исков¹.

Как справедливо отмечает Казачек Е. Ю., изучение вопроса возмещения вреда, причиненного государству по налоговым преступлениям, позволило выявить несогласованность уголовно-правовых норм между собой, а также с другими отраслями права [2, с. 74–75].

Деятельность органов прокуратуры по возмещению вреда, нанесенного налоговыми преступлениями, направлена на обеспечение того, чтобы каждое уголовное дело, по которому причинён ущерб государству, передавалось в суд при наличии гражданского иска, направленного на возмещение такого ущерба. Порядок реализации прокурором полномочий по возмещению ущерба, причиненного преступлениями в рамках уголовного судопроизводства, регламентирован в части 3 статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также разъяснениях, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Гражданский иск может быть предъявлен прокурором на любой стадии предварительного расследования непосредственно после возбуждения уголовного дела и до окончания предварительного следствия, а также при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции. Согласно статье 44 УПК РФ, гражданским истцом признается физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, причиненного

преступлением. Выделяют две основные формы предъявления гражданского иска прокурором: на стадии предварительного расследования и при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции. Каждая из этих форм имеет свои процессуальные особенности и правовые последствия. На стадии предварительного расследования прокурор может направить соответствующее ходатайство следователю или дознавателю согласно статье 37 УПК РФ, которая определяет полномочия прокурора в досудебном производстве. Следователь или дознаватель, в свою очередь, обязаны принять меры к установлению размера причиненного вреда и обеспечению гражданского иска в соответствии со статьей 160.1 УПК РФ, например, путем наложения ареста на имущество обвиняемого по правилам статьи 115 УПК РФ. При разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции прокурор может заявить гражданский иск непосредственно в судебном заседании. В этом случае суд, рассматривая уголовное дело, также рассматривает и гражданский иск в соответствии со статьей 230 УПК РФ, которая регулирует меры по обеспечению гражданского иска. Если гражданский иск носит сложный характер или требует детального выяснения обстоятельств, которые не могут быть полностью исследованы в рамках уголовного судопроизводства, суд может предложить прокурору предъявить его в порядке гражданского судопроизводства. Однако, по общему правилу, для обеспечения наиболее полного и оперативного восстановления нарушенных прав, суд первой инстанции имеет право рассматривать гражданские иски, предъявленные в рамках уголовного дела, что закреплено в части 2 статьи 44 УПК РФ и статье 309 УПК РФ, определяющей вопросы разрешения гражданского иска при постановлении приговора.

¹ См. Годовой отчет по форме ОН Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2024 год. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научные исследования подтверждают важность прокурорского участия в процессе возмещения ущерба от налоговых преступлений. Как отмечает Е. В. Баркалова в своем исследовании актуальных вопросов освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления, правильное определение размера ущерба является ключевой проблемой в данной сфере [3, с. 136–137].

Право прокурора на обращение в суд с исками о возмещении ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации. Такие иски могут быть предъявлены прокурором в порядке как уголовного, так и гражданского судопроизводства. Разрешение гражданского иска в приговоре освобождает суд от необходимости дважды исследовать обстоятельства дела и повторно вызывать в судебное заседание одних и тех же граждан для дачи показаний [4, с. 235].

Следует иметь в виду, что факт прекращения уголовного преследования и уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не освобождает лицо от иных негативных последствий совершенного им деяния согласно п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

В случае прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, а также при оставлении судом гражданского иска в уголовном процессе без рассмотрения соответствующие требования предъявляются прокурором в порядке части 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Кроме того, в правоприменительной практике имеются случаи взыскания ущерба с наследников умершего руководителя юридического лица, в действиях которого не усматривается состав налогового преступления, но установлен факт неуплаты налогов. В таких случаях органами следствия принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, но факт неуплаты налогов остается установленным. Так, решением Абаканского городского суда Республики Хакасия от 30.08.2024 удовлетворены исковые требования прокурора города Черногорска о взыскании ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации к наследникам гр. К, в отношении которого органами следствия принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст.199 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на сумму более 13 млн руб.

Важно отметить, что данная позиция получила поддержку в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. В 2025 году Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении № 24-П признал, что наследники лица, совершившего преступление, могут быть привлечены к ответственности по компенсации морального вреда даже в случае, если наследодатель умер до вынесения приговора¹.

Следует отметить, что данная практика является дискуссионной, поскольку согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УК РФ каждый подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 24-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Более того, имеются примеры из судебной практики, когда суды, рассматривая вопрос о страховых выплатах, придерживаются позиции доказанности вины только приговором суда. В качестве примера можно привести решения Кировского районного суда г. Иркутска от 30.06.2022 по иску гр. П к АО «СОГАЗ», МЧС РФ, МЧС РФ по Иркутской области о признании смерти застрахованного лица страховым случаем.

Необходимо отметить, что предъявлению иска о взыскании ущерба, причиненного налоговым преступлением, предшествует уголовное преследование в связи с уклонением от уплаты налогов. Обращение в суд к физическому лицу, привлеченному или привлекавшемуся к уголовной ответственности за совершение налогового преступления, с целью возмещения вреда производится только после исчерпания или невозможности реализации механизмов взыскания налоговых платежей, установленных налоговым законодательством.

В работах В. Н. Титовой подчеркивается, что для успешного возмещения ущерба существенно не только своевременное возбуждение гражданского иска, но и выработка единой методологии взаимодействия всех ответственных органов. По мнению Титовой В. Н., только при условии четкой координации правоохранительных, судебных и исполнительных механизмов удастся добиться полного восстановления нарушенных имущественных интересов потерпевших [5, с. 10].

Размер ущерба определяется в размере подлежащих зачислению в соответствующий бюджет налогов и пеней. При этом под ущербом понимаются все недоимки по налоговым обязательствам и начисленные в установленном порядке пени, подлежащие взысканию в пользу

бюджета для восстановления нарушенного финансового интереса государства. (Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации¹).

Обязанность доказывания оснований иска возлагается на прокурора, в связи с чем ему необходимо доказать в суде, что исчерпаны либо отсутствуют правовые основания для применения предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет налогоплательщика. Привлечение к гражданско-правовой ответственности возможно при наличии вины физического лица в совершении налогового преступления и соответственно в причинении ущерба государству.

И. А. Морозкина в диссертации о доказывании в процессе расследования налоговых преступлений подчеркивает особенности доказательственной деятельности по данной категории дел, что актуально для деятельности прокуроров [6, с. 13–14].

Прокурору необходимо установить достаточность, допустимость и относимость доказательств, подтверждающих невозможность взыскания ущерба непосредственно с юридического лица, и представить в суд необходимые доказательства.

Суд, рассматривающий гражданское дело о возмещении вреда, причиненного преступлением, не может быть связан принятым органом предварительного расследования или судом решением о прекращении уголовного преследования в части определения размера, причиненного ущерба и должен основывать свое решение на собственном исследовании обстоятельств дела.

При доказывании прокурором факта гражданского правонарушения следует иметь в виду, что приговор суда в отношении физического лица не может быть единственным доказательством по

¹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 55-КГпр17-7. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданскому делу рассматриваемой категории.

С учетом изложенного, прокурорами в каждом случае при решении вопроса об утверждении обвинительного заключения (акта, постановления) изучается полнота и своевременность мер, направленных на установление размера ущерба, причиненного государству, эффективность реализации положений, предусмотренных ст. 115 УПК РФ, а также обеспечивается подготовка исков в защиту интересов государства.

Действуя в защиту интересов общества и государства, органы прокуратуры организуют взаимодействие правоохранительных и налоговых органов в работе по взысканию ущерба, причиненного государству в результате совершения налоговых преступлений. Исследования в области межведомственного взаимодействия показывают важность координационной деятельности прокуратуры. В. А. Козлов отмечает необходимость выработки дополнительных мер по активизации деятельности правоохранительных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлениями в налоговой сфере [7, с. 75].

Прокурорами на местах в рамках координационной деятельности проводится значительная работа на данном направлении: организуются межведомственные совещания, рабочие группы, на заседаниях которых рассматриваются меры, направленные на повышение эффективности работы по возмещению ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, заслушиваются результаты в рамках конкретных уголовных дел и проблемы, возникающие в ходе расследования и рассмотрения в суде.

Как отмечают Д. А. Артеменко и Ю. В. Демидченко, эффективный межведомственный обмен информацией и оперативный документооборот позволяют своевременно накладывать арест на имущество подозреваемых и обеспечивать полное возмещение ущерба [8, с. 159]. Координационная деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью получила научное обоснование в работах О. Н. Коршуновой [9].

Эффективность работы по возмещению ущерба в данном случае напрямую зависит от своевременности проведения мероприятий, направленных на поиск имущества, на которое может быть наложено взыскание, что целесообразно производить незамедлительно, в том числе и до принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела во взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений.

Как показывает практика, при расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях в большинстве случаев правоохранительными органами реализуются вышеуказанные мероприятия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления, размера причиненного ущерба, имущества, на которое может быть наложен арест¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что не всегда обеспечивается надлежащее взаимодействие оперативных служб с налоговыми органами по вопросу наложения ареста на имущество налогоплательщика в рамках реализации полномочий, предусмотренных статьей 77 Налогового кодекса Российской Федерации. В результате не достигается конечная цель принуждения недобросовестных налогоплательщиков к уплате налогов и возмещению ущерба,

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

причиненного государству действиями виновных лиц.

Современные исследования отмечают необходимость совершенствования механизмов взаимодействия органов в данной сфере. Как показывает практика, общими усилиями в разы увеличено реальное возмещение ущерба, причиненного налоговыми преступлениями¹.

Таким образом, роль прокурора в возмещении ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, является многоаспектной и включает в себя как процессуальные функции по предъявлению гражданских исков, так и координационную деятельность по организации межведомственного взаимодействия. Повышение эффективности данной деятельности требует совершенствования правового регулирования и усиления координации усилий всех заинтересованных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагаев-Кочкин Ю. В. Возмещение ущерба по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 107–113.

2. Казачек Е. Ю. Проблемные вопросы возмещения ущерба по налоговым преступлениям. Значение для будущего уроков прошлого // Уголовно-процессуальная защита потерпевшего и возмещение причиненного ему вреда: проблемы и пути их решения. Защита прав участников уголовного процесса : материалы Международной научно-практической конференции. (г. Москва, 16 марта 2018 года). Москва, 2018. С. 71–75.

3. Баркалова Е. В. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления в связи с возмещением причиненного ущерба // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4, № 4. С. 135–142.

4. Шишкин С. С. О практике использования налоговыми органами права на подачу иска в рамках уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского Университета. 2014. Т. 24, № 4. С. 234–237.

5. Титова В. Н. Предупреждение налоговых правонарушений и преступлений средствами прокурорского надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2004.

6. Морозкина И. А. Доказывание в процессе расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст.199.2 УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2010.

7. Козлов В. А. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия в налоговой сфере по противодействию преступности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2. С. 71–79.

8. Артеменко Д. А., Демидченко Ю. В. Особенности взаимодействия правоохранительных и налоговых органов при выявлении и расследовании налоговых преступлений // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 3. С. 154–161.

9. Коршунова О. Н. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : учебное пособие // Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 176 с.

¹ Повышение эффективности взаимодействия налоговых и правоохранительных органов обсудили на заседании коллегий ФНС России, Следственного комитета РФ и МВД России. URL: <https://nalogkodeks.ru/povyshenie-ehffektivnosti-vzaimodejstviya-nalogovykh-i-pravookhranitelykh-organov-obsudili-na-zasedanii-kollegij-fns-rossii-sledstvennogo-komiteta-rf-i-mvd-rossii/> (дата обращения: 12.10.2025).

УДК 347.962
EDN [SPXMAN](#)

Кузнецова Наталья Анатольевна,
младший научный сотрудник отдела научной
информации и издательской деятельности
Университета прокуратуры Российской Федерации
ул. 2-я Звенигородская, д. 15, г. Москва, Россия, 123022
e-mail: 393393@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать определение, содержание, объект, субъект и нормативные правовые акты и организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации, регламентирующие деятельность органов прокуратуры Российской Федерации в сфере правового просвещения (в том числе Федеральный закон № 182-ФЗ, приказы Генерального прокурора Российской Федерации № 119 и № 471 и пр.), приводятся точки зрения ученых-правоведов по этим вопросам. На основе проведенного анализа автор предлагает рассмотреть вопрос о закреплении деятельности по правовому просвещению и профилактике правонарушений в законе о прокуратуре, а также о расширении субъектного состава этих направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовое просвещение, правовое информирование, профилактика правонарушений, прокуратура.

Для цитирования: Кузнецова Н. А. Актуальные вопросы определения и правового регулирования деятельности прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 60–66.

Kuznetsova Natalia Anatolyevna,
Junior Researcher at the Department
of Scientific Information and Publishing Activities
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
15 2nd Zvenigorodskaya Street, Moscow, Russia, 123022
e-mail: 393393@mail.ru

CURRENT ISSUES OF DEFINING AND LEGAL REGULATING OF THE PROSECUTOR'S OFFICE ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN LEGAL ENLIGHTENMENT

Annotation. The article attempts to analyze the definition, content, object and subject of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of legal education (enlightenment), as well as to analyze the main federal laws and normative documents that regulate these activities (including Federal Law No. 182-FZ, orders of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 119 and No. 471, etc.). Based on the analysis, the author suggests considering the issue of consolidating the legal education and crime prevention in the Law on the Prosecution Service,

as well as expanding the subject composition of these activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Key words: legal regulation, legal education, legal information, crime prevention, prosecutor's office.

For citation: Kuznetsova N. A. Current Issues of Defining and Legal Regulating of the Prosecutor's office Activities in the Russian Federation in Legal Enlightenment // The Art of Law. 2025. № 4. С. 60–66.

Правовую основу деятельности органов прокуратуры составляет Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), однако указание на правовое просвещение как функцию органов прокуратуры в данном нормативном правовом акте отсутствует.

Вплоть до 2016 г. деятельность органов прокуратуры по правовому просвещению регулировалась исключительно организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации. В 2016 г. в силу вступил Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о профилактике правонарушений), ч. 1 ст. 17 которого относит правовое просвещение к формам профилактического воздействия. При этом согласно ч. 2 ст. 17 указанного закона «профилактику правонарушений в пределах установленной компетенции вправе осуществлять должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации», а в соответствии с ч. 1 ст. 9 полномочия прокурора в сфере профилактики правонарушений ограничиваются надзором за исполнением законов субъектами профилактической деятельности.

Как отмечает по данному поводу Т. Г. Воеводина, «буквальное толкование положений закона позволяет прийти к выводу об отсутствии у органов прокуратуры полномочий по профилактике правонарушений» [1, с. 4].

Существуют, однако, и иные позиции. Так, О. Н. Каширина полагает, что

«без специального закрепления в федеральном законе органы прокуратуры вправе применять такие формы профилактического воздействия, как социальная адаптация, ресоциализация, реабилитация, оказание помощи пострадавшим от правонарушений» [2, с. 31].

В числе организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации, регламентирующих осуществление органами прокуратуры правового просвещения, ведущую роль играет приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.03.2018 № 119 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению закона о профилактике правонарушений», согласно которому на прокуроров возложена обязанность по «осуществлению профилактического воздействия в формах правового просвещения, правового информирования, объявления предупреждения о недопустимости нарушения закона, внесения представления об устранении нарушения закона, причин и условий, способствующих нарушению закона, использовать иные полномочия прокурора».

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 02.09.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» (далее – приказ № 471) «в целях совершенствования работы органов прокуратуры по формированию правовой культуры общества, повышению

юридической осведомленности граждан прокурорам предписано организовать работу по правовому просвещению и правовому информированию таким образом, чтобы она максимально соответствовала задачам повышения правовой грамотности, развития правосознания граждан, оказания воспитательного воздействия в целях недопущения правонарушений или антиобщественного поведения».

Важной новеллой ведомственного регулирования, введенной приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 471, следует признать отнесение деятельности по правовому просвещению к числу структурных элементов системы профилактики правонарушений.

Помимо вышеперечисленных, к числу правовых основ деятельности по правовому просвещению следует отнести приказы Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам обеспечения законности и противодействия преступности, предусматривающие правовое просвещение как одну из мер достижения соответствующих целей.

Так, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» в целях профилактики и противодействия преступности на прокуроров возложена обязанность по организации деятельности по разъяснению законодательства во взаимодействии с общественными объединениями.

Для деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению, правовому информированию и воспитанию, характерно наличие объекта и субъекта воздействия, определенных целей, задач, полномочий субъекта правового просвещения, а также планируемых результатов.

Анализ Основ государственной политики Российской Федерации в сферах развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации 28.04.2011, позволяет определить в качестве объекта правового просвещения активное правомерное поведение граждан.

Правомерное поведение личности определяется Е. Н. Ярмоновой как «социально необходимое, желательное или допустимое с точки зрения интересов общества поведение субъектов, выражающее их волю и соответствующее праву, его идеям, нормам и принципам» [3, с. 267].

Анализ приведенного определения позволяет выделить следующие признаки правомерного поведения:

- соответствие правовым нормам;
- признание поведения социально полезным.

Следует, однако, учитывать необязательность данного признака, поскольку правомерным может являться поведение, не значимое для общества; наличие определенных мотивов, целей и осознания возможных последствий совершаемых лицом действий.

При этом, как указывалось выше, анализ Основ государственной политики Российской Федерации в сферах развития правовой грамотности и правосознания граждан позволяет выделить и в качестве цели правового просвещения формирование активного правомерного поведения, под которым В. И. Власов понимает «осознанную целенаправленную деятельность для достижения, определенного социально полезного результата» [2, с. 294].

Таким образом, задача правового просвещения может быть определена как формирование правильного представления личности либо определенной социальной группы о правовой реальности.

Что касается субъектов правового просвещения, то согласно закону о профилактике правонарушений,

обязанность по правовому просвещению, определяемому как «размещение в местах, доступных для граждан, в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо доведение до сведения граждан иным образом информации о содержании, пределах осуществления, способах реализации и защиты гарантированных законодательством Российской Федерации прав, свобод и законных интересов граждан, содержании и пределах исполнения обязанностей гражданами и юридическими лицами, порядке совершения гражданами юридически значимых действий и типичных юридических ошибок при совершении таких действий», возлагается исключительно на федеральные и региональные органы исполнительной власти, подведомственные таким органам учреждения, государственные внебюджетные фонды, органы и должностные лица местного самоуправления, тогда как указание на органы прокуратуры как субъект правового просвещения отсутствует.

Адресаты правового просвещения, осуществляемого органами прокуратуры, определяются в зависимости от форм и методов правового просвещения, которые будут подробно проанализированы далее. В наиболее общем виде адресаты правового просвещения могут быть разделены на следующие группы: неопределенный круг лиц; индивидуально определенные субъекты.

Основанное на принципе гласности правовое просвещение, осуществляемое органами прокуратуры, реализуется по следующим направлениям: доведение до граждан информации, направленной на формирование активного правомерного поведения; получение от граждан запросов на предоставление информации [5, с. 271].

Вместе с тем проблемным является вопрос о правомерности выделения деятельности по правовому просвещению

как самостоятельной функции органов прокуратуры.

В соответствии со ст. 3 Закона о прокуратуре «не допускается возложение на прокуратуру исполнения функций, не предусмотренных федеральными законами». Тем самым законодатель не выделяет правовое просвещение как самостоятельную функцию органов прокуратуры, несмотря на ее фактическое исполнение прокурорскими работниками и наличие неразрывной взаимосвязи с прочими направлениями деятельности прокуратуры.

Как отмечает В. Ю. Шобухин, «многофункциональность является особенностью статуса прокуратуры, при этом для всех ее функций характерно наличие взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимодополнения. Выполнение функций по правовому просвещению предоставляет прокурорским работникам возможность выявления наиболее распространенных нарушений прав и свобод человека и гражданина, пробелов и противоречий нормативно-правовых актов, коррупциогенных факторов и предложения гражданам наиболее эффективных способов защиты своих прав, в том числе в административном или судебном порядке» [6, с. 104].

В соответствии с приказом № 471 на прокуроров возлагается обязанность по организации работы по правовому просвещению и правовому информированию таким образом, чтобы она максимально отвечала задачам повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, оказания воспитательного воздействия в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. Правовое просвещение при этом рассматривается как неотъемлемая часть системы профилактики правонарушений.

В учебном пособии «Организация работы прокуратур города, района и приравненных к ним прокуратур по

правовому просвещению и правовому информированию» к числу форм правового просвещения отнесено «обучение правовым знаниям» [7, с. 43]. При этом указывается, что «деятельность прокурора по правовому просвещению подразделяется на следующие виды: специально предназначенные для правовой пропаганды и разъяснения законодательства и связанные с функциональной деятельностью прокуратуры».

В то же время в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 10.09.2024 № 521 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «Взаимодействие со средствами массовой информации и общественностью, правовое просвещение» по форме СМНОПП и Инструкции по его формированию в статистическом отчете по форме СМНОПП отмечается только деятельность прокурора, специально предназначенная для правовой пропаганды и разъяснения законодательства. Соответственно, не учитываются как деятельность по правовому просвещению разъяснения законодательства, сформулированные прокурором в актах прокурорского реагирования, процессуальных документах, информационных сообщениях в органы государственной власти, местного самоуправления и их должностным лицам, а также данные при ответе на обращения граждан либо в ходе их личного приема.

Как указывает В. В. Артемов, «примеры развития и использования для правового просвещения и пропаганды функционально-надзорной деятельности прокурора носят единичный характер» [8, с. 71].

Важно также отграничивать деятельность органов прокуратуры по разъяснению законодательства от предоставляемой отдельным категориям лиц на бесплатной основе юридической консультации (согласно ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-

ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» полномочия прокурора в соответствующей сфере ограничиваются «надзором за исполнением законов в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью и возможностью обращения в суд с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в случаях и в порядке, предусмотренными законодательством Российской Федерации»), а также помнить о предусмотренной ст. 45³ закона о прокуратуре подготовке кадров для органов прокуратуры в специализированных научных и образовательных организациях.

Как указывает В. В. Дорошков, «если просвещение представляет собой распространение знаний, то образование – процесс формирования профессиональных знаний, умений и навыков. Иными словами, правовое образование может быть определено как процесс усвоения знаний об основах государства и права, воспитания уважительного отношения к закону и правам человека и нетерпимости к нарушению законности и правопорядка, тогда как правовое просвещение предполагает обеспечение общедоступности сведений о важнейших нормативно-правовых актах, практике их применения и распространение знаний о правах, свободах и обязанностях человека, а также способах их реализации» [9, с. 27]. Соответственно, деятельность по правовому просвещению не подменяет образовательной функции прокуратуры.

Как подчеркивает Р. К. Русинов, «правовое воспитание и правовое обучение характеризуются наличием неразрывной взаимосвязи, поскольку воспитание предполагает обучение; последнее, в свою очередь, оказывает определенное воспитательное воздействие. Однако если воспитание оказывает влияние на эмоционально-волевою и ценностную сферы личности, то образование

направлено на оказание информационно-ознакомительного воздействия» [10, с. 47].

В соответствии с изложенным, становится возможной формулировка следующих выводов.

Действующий закон о прокуратуре не выделяет правовое просвещение как самостоятельную функцию органов прокуратуры, при этом согласно ч. 1 ст. 3 данного закона, возложение на прокуратуру исполнения функций, не предусмотренных федеральным законом, не допускается.

В то же время в законе о прокуратуре отсутствует единое нормативное определение и перечень функций прокуратуры. Вместо него законодателем употреблен термин «направления деятельности прокуратуры».

На доктринальном уровне функции определяются как предусмотренные законом и обусловленные задачами прокуратуры виды деятельности, характеризующиеся единством целей, задач и применяемых методов, и правовых средств.

Закон о профилактике правонарушений относит прокуратуру к числу субъектов профилактики правонарушений. В развитие соответствующих нормативных положений приказ № 471 определяет правовое просвещение как структурный элемент деятельности по профилактике правонарушений. Однако представляется, что содержание данной деятельности является более широким в силу сущности правового просвещения как целенаправленной деятельности, целью которой заключается в формировании активного правомерного поведения.

Правомерная же активность личности предполагает, наряду с соблюдением ею требований законов, включая нормативные запреты, также осуществление действий, направленных на реализацию собственных субъективных прав и охраняемых законом интересов.

На ведомственном уровне в качестве формы правового просвещения выделяется

правовое обучение, однако соответствующие категории необходимо отграничивать, поскольку в рамках обучения происходит закрепление определенных знаний и навыков их применения, тогда как просвещение направлено на доведение сведений о содержании нормативно-правовых актов и практике их применения до широкого круга лиц.

С учетом изложенного, представляется, что правовое просвещение следует рассматривать как самостоятельное направление деятельности прокуратуры, содержание которого не ограничивается исключительно профилактикой правонарушений, для которого характерно наличие собственных правовых основ, а также объекта, субъекта, целей, задач и адресатов.

Вместе с тем, обращает на себя внимание пробел законодательного регулирования, выраженный в отсутствии указания на деятельность по правовому просвещению в законе о прокуратуре.

Для достижения целей правового просвещения как деятельности, направленной на построение в Российской Федерации правового демократического государства, целесообразным является внесение в закон о прокуратуре и закон о профилактике правонарушений изменений и дополнений.

Так, закон о прокуратуре целесообразно дополнить указанием на правовое просвещение как самостоятельное направление деятельности органов прокуратуры, легитимизировав тем самым фактически сложившуюся и урегулированную организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации практику реализации прокурорами мероприятий по правовому просвещению.

В свою очередь, изменения закона о профилактике правонарушений должны быть направлены на расширение круга

субъектов профилактической деятельности, к числу которых следует отнести органы и должностные лица прокуратуры Российской Федерации, тогда как нормативное определение правового просвещения, закрепленного в ст. 29 этого закона, необходимо дополнить указанием на цели правового просвещения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воеводина Т. Г. Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 4.

2. Каширина О. Н. Прокуратура России – субъект предупреждения преступлений // Законность. 2017. № 11. С. 31.

3. Ярмонова Е. Н. Правомерное поведение как основная форма и критерий выражения правовой культуры // Право, экономика и управление: актуальные вопросы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 27 ноября. 2020 года. Чебоксары : Среда, 2020. С. 267.

4. Власов В. И., Власова Г. Б., Денисенко С. В. Теория государства и права : учебное пособие. Ростов-на-Дону : Феникс, 2017. 294 с.

5. Потапова Л. В. Прокуратура Российской Федерации: от правового информирования, правового просвещения и правового воспитания к формированию гражданского общества и правового государства // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4. С. 271.

6. Шобухин В. Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5. С. 104.

7. Шакирьянов М. М. Организация работы прокуратур города, района и приравненных к ним прокуратур по правовому просвещению и правовому информированию : учебное пособие. Казань, 2022. С. 43.

8. Артемов В. В. О работе прокуроров по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению (статистическая отчетность) // Проблемы правового просвещения и участие в нем органов прокуратуры : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 07–08 октября 2010 г. Москва, 2011. С. 71.

9. Дорошков В. В. Роль судов в повышении эффективности правового просвещения граждан // Проблемы правового просвещения и участие в нем органов прокуратуры : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 07–08 октября 2010 г. Москва, 2011. С. 27.

10. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. С. С. Алексеева. Москва : Норма, 2005. С. 47.

УДК 347.963
EDN [KFZYUO](#)

Пискун Елена Игоревна

старший прокурор отдела по надзору за соблюдением прав и свобод граждан управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Республики Крым, аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации, ул. Дм. Ульянова, 60-А, 9, г. Симферополь, Республика Крым, Россия, 295048
e-mail: elena.kotolupova@yandex.ru

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. Прокуратура Российской Федерации на современном этапе не только играет важную роль в укреплении законности, но и активно участвует в совершенствовании действующего законодательства. В статье рассматривается участие прокурора в правотворческой деятельности как самостоятельное направление внешнефункциональной деятельности прокуратуры, анализируются понятие и сущность данной деятельности.

Автором исследуются различные подходы к определению сущности участия прокурора в правотворческой деятельности органов публичной власти, делается вывод о целесообразности отнесения данной деятельности к числу самостоятельных функций современной прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, правотворчество, участие прокурора в правотворческой деятельности, внешнефункциональная деятельность прокуратуры.

Для цитирования: Пискун Е. И. Участие прокурора в правотворческой деятельности как самостоятельное направление внешнефункциональной деятельности прокуратуры // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 67–75.

Piskun Elena Igorevna

Senior Prosecutor of the Department for Supervision of Compliance with the Rights and Freedoms of Citizens of the Department for Supervision of Compliance with Federal Legislation Prosecutor's Office of the Republic of Crimea, Postgraduate Student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, st. Dm. Ulyanova, 60-A, 9, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295048
e-mail: elena.kotolupova@yandex.ru

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN LAW-MAKING ACTIVITIES AS AN INDEPENDENT DIRECTION OF EXTERNAL-FUNCTIONAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Annotation. At the present stage the Prosecutor's Office of the Russian Federation not only plays an important role in maintaining the rule of law, but also actively participates in improving the current legislation. The article examines the participation of the prosecutor in law-making activities as an independent direction of the external functional activity of the prosecutor's office, analyzes the

concept and essence of this activity. The author discusses various approaches to determining the essence of the prosecutor's participation in the law-making activities of public authorities, and concludes that it is appropriate to classify this activity as an independent function of the modern prosecutor's office.

Key words: prosecutor's office, law-making, participation of the prosecutor in law-making activities, external functional activities of the prosecutor's office.

For citation: Piskun E. I. Participation of the Prosecutor in Law-making Activities as an Independent Direction of External-functional Activities of the Prosecutor's office // The Art of Law. 2025. № 4. С. 67–75.

В условиях беспрецедентного внешнеполитического давления работа прокуроров по обеспечению законности должна быть направлена на всемерное содействие социально-экономическому развитию России, отстаиванию ее суверенитета, эффективную защиту прав граждан.

Происходящий в стране интенсивный правотворческий процесс, коренные изменения действующего российского законодательства, выражающиеся в принятии новых законов и подзаконных актов, изменении и дополнении действующих актов, а также правоприменительной практики, как справедливо отмечает А. Ю. Винокуров, обусловлен в последние годы изменениями приоритетных направлений социально-экономического развития [1, с. 40].

При таких обстоятельствах активная правотворческая деятельность соответствующих государственно-правовых институтов играет первостепенную роль в создании полной и стабильной нормативной правовой базы, обеспечивающей соблюдение и защиту прав граждан, интересов общества и государства. Осуществляемый органами власти различного уровня процесс создания норм права, их изменения и отмены в своей совокупности и представляет собой правотворчество – один из важнейших

элементов правовой системы любого государства, «правовую форму работы государства по возведению воли народа в закон» [2, с. 44].

Вместе с тем, непоследовательная и порой противоречивая правотворческая деятельность способна привести к пробелам и коллизиям в действующем законодательстве, в то время как требование о согласованности правовых норм и их непротиворечии друг другу вытекает из принципа правового государства¹.

Значительная работа по обеспечению законности действующей нормативной правовой базы, ее своевременной корректировке и дальнейшему совершенствованию проводится прокуратурой и представляет собой самостоятельное направление ее внешнефункциональной деятельности. И тут нельзя не согласиться с Т. А. Ашурбековым, который полагает необходимым усиливать роль прокуратуры в правотворческой деятельности «для преодоления рассогласования законодательства субъектов Российской Федерации с общественными потребностями» [3, с. 60].

Следует подчеркнуть, что участие прокуроров в правотворческой деятельности было присуще прокуратуре практически на всех этапах ее

¹ См. Подпункт 2.2: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

существования. При этом содержание указанной деятельности, равно как и объем полномочий прокуроров, видоизменялись в зависимости от места и роли прокуратуры в государственном механизме на определенном историческом отрезке.

Несмотря на многолетний опыт участия прокуроров в правотворческой деятельности органов публичной власти, в юридической науке до настоящего времени отсутствует единый подход к определению понятия и сущности данной деятельности.

Рассматривая участие прокурора в правотворческой деятельности органов публичной власти, необходимо отметить, что статьей 8 Закона Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», действовавшего до ноября 1995 года, участие в правотворческой деятельности раскрывалось через призму права Генерального прокурора Российской Федерации и прокуроров республик в составе Российской Федерации законодательной инициативы в пределах их компетенции. Действующий же в настоящее время Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) указанное право не предусматривает, а при описании рассматриваемого вида деятельности в полной мере ее понятие не раскрывает.

Поскольку Генеральный прокурор Российской Федерации правом законодательной инициативы не наделен, а по вопросам правотворческой деятельности вынужден обращаться со своими предложениями к субъектам, которые таким правом обладают, споры о необходимости закрепления за ним такого права находятся в центре внимания практических работников и научного сообщества.

Предложения о необходимости наделения Генерального прокурора Российской Федерации правом законодательной инициативы, на наш

взгляд, являются вполне обоснованными ввиду того, что в силу распространения надзора прокуратуры практически на все законодательство и издаваемые во исполнение федеральных законов иные нормативные правовые акты, именно прокурор способен оценить необходимость их корректировки, оперативно принять меры по их совершенствованию.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в отсутствие у Генерального прокурора Российской Федерации права законодательной инициативы частью 1 статьи 10 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ) соответствующее право в законодательном органе субъекта закреплено за прокурорами субъектов Российской Федерации. И если ранее действовавший Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» связывал возможность наделения прокурора таким правом исключительно с волей и усмотрением регионального законодателя¹, то статья 10 Закона № 414-ФЗ сделала такое право безусловным.

Распространенная в субъектах Российской Федерации практика наделения конституцией (уставом) соответствующего прокурора правом законодательной инициативы показала, что реализация им такого права способствует защите интересов неограниченного круга лиц, общества и государства, повышает качество регионального правотворчества и позволяет в дальнейшем избежать работы по оспариванию незаконных нормативных правовых актов.

Отсутствие права законодательной инициативы, как ранее отмечал В. И. Рохлин, и с этим нельзя не согласиться, нисколько не умаляет роли

¹ До 2021 года по решению региональных властей такое право закреплено и активно использовалось в 82 субъектах Российской Федерации.

органов прокуратуры в подготовке, обсуждении и принятии нового законодательства [4, с. 306].

На сегодняшний день прокуроры в рамках предоставленных им Конституцией Российской Федерации, статьями 1 и 9 Закона о прокуратуре полномочий принимают участие в правотворческой деятельности, а при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов. В свою очередь, обязательность реализации адресатами данных предложений основана не на законе, а лишь на авторитете органов прокуратуры и степени проработанности вносимых ими предложений.

Таким образом, содержательная сторона этого участка работы раскрывается в статье 9 Закона о прокуратуре, а в совокупности включает в себя, кроме того, реализацию прокурорами права правотворческой (включая законодательную) и нормотворческой инициативы на региональном и муниципальном уровне [5, с. 319].

Вопросы участия прокуроров в правотворческой деятельности, определение многообразия форм такого участия, обязанностей и полномочий прокуроров при ее осуществлении достаточно подробно регламентированы в приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 28.10.2025 № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления», от 31.08.2023

№ 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления».

В современной науке понятие «участие прокурора в правотворческой деятельности», как правило, определяется через направления и формы реализации такой деятельности, охватывая в том числе и участие в рассмотрении протестов и представлений прокуроров, и судебное оспаривание противоречащих закону нормативных правовых актов [6, с. 121]. Такой подход, по нашему мнению, подчеркивает тесную взаимосвязь участия прокурора в правотворческой деятельности с надзорной деятельностью прокуроров.

Несмотря на то, что участие в правотворчестве рассматривается как вид деятельности прокуратуры, следует отметить, что отдельными учеными участие прокурора в правотворческой деятельности определяется как самостоятельная функция прокуратуры.

К примеру, по мнению Е. Р. Ергашева, участие прокурора в правотворческой деятельности представляет собой элемент надзорной деятельности прокурора, ее составную часть или даже самостоятельную функцию [7, с. 51]. Указанная позиция обосновывается существенным влиянием данной деятельности на состояние законности в государстве, повышение качества законодательства, обеспечение единства правового пространства, защиту прав граждан, интересов общества и государства.

В качестве самостоятельной функции прокуратуры участие в правотворческой деятельности, по мнению А. А. Жидких, представляет собой «обусловленный взаимосвязью, взаимодействием и балансом правоохранительных и правозащитных целей прокуратуры Российской Федерации в правовом государстве самостоятельный вид ее деятельности, предусмотренной

Законом о прокуратуре и имеющей собственный предмет, задачи, направления, формы и правовые средства» [8, с. 20].

Давая такое определение, А. А. Жидких исходил из того, что понятие участия прокурора в правотворческой деятельности должно отразить сущность и содержание данной функции прокуратуры.

Иными же исследователями приведенная позиция ставится под сомнение и не поддерживается, поскольку функцией, как правовой категорией, могут обозначаться только те правомочия, которые закрепляются непосредственно в законе [9, с. 127]. Основным аргументом в пользу данного суждения, как указывают Шалумов М. С. и Шалумова Н. Э., является отсутствие в статьях 1 и 9 Закона о прокуратуре положений, наделяющих прокуроров полномочиями, в том числе правом законодательной инициативы. Тот факт, что внесение прокурором предложений о совершенствовании законодательства не влечет за собой возникновение каких-либо обязанностей у субъектов законодательной инициативы, по их мнению, данную позицию только укрепляет.

Однако к таким выводам следует относиться критически, поскольку при осуществлении функции участия в рассмотрении дел судами прокурор также властными полномочиями не наделен, но вместе с тем отнесение данной деятельности к числу самостоятельных функций прокуратуры под сомнение не ставится.

Интересным также представляется суждение С. Н. Бабаева, который рассматривал участие прокурора в правотворческой деятельности как функцию не самостоятельную, а тесно связанную с надзорной и иными функциями [10, с. 50].

Как деятельность, направленная на подготовку и принятие нормативных правовых актов, участие прокурора в правотворческой деятельности

определяется Н. П. Дудиным и И. И. Головки [11, с. 4].

Критически к мнению о несамостоятельности такой функции прокуратуры относился бывший Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. И. Скуратов, который акцентировал внимание на месте норм Закона о прокуратуре, регламентирующих участие прокурора в правотворческой деятельности (статьи 1 и 9), их логической взаимосвязи и влиянии на законодательство, которое данная деятельность оказывает [12].

Учитывая изложенное, представляется вполне обоснованным отнесение участия прокурора в правотворческой деятельности к самостоятельной функции современной прокуратуры.

Несмотря на то, что единое мнение об обоснованности вышеперечисленных позиций в современной науке отсутствует, важность проводимой прокурорами работы на рассматриваемом направлении не оспаривается.

Так, В. Б. Ястребов указывает на то, что реализация данной функции непосредственно связана с вопросами совершенствования нормативно-правовой базы государства [13, с. 348]. По мнению В. И. Баскова, значимость данной деятельности придает необходимость приведения законодательства субъектов, входящих в состав Российской Федерации, в соответствие с федеральным законодательством [14, с. 358]. Согласно позиции В. И. Рохлина право прокуроров всех уровней на участие в правотворческой деятельности закреплено с целью совершенствования федерального и регионального законодательства, муниципальной нормативной правовой базы [3, с. 307].

Участие прокурора в правотворческой деятельности, по мнению А. А. Жидких, включает в себя три вида деятельности: информационно-аналитическую, представляющую собой по

сути анализ состояния законности и проведение мониторинга правоприменения, правоподготовительную, которая заключается в подготовке и направлении предложений о внесении изменений в действующее законодательство соответствующего уровня, а также правокоррекционную – надзор за законностью нормативных правовых актов [15, с. 28–31].

Данный подход на наш взгляд представляется не совсем корректным, поскольку, во-первых, фактически включает в участие в правотворческой деятельности надзор за законностью нормативных правовых актов, относящийся к «общенадзорной» отрасли прокурорского надзора, а, во-вторых, только перечисляет этапы участия в правотворческой деятельности, не отражая при этом ее содержания (задачи, направления, формы и правовые средства).

Участие прокуроров в правотворческой деятельности не только направлено на обеспечение верховенства закона, но и на реализацию правозащитной функции государства, поскольку принятие незаконных правовых актов органами публичной власти, как правило, неизменно влечёт за собой нарушение прав граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, ослабление авторитета органов власти и их должностных лиц.

В этой связи, являясь наиболее осведомленным о состоянии законности практически всех сфер общественных отношений органом, сталкиваясь в рамках осуществления надзора и иной деятельности с пробелами и противоречиями в правовом регулировании, именно органы прокуратуры способны оценить недостатки действующих законов, предложив пути их устранения и дальнейшего совершенствования законодательства.

Необходимо обратить внимание, что не только результаты надзора за исполнением законов и законностью правовых актов могут являться благоприятной почвой для активной правотворческой деятельности прокурора. Источниками информации о несовершенстве действующего законодательства могут стать в том числе результаты рассмотрения в судах уголовных и гражданских дел, обращений граждан. Многообразие оснований для принятия прокурором мер нормотворческого характера позволяет подчеркнуть особую значимость данной работы.

При этом, как отметил Генеральный прокурор Российской Федерации в докладе о состоянии законности и правопорядка в стране и о проделанной работе по их укреплению за 2024 год, именно обширная надзорная практика способствовала дальнейшему укреплению единства правового пространства, поскольку предложения «по необходимой донстройке важнейших государственных механизмов» нашли свое отражение в нормативных актах федерального уровня¹.

Реализуя различные формы участия в правотворческой деятельности органов публичной власти, прокуроры ежедневно добиваются применения единообразного подхода к реализации прав граждан, соблюдению баланса частных, общественных и публичных интересов, в результате чего по всей стране ежегодно корректируются тысячи федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов. Продолжается работа по актуализации основных законов субъектов Российской Федерации, в том числе путем исключения из них неконституционных норм. Прокурорами контролируется исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации, требующих принятия, изменения или отмены

¹ Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=101841631> (дата обращения: 10.06.2025).

региональных законов и подзаконных актов.

Несмотря на принимаемые прокурорами меры, повсеместно допускается волокита при принятии нормативных правовых актов, приведении их в соответствие с изменениями федерального законодательства, значительное число нормативных правовых актов по-прежнему принимается органами публичной власти регионального и муниципального уровней без учета положений Конституции Российской Федерации и федеральных законов, что свидетельствует в равной степени о недостаточной правовой дисциплине субъектов правотворчества и неудовлетворительном уровне квалификации муниципальных и государственных служащих. С учетом проводимых в стране процессов совершенствования системы организации местного самоуправления¹ особенно актуально участие прокуроров в нормотворчестве на муниципальном уровне.

Невзирая на совершенствование правовых механизмов организации местного самоуправления, вступивший в силу Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», как и ранее действовавший Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не содержит конкретного упоминания о прокуроре как о субъекте права нормотворческой инициативы на муниципальном уровне.

Указанное, на наш взгляд, требует переосмысления и наделяния территориальных прокуроров районного звена безусловным правом нормотворческой инициативы, аналогичным тому, которым Закон № 414-

ФЗ наделил прокуроров субъектов Российской Федерации.

Так, только за 2024 год по результатам применения прокурорами различных нормотворческих и надзорных мер принято, отменено и изменено свыше 140 тыс. нормативных правовых актов. По их инициативе нормативные правовые акты принимались в наиболее актуальных для страны сферах правоотношений.

К примеру, по поручению Генерального прокурора Российской Федерации в 2024 году, реализуя правотворческую инициативу, прокуроры добивались применения единых мер поддержки для участников специальной военной операции, независимо от их статуса, назначения положенных выплат в беззаявительном порядке. В результате скорректировано почти 3 тыс. правовых актов региональных органов власти².

На особую превентивную роль такой деятельности органов прокуратуры обращал внимание В. Г. Бессарабов, который подчеркивал, что реализация полномочий в сфере правотворчества позволяет уже на проектной стадии предотвратить принятие противоречащих закону нормативных правовых актов [16, с. 106].

Например, в 2024 году органами прокуратуры высказаны замечания на более чем 61 тыс. проектов нормативных правовых актов различного уровня (1288 – на проекты НПА законодательных органов субъектов Российской Федерации, 8483 – исполнительных органов субъектов Российской Федерации, 51 951 – на проекты муниципальных НПА). Подавляющее число замечаний и предложений, высказанных прокурорами на проектной стадии, учитываются субъектами правотворческой и нормотворческой деятельности, что, в свою очередь, позволяет избежать в дальнейшем нарушений прав граждан, интересов общества и государства. Основными

¹ С 19 июня 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

² Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации.

причинами выявляемых в проектах НПА несоответствий является их разработка без учета положений действующего федерального законодательства, а в случае с муниципальными правовыми актами – также и регионального.

Принимаемые прокурорами меры, направленные на обеспечение законности регионального и муниципального право(нормо)творчества, во взаимосвязи с проведением правового мониторинга оказывают непосредственное влияние на качество принимаемых правовых актов, обеспечение единого правового пространства, ежедневно способствуя защите прав граждан во всех сферах правоотношений.

Учитывая вышеприведенные данные, свидетельствующие о важности участия прокуроров в правотворческом процессе, значительном влиянии такой деятельности на состояние законности в стране, в целом можно согласиться с теми авторами, которые, несмотря на отсутствие у Генерального прокурора Российской Федерации права законодательной инициативы, приходят к выводу о возможности отнесения данной деятельности к функции современной прокуратуры.

Поскольку реализация прокуратурой такой функции, как участие в правотворческой деятельности, направлена, в первую очередь, на урегулирование общественных отношений, ее формальное закрепление, как неоднократно отмечали В. Г. Бессарабов, С. В. Вавилов, В. М. Платонов, Д. И. Табаев и др., предполагает необходимость наделения прокурора определенными полномочиями в указанной сфере, в том числе путем внесения изменений в статью 104 Конституции Российской Федерации и статью 9 Закона о прокуратуре в части наделения Генерального прокурора Российской Федерации правом законодательной инициативы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров А. Ю. Некоторые вопросы совершенствования методического обеспечения прокурорского надзора // Проблемы совершенствования прокурорского надзора (к 275-летию Российской прокуратуры) : сб. матер. науч.-практ. конференции. Москва : НИИ прокуратуры, 1997. С. 152–156.
2. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. Москва : Новый Юрист, 1999. 234 с.
3. Ашурбеков Т. А. Прокуратура в модернизационных процессах России // Вестник Академии Ген. прокуратуры РФ. 2007. № 2. С. 57–61.
4. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для студентов вузов / под ред. В. И. Рохлина. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт экспертов, 2000. 323 с.
5. Винокуров А. Ю. Деятельность прокуратуры вне уголовно-правовой сферы // Прокурорская деятельность : энциклопедия / под общ. ред. О. С. Капинус. Москва : Полиграфмастер, 2021. С. 102–104.
6. Шалумов М. С. Прокуратура в современном Российском государстве. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. 132 с.
7. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2021. 468 с.
8. Жидких А. А. Интеграционная доктрина участия прокуратуры Российской Федерации в правотворческой деятельности и организационно-правовой механизм ее реализации : монография. Москва : Русайнс, 2017. 192 с.
9. Шалумов М. С., Шалумова Н. Э. Участие в правотворческой деятельности как функция современной российской прокуратуры // Актуальные проблемы российского права, 2015. № 5 (54). С. 126–131.

10. Бабаев С. Н. Участие прокуратуры в реализации правотворческой функции // Вестник ВГУ. Серия: право. 2014. № 3. С. 47–58.

11. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности : конспект лекции для слушателей ФПППК / Н. П. Дудин, И. И. Головки. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. 32 с.

12. Скуратов Ю. И. Отзыв официального оппонента о диссертации (Шалумов М. С. Проблемы функционирования российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 398 с.). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.

13. Ястребов Б. В. Прокурорский надзор. Москва : Городец, 2001. 400 с.

14. Басков В. И. Прокурорский надзор : учебник. Москва : БЕК, 1996. 562 с.

15. Жидких А. А. Правотворчество. Законность. Прокуратура. Москва, 2010. 172 с.

16. Бессарабов В. Г., Мыцыкова О. И. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности как важнейший механизм укрепления законности в стране и исполнения международных обязательств // Прокурорская и следственная практика. 2004. № 3-4. С. 103–114.

УДК 349.2
EDN [TTTTNP](#)

Усов Алексей Юрьевич,
заведующий кафедрой прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении
гражданских и арбитражных дел
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: alexus_555@mail.ru
ORCID 0000-0002-9549-1564

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуется практика использования так называемых «каучуковых норм» в сфере трудового права. На основе анализа правовой природы, истории развития, практики реализации оценочных норм в сфере трудовых отношений автор формулирует выводы об особенностях рассмотрения судами споров в случаях, когда отсутствует единообразное понимание таких норм. На основе проведенного исследования сделан вывод о необходимости разработки четких критериев применения оценочных норм, потребности закрепления таких критериев в законах и подзаконных нормативных правовых актах. В случаях отсутствия такого правового регулирования предлагается ориентироваться исключительно на решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: оценочные понятия, «каучуковые нормы», ситуационные нормы, усмотрение суда, добросовестность поведения, имущественные отношения, трудовые отношения, труд, трудовые права.

Для цитирования: Усов А. Ю. Использование оценочных понятий при правовом регулировании трудовых отношений // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 76–83.

Ussov Alexey Jurjevich,
Head of the Department of Prosecutor's Supervision
and Participation in Civil and Arbitration Cases
at the Irkutsk Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
st. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: alexus_555@mail.ru
ORCID 0000-0002-9549-1564

USING UNCERTAIN CONCEPTS IN THE LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS

Annotation. This article examines the use of uncertain norms in labor law. Based on an analysis of the legal nature, history, and implementation of uncertain norms in labor relations, the author draws conclusions regarding the specifics of court dispute resolution in cases where there is

no uniform understanding of such norms. Based on the research, it is concluded that it is necessary to develop clear criteria for the application of uncertain norms and to enshrine such criteria in laws and bylaws. In the absence of such legal regulation, it is proposed to rely solely on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Resolutions of the Plenum and Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: evaluative concepts, «rubber norms», situational norms, court discretion, good faith behavior, property relations, industrial relations, labor, labor rights.

For citation: Ussov A. J. Using Uncertain Concepts in the Legal Regulation of Labor Relations // The Art of Law. 2025. № 4. С. 76–83.

Трудовое право и гражданское право представляют собой две тесно взаимосвязанные отрасли правовой системы, каждая из которых регулирует отдельные сферы общественных отношений. Несмотря на различие предмета и методов правового регулирования, между ними существует плотное взаимодействие и взаимопроникновение норм. Это проявляется, например, в установлении принципов правового регулирования, порядке исчисления сроков, особенностях компенсации морального вреда, причиненного работнику, имущественной (материальной и гражданско-правовой) ответственности работников перед работодателями, а также во многих других аспектах. Тесное взаимодействие указанных отраслей права обусловлено необходимостью комплексного подхода к правовому обеспечению экономической сферы жизнедеятельности общества для достижения баланса интересов всех участников имущественных и трудовых правоотношений.

В сфере трудового и гражданского права достаточно часто встречается применение так называемых «каучуковых норм» (именуемых также «оценочными») при регулировании общественных отношений. Понятие «каучуковые нормы» перешло в науку трудового права из цивилистики. Так принято называть нормы, оперирующие некими четко не определенными, иногда даже неюридическими (как, например, «нравственность») критериями оценки [1]. «Существование таких норм, с одной

стороны, оставляя весьма широкий простор для судебного усмотрения, способно поставить под угрозу определенность права, являющуюся одной из важнейших социальных потребностей, но с другой – при изначальной невозможности предусмотреть в законе все желательные ограничители частной автономии является той необходимой «отдушиной», тем «выпускным клапаном» правовой системы, благодаря которым суд имеет возможность признавать недействительными сделки, хотя формально и не противоречащие правовым нормам, но находящиеся в вопиющем противоречии с актуальным правосознанием и моральными устоями общества» [2].

В советской науке для обозначения этого явления использовались различные понятия: К. И. Комиссаров называл их «ситуационными понятиями» [3, с. 49–57], В. П. Грибанов – «каучуковыми неопределенными правилами» [4, с. 19]. Современная юридическая российская наука чаще всего использует формулировку «оценочные» [5], или «ситуационные» [6, с. 30], понятия или категории.

На диссертационном уровне в большей или меньшей степени вопросы использования оценочных норм в сфере трудовых отношений исследовались в работах следующих ученых:

– Степанова Е. А. Оценочные понятия трудового права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.05. Ростов-на-Дону, 2005. 187 с.;

– Амельченко М. Н. Герменевтика трудового права России и Германии :

диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.05. Томск, 2009. 223 с.;

– Богуславская К. Ю.

Взаимодействие норм права и норм морали в правовом регулировании трудовых отношений : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.05. Барнаул, 2006. 174 с.;

– Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.05. Екатеринбург, 1998. 363 с.;

– Попов В. И. Нормативное регулирование трудовых отношений и применение норм трудового права : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.05. Екатеринбург, 2000. 266 с.;

– Шайхутдинова Н. П.

Терминологические проблемы трудового права : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.05. Екатеринбург, 2008. 188 с.

Наличие «каучуковых» или оценочных норм в Трудовом кодексе Российской Федерации¹ (далее – ТК РФ) выражается (в качестве примера) в использовании следующих формулировок: «нормы, ухудшающие положение работников по сравнению с трудовым законодательством» (статья 8), «условия, ограничивающие права или снижающие уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством» (статья 9), «добросовестное исполнение обязанностей» (статья 21), «бережное отношение к имуществу работодателя» (статья 21), «добросовестный, эффективный труд» (статья 22), «уважение и учет интересов сторон» (статья 24), «выполнение легкого труда» (статья 63), «установление прямых или косвенных преимуществ» (статья 64), «неудовлетворительный результат испытания» (статья 72), «работа в условиях, отклоняющихся от нормальных»

(статья 135), «в зависимости от сложности работ (труда)» (статья 143) и других.

Для того, чтобы в полной мере сформировать представление об обоснованности и целесообразности использования «каучуковых» или оценочных норм, их правовой природе, необходимо прежде всего обратиться к основным историческим источникам права.

Использование «каучуковых» или оценочных норм находит свое отражение еще в римском праве. Так один из наиболее известных мировому праву и часто применяемых источников права – Кодекс Юстиниана – *Corpus Juris Civilis* (529 г. н. э.) оперирует такими понятиями, как «*aequitas*» – справедливость и «*jus naturale*» – право естественное, природное [7]. Следует отметить при этом, что использование в данном источнике права оценочных норм основывается на сформировавшихся в еще более раннем архаическом периоде правовых обычаях, таких как «добрые нравы» (*mores boni*), «обычай местности» (*mores loci*), «обычай предков» (*mores maiorum*), включавшие обычаи человеческого (*jus*) и божественного (*fas*) права. Таким образом, полагаем верным сделать вывод о том, что использование оценочных понятий при регулировании общественных отношений является вполне естественной, необходимой и исторически сложившейся мерой, обеспечивающей переход от регулирования на уровне моральных (ценностных) установок к регулированию нормативному, законодательному.

Еще одним из основных международных исторических источников, оказавших значительное влияние на регулирование имущественных и трудовых отношений в том числе и в нашей стране, стал Гражданский кодекс Франции (*Code civil, Code Napoleon*), введенный в действие 21 марта 1804 г. (30 вентоза XII года по революционному календарю). Этот кодекс стал одним из первых и главных

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

законов, отстаивающих интересы буржуазии, частной собственности и свободы договоров. При этом отличительной чертой Code civil является стремление дать наиболее общие принципиальные положения правового регулирования, сформулировать основы идеологии буржуазии в области имущественных и производственных отношений. По словам Ф. Энгельса «Революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и в «Гражданском кодексе» мастерски приспособила к новейшим капиталистическим отношениям старое римское право, – это почти совершенное выражение юридических отношений, вытекающих из той ступени экономического развития, которую Маркс называет «товарным производством»; до такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, – не исключая Англии, – служит образцом при реформах права собственности» [8, с. 315].

Отметим, что немецкое право, равно как и римское право, право Франции, внесло существенный вклад в формирование общеевропейского и общемирового стиля в частном праве, поскольку общая часть Германского гражданского Уложения (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) 1896 г. была заимствована в разных объемах бразильскими, португальскими, греческими, нидерландскими, японскими, китайскими, а также и российскими законодателями при разработке уже и современного законодательства [9, с. 77–82]. Германское гражданское уложение, характеризующееся преимущественно точностью изложения правил поведения, казуистичностью отдельных норм, высокой степенью детализации правовой терминологии, не смогло, тем не менее отказаться от использования таких абстрактных формулировок и понятий, как

«добрый нрав», «добрая совесть», «чувство приличия», «верность и вера», «важная причина» (§ 138, 157, 242, 314, 626, 826), не предложив при этом каких-либо четких критериев понимания этих категорий. Такой подход в правовом регулировании, по мнению Жалинского А., Рерихта А., избран в Германском гражданском уложении для того, чтобы исключить свободный доступ обычных граждан к толкованию закона, иными словами, этот кодекс «создан юристами для юристов» [10, с. 309]. В научной литературе порой даже встречается мнение о том, что такие «каучуковые параграфы» Германского гражданского уложения использовались германскими судами для борьбы с рабочим классом [11, с. 34–35].

Таким образом, использование «каучуковых» или оценочных норм в сфере имущественных и трудовых отношений в Российской Федерации новым отнюдь не является, более того, законодательная деятельность, правоприменительная и судебная практика объективно не могут обойтись без такого рода «неопределенных норм», поскольку с их помощью обеспечиваются гибкость правового регулирования, возможность учесть особенности конкретной правоприменительной ситуации, обеспечить баланс интересов участвующих в споре сторон. При этом речь не должна идти об абсолютно вольной трактовке нормы права в том или ином случае, поскольку в отношении каждой «каучуковой нормы» должны быть выработаны определенные критерии правоприменения, закрепленные, прежде всего, в законах и подзаконных нормативных правовых актах. Однако это происходит далеко не всегда, с связи с чем зачастую такие критерии применения формулируются в судебной практике, практике деятельности органов государственного контроля (надзора), муниципального контроля, прокурорского надзора и иной правоприменительной практике. Таким образом, для корректности

применения «каучуковых» норм по-прежнему огромное значение имеют профессиональная компетентность правоприменителя, уровень правовой культуры и добросовестность сторон, участвующих в той или иной спорной ситуации. В противном случае возникает угроза того, что в «неумелых руках такая каучуковая норма становится не скальпелем хирурга, а секирой, потенциально способной обезглавить множество невинных корпоративных решений» [12, с. 190–228].

Вместе с тем, следует сделать оговорку о том, что в правовой системе Российской Федерации судебный или юридический прецедент не являются источниками права. В связи с этим единственным надлежащим способом закрепления в судебной практике критериев применения «каучуковых» или оценочных норм следует признать, пожалуй, исключительно провозглашение решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), а также утверждение постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации в силу того, что разъяснения, содержащиеся в этих документах, являются обязательными для судов.

В настоящее время несоблюдение сформулированного выше подхода к разработке критериев применения «каучуковых» или оценочных норм зачастую приводит к тому, что в отдельных случаях разрешение судами идентичных спорных ситуаций находит совершенно противоположное завершение. Причем такие противоречия порой можно встретить даже в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации или различных судебных коллегиях одного и того же суда общей юрисдикции.

Так, к примеру, собственно, по вопросу конституционности наличия в законодательстве норм оценочного характера Конституционный Суд

формулирует достаточно противоречивую оценку. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2019 № 12-П Конституционный Суд отмечает, что неоднозначность правового регулирования создает предпосылки для административного произвола и непоследовательного правосудия: «Неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможности неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод».

В другом своем решении (постановление от 3 октября 2023 г. № 46-П) Конституционный Суд занимает противоположную позицию, в соответствии с которой требование определенности, ясности и недвусмысленности правовых норм вовсе не исключает использования оценочных или общепринятых категорий, чье значение должно быть доступно для восприятия и понятно субъектам правоотношений либо непосредственно из содержания нормы или системы находящихся в явной взаимосвязи норм, либо посредством обнаружения более сложной связи правовых предписаний, в том числе с помощью разъяснений судов по вопросам их применения (аналогичная практика отражена также в постановлениях от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П и др.).

Следует также обратить внимание, что Конституционный Суд прямо ориентирует правоприменителя на необходимость применения оценочных норм с учетом разъяснений судов, при этом речь идет не только о постановлениях Пленума или Президиума Верховного Суда Российской Федерации, но и о возможности разрешения любых спорных ситуаций, связанных с применением таких

норм, именно в судебном порядке. Так, в постановлении от 2 июня 2022 года № 23-П Конституционный Суд указывает, что если условие сформулировано в носящих оценочный характер выражениях, которые порождают расхождение в мнениях сторон по поводу наличия соответствующих обстоятельств, то наступление оснований для досрочного прекращения договора может быть установлено лишь судом. Соответствующий подход применяется в трудовых, так и в гражданско-правовых отношениях [13, с. 52–63].

Перейдем к практике деятельности судов общей юрисдикции, на примере применения «каучуковых» или оценочных норм в статьях Трудового кодекса Российской Федерации. Статья 80 ТК РФ содержит один из ярких примеров оценочных норм. В соответствии с этой статьей работник до истечения срока предупреждения об увольнении имеет право *в любое время (курсив мой – А. Ю. Усов)* отозвать свое заявление. В связи с чем на практике возникают споры относительно правильности понимания того момента, до которого работник имеет право реализовать соответствующее право.

Так, например, существует противоречивая судебная практика по спорам о признании увольнения незаконным в случаях, когда работник, уволившийся по собственному желанию, отозвал свое заявление по почте, однако к моменту издания приказа об увольнении заявление об отзыве работодателем еще не получено.

С одной стороны, существует судебная практика, согласно которой, если работник отозвал свое заявление до истечения срока предупреждения об увольнении, но работодатель его не получил своевременно по независящим от работника причинам, то увольнение является неправомерным (см., например, определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2019 № 88-67/2019, определение Московского

городского суда от 17.04.2014 № 4г/7-2982/14).

С другой стороны, есть судебная практика, согласно которой важна дата получения работодателем отзыва заявления, а не дата направления его работником. Поэтому если работодатель до истечения срока предупреждения не получил от работника отзыв заявления, то увольнение может быть признано правомерным (см., например, апелляционное определение Московского городского суда от 12.01.2016 № 33-252/2016, определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2020 № 88-11703/2020).

При этом судебная практика по вопросу реализации работником права на отзыв заявления об увольнении по собственному желанию в любое время до истечения срока предупреждения разнится и в зависимости от других критериев, выработанных судебной практикой, например, таких, как:

- приглашено ли на место увольняющегося работника другое лицо в порядке перевода;

- в какое время в течение последнего рабочего дня работником реализовано право на отзыв заявления об увольнении, в частности, если это произошло после окончания рабочего дня (смены);

- право на отзыв заявления об увольнении реализовано женщиной, узнавшей о состоянии беременности после ознакомления с приказом об увольнении и после последнего дня работы, в частности, если к этому моменту на освободившееся рабочее место уже приглашено иное лицо в порядке перевода и т.д.

Еще один пример существования так называемых «каучуковых норм» в трудовом законодательстве – использование понятия «неоднократность» применительно к возможности расторжения трудового договора по инициативе работодателя в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 81 ТК РФ на

основании неоднократности совершения работником дисциплинарного проступка.

В частности, в настоящее время встречаются противоречивые судебные решения относительно вопроса о том, правомерно ли увольнение за неоднократное неисполнение обязанностей, если все или часть проступков совершены до перевода на другую должность? Есть решения, в которых такой подход считается неправомерным – определение Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 5-В09-110; и правомерным – апелляционное определение Московского областного суда от 15.02.2016 по делу № 33-199/2016.

Правомерно ли увольнение за неоднократное неисполнение обязанностей, если нарушение, за которое уволили, совершено до применения первого взыскания? Практика признана неправомерной – апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.04.2014 № 78-АПГ14-8; апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2018 № 33-1771/2018; и правомерной – апелляционное определение Московского городского суда от 28.04.2015 по делу № 33-12694/2015.

Аналогичные разночтения встречаются и по иным вопросам применения «каучуковых» или оценочных норм в сфере трудового права. Полагаем, что для того, чтобы «исключить возможность существования в Российской Федерации калужской и казанской законности, а обеспечить именно единую всероссийскую законность» [14, с. 197–201], в области реализации «каучуковых» или оценочных норм следует придерживаться практики разработки четких критериев применения таких норм, причем такие критерии должны быть отражены, прежде всего, в законах и подзаконных нормативных правовых актах, а в случае их отсутствия правоприменителю следует

ориентироваться на решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Предложенный подход в полной мере согласуется с позицией, высказанной Председателем Верховного Суда Российской Федерации И.В. Красновым, который подчеркнул, что судебные решения «не должны содержать намеков, ничем не подкрепленных оценочных суждений, порождать двойственность толкования, а тем более являться катализатором мошеннических и иных незаконных схем¹».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская и др. ; под ред. Е. С. Болтановой. Москва : ИНФРА-М, 2023. 515 с.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут, 2001. 353 с.
3. Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49–57.
4. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Москва : Статут, 2000. 412 с.
5. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Свердловск, 1974. 185 с.
6. Гражданский процесс / под ред. М. К. Треушников. Москва : Статут, 2014. 960 с.
7. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву : из истории цивилистической мысли, гражданское правоотношение, критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. Москва : Статут, 2020. 780 с.

¹ Краснов предостерег судей от решений в угоду властям и корпорациям. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/12/2025/692ea3909a7947c29c0e7b12> (дата обращения 01.12.2025).

8. Энгельс Ф. Об историческом материализме // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. Москва : Партиздат ЦК ВКП (б), 1933. 315 с.

9. Виноградова О. П. Германское гражданское уложение 1896 г. как образец буржуазной кодификации права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 77–82.

10. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. Москва, 2001. 309 с.

11. Агарков М. М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции. Педагогическое наследие : учебник для вузов. В 3 кн. Кн. 1. Москва : Юрайт, 2025. 337 с.

12. Павлов Н. А. Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний: обзор практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 3. С. 190–228.

13. Девицкий Э. И. Защита прокурором имущественных интересов государства путем предъявления исков о возмещение ущерба, причинённого в результате нарушения законодательства о контрактной системе // Искусство правоведения. The Art of Law. 2024. № 4 (12). С. 52–63.

14. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : т. 45. Москва : Издательство политической литературы, 1982. 762 с.

УДК 347.963
EDN [МРОУСП](#)

Шакирьянов Марат Мавлявиевич,
заведующий кафедрой основ управления, организации и
цифровизации прокурорской деятельности
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Московская, 41, г. Казань, Россия, 420111
e-mail: sm_7575@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА – АКТ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Аннотация. В статье рассматривается представление прокурора как один из самых распространенных актов прокурорского реагирования. Его эффективность зависит не только от правильности применения, но и от четкого понимания его правовой природы и порядка реализации.

Отмечается, что существуют актуальные проблемы применения представления как акта прокурорского реагирования в ходе осуществления надзора за исполнением закона, которое требует разрешения.

Автором сформулированы рекомендации о совершенствовании правоприменительной практики и законодательства.

Ключевые слова: представление прокурора, акт прокурорского реагирования, надзор за исполнением законов, нарушение закона, соблюдение законности, органы прокуратуры.

Для цитирования: Шакирьянов М. М. Представление прокурора – акт прокурорского реагирования: вопросы и ответы // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 84–91.

Shakiryaynov Marat Mavlyavievich,
Head of the Department of Management, Organization, and Digitalization of Prosecutorial
Activities Kazan Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
candidate of legal sciences, Associate Professor
Moskovskaya St, 41, Kazan, Russia, 420111
e-mail: sm_7575@mail.ru

REPRESENTATION OF THE PROSECUTOR – ACT OF THE PROSECUTOR'S REACTION: QUESTIONS AND ANSWERS

Annotation. The article examines the prosecutor's submission as one of the most common acts of prosecutorial response. Its effectiveness depends not only on the correctness of its application, but also on a clear understanding of its legal nature and implementation procedure.

It is noted that there are actual problems with the application of representation as an act of prosecutorial response during the supervision of the implementation of the law, which requires a permit.

The author makes recommendations on improving law enforcement practice and legislation.

Key words: representation of the prosecutor, act of the prosecutor's reaction, supervision of the execution of laws, violation of the law, compliance with the rule of law, prosecutor's offices.

For citation: Shakiryaynov M. M. Representation of the Prosecutor – Act of the Prosecutor's Response: Questions and Answers // The Art of Law. 2025. № 4. С. 84–91.

Правовыми средствами, с помощью которых прокурор принимает меры по устранению нарушений закона, причин и условий им способствующих, а также по привлечению виновных к ответственности, являются акты реагирования. Акты прокурорского реагирования играют ключевую роль в обеспечении законности, защите прав и свобод граждан, а также в укреплении правопорядка в Российской Федерации [1, с. 10].

Среди них особое место занимает представление прокурора – универсальный инструмент прокурорского надзора, направленный на устранение нарушений закона и предупреждение их повторного возникновения.

Результаты работы органов прокуратуры свидетельствуют, что наиболее часто применяемый акт реагирования на выявленные нарушения закона – представление прокурора. Это объясняется тем, что применение представления не ограничивается определенной отраслью надзора. Рассматриваемый акт прокурорского реагирования активно применяется в надзорной практике во всех отраслях прокурорской деятельности, в том числе при осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Так согласно статистическому отчету по форме ОН «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» в 2024 году

в поднадзорные органы, учреждения и организации внесено прокурорами 1 043 552 представления, в 2023 году – 1 002 890, в 2022 году – 968 281. Числовые показатели за последние 3 года свидетельствуют только об увеличении количества вносимых прокурорами представлений.

В современных условиях, когда динамика правонарушений требует оперативного реагирования, представление прокурора остается одним из наиболее действенных способов прокурорского реагирования. Однако его эффективность зависит не только от правильности применения, но и от четкого понимания его правовой природы и порядка реализации.

Представление прокурора составляется при выявлении **нарушений закона** в ходе: проверок исполнения законодательства, рассмотрения жалоб граждан и организаций, надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскными мероприятиями, участия в судебных процессах [2, с. 277].

Обращение к указанному документу прокурорского реагирования обусловлено необходимостью совершенствования механизма применения представления прокурора в условиях меняющегося законодательства и роста правовой культуры общества. На практике нередко возникают проблемы, связанные с формальным исполнением требований прокурора, затягиванием сроков рассмотрения представлений и их игнорированием. Это требует детального анализа как теоретических, так и практических аспектов применения данного акта прокурорского реагирования [3, с. 202].

Несмотря на то, что документ прокурорского реагирования –

представление являлся неоднократно предметом исследования как правоприменителей и ученых, можно выделить ряд вопросов, которые возникают и могут возникнуть в процессе его применения прокурорами, и рассмотрения уполномоченными лицами в чей адрес они внесены.

Первый вопрос – отсутствие законодательного определения представления прокурора с изложением его сущности, содержания и формы (требования к его оформлению).

Второй вопрос – отсутствие четкого регламента рассмотрения представления (подлежит безотлагательному рассмотрению!) и исполнения органами и должностными лицами требований прокурора, изложенных в нем.

Изучение материалов на просторах сети «Интернет» с изображением представлений прокуроров, а также опрос слушателей – прокурорских работников Приволжского и Уральского федеральных округов, обучающихся по дополнительным профессиональным программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации в Казанском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, привело к установлению наличия определенных различий как в форме, так и в содержании представления прокурора в разных регионах Российской Федерации. Более того, указанная особенность свойственна и другим актам прокурорского реагирования.

Содержание статей 23, 24, 25, 25.1 и 28 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (далее – Закон о прокуратуре) отражает только отдельные требования к протесту, представлению, постановлению и предостережению прокурора. Исходя из этого, как правильно подмечает Т. Ю. Кесарева, в разных субъектах Российской Федерации подходы к применению и оформлению одних и тех же

актов прокурорского реагирования могут различаться [4, с. 6].

Традиционно в структуре представления выделяют 3 основных элемента – вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная.

На данный момент нет официально утвержденных требований к форме и содержанию актов прокурорского реагирования, в том числе и представления.

На этот факт в своем исследовании обратила внимание и Ю. О. Карпышева. При изучении представлений об устранении нарушений закона, внесенных прокурорами городов и районов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, ею было отмечено, что резолютивная часть 33% представлений начиналось со слов «предлагаю» [5, с. 38].

Соответственно в своей практической деятельности прокурорские работники, при подготовке представления, ориентируются на сложившиеся в практике правила его составления в том или ином регионе, а также на приложение № 1 «Перечень основных видов организационно-распорядительных, информационно-справочных и других документов» к приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» [4, с. 6], где закреплено «представление – акт прокурорского реагирования, вносимый в государственные органы, общественные организации и должностным лицам, содержащий изложение и анализ фактов, послуживших основанием для внесения представления, а также предложения об устранении нарушений закона, способствующих им условий и подлежащий рассмотрению в установленном законом срок».

По этой причине в одних прокуратурах при внесении представления прокурора «требуют», а в других

прокуратурах «предлагают» устранить нарушения закона и способствующие им условия.

Однако, в соответствии с частью 1 статьи 1 Закона о прокуратуре прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Соответственно, по-нашему мнению, должны быть единые (унифицированные) официально утвержденные требования к форме и содержанию актов прокурорского реагирования.

Еще, в 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании к Федеральному собранию отметил, что «У нас не может быть какой-то своей доморощенной законности в одном и в другом регионе, а значит, прокурор – это сквозная верховная власть, следящая за исполнением этих законов вне зависимости ни от каких обстоятельств регионального характера»¹.

В настоящее время в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», официально используемой органами прокуратуры², размещена форма «Представление прокурора об устранении нарушений закона». В примечании к документу отмечено, что при применении следует учитывать, что форма официально не утверждена и является авторским материалом, подготовленным для системы «КонсультантПлюс» в 2025 году (актуально на 10.08.2025)³.

Указанная форма не соответствует требованиям, предъявляемым организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации в сфере организации делопроизводства в органах прокуратуры в части оформления на бланке установленного образца.

Вполне очевидно, что представление как документ прокурорского реагирования должен иметь четкую законодательную регламентацию относительно формы и содержания, так как это существенно влияет на качество и единообразие применения указанного акта.

Сразу обозначим, что, рассматривая вопрос правового регулирования представления прокурора, как акта прокурорского реагирования, необходимо обратиться также и к процессуальному (уголовному, гражданскому и др.) законодательству, но представление, приносимое на судебные акты, по существу, принципиально иной акт прокурорского реагирования и относится к ненадзорным актам прокурорского реагирования.

По поводу этого Е. Р. Ергашев отмечает, что в статье 24 Закона о прокуратуре, посвященной представлению прокурора, не дается определение данного акта прокурорского реагирования, не раскрываются его существо, структурные и другие обязательные элементы [6, с. 70].

Не случайно, наверное, в Законе СССР от 30.11.1979 № 1162-Х «О прокуратуре СССР»⁴ статья 25 называлась «Представление прокурора в порядке общего надзора». С нашей точки зрения, данное название статьи позволяло более четко конкретизировать

¹ Послание Президента Федеральному Собранию : 15 января 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 15.10.2025).

² Об утверждении единого реестра программного обеспечения, используемого в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации : распоряжение Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01 июля 2022 г. №364/11р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Форма: Представление прокурора об устранении нарушений закона. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О прокуратуре СССР : Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Утратил силу.

представление, как акт прокурорского реагирования, и сейчас вполне возможно использование указанного названия в статье 24 действующего Закона о прокуратуре.

Согласно части 1 статьи 24 (Представление прокурора) Закона о прокуратуре, представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме [7, с. 253].

Между тем приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (далее – Приказ № 195) прямо обязывает прокуроров о необходимости в документах прокурорского реагирования излагать правовую сущность, а также негативные последствия нарушений закона, причины и условия, которые этому способствовали, ставить вопрос об их устранении и ответственности виновных лиц.

Поэтому мы убеждены о необходимости дополнения статьи 24 Закона о прокуратуре описанием содержания и формы представления, как это сделано законодателем, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в частности в статье 412.3 (Содержание надзорных жалобы, представления).

В соответствии с пунктом 2 статьи 24 Закона о прокуратуре, при рассмотрении

представления коллегиальным органом прокурору сообщается о дне заседания.

В системе «КонсультантПлюс» представлена форма «Уведомление прокурора о дне заседания коллегиального органа для рассмотрения представления прокурора»¹ с примечанием аналогичным к форме представления прокурора, расположенного в данной системе.

Вышеперечисленное приводит к тому, что у государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, которым вносятся представления прокурора возникает определенные вопросы в части организации рассмотрения самого представления и принятия конкретных мер по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих.

Нередко должностные лица, которым при выявлении нарушения закона вносятся представления прокурора, игнорируют требование о рассмотрении указанного акта с участием прокурора, не сообщая ему заблаговременно информацию о дате и времени рассмотрения представления, так как полагают, что указанное требование необходимо выполнять только при рассмотрении представления коллегиальным органом. Это является заблуждением. Дело в том, что такое бездействие содержит признаки административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ).

Согласно статье 17.7 КоАП РФ (Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении) умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, ... , – влечет наложение

¹ Форма: Уведомление прокурора о дне заседания коллегиального органа для рассмотрения представления прокурора. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от двух тысяч до трех тысяч рублей либо дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток¹.

В пункте 16 Приказа № 195 закреплено, что прокуроры должны принимать обязательное участие в рассмотрении внесенных ими актов прокурорского реагирования. Контролировать фактическое устранение нарушений законов, принципиально реагировать на неисполнение требований прокурора.

В силу пункта 3 статьи 6 Закона о прокуратуре неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, влечет за собой установленную законом ответственность.

Прокуроры в рамках своих полномочий по указанным фактам выносят постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, которые в дальнейшем направляют для рассмотрения мировому судье.

Мировые судьи выносят постановления о привлечении к административной ответственности виновных лиц с назначением наказаний, предусмотренных статьей 17.7 КоАП РФ. После чего определенная часть указанных лиц, обжалуют решения мирового суда в вышестоящие суды, в том числе и в Конституционном суде Российской Федерации².

¹ Примечание: Положения настоящей статьи не распространяются на урегулированные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации отношения, связанные с осуществлением прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Довод в жалобах об отсутствии в деянии указанных лиц состава вмененного административного правонарушения с указанием на то, что Закон о прокуратуре не обязывает лицо, которому внесено представление, рассматривать представление с участием прокурора, а равно уведомлять прокурора о времени и месте его рассмотрения, признаются судами несостоятельными, так как в силу пункта 3 статьи 7 Закона о прокуратуре прокурор, его заместитель, а также по их поручению другие прокуроры вправе участвовать в рассмотрении внесенных ими представлений и протестов, в том числе коммерческими организациями.

Следовательно, изложенное в представлении требование о его рассмотрении с участием представителя прокуратуры основано на нормах названного Закона и обязывает лицо, которому внесено представление, как уведомить прокурора о времени и месте рассмотрения представления, так и рассмотреть его с участием представителя прокуратуры [8, с. 164].

Положения пункта 2 статьи 24 Закона о прокуратуре, на которые ссылаются заявители, не дают оснований для вывода о том, что только при рассмотрении представления коллегиальным органом прокурору должно быть сообщено о дне заседания. По этому поводу выносились судебные решения, в том числе Верховным Судом Российской Федерации³.

Так, постановлением и.о. мирового судьи судебного участка № 2 г. Алатырь Чувашской Республики от 17 июля 2024 г., оставленным без изменения решением

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Клиновский автокрановый завод» на нарушение его конституционных прав рядом положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2541-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Например: Постановление Верховного суда Российской Федерации от 02.09.2019 № 48-АД19-8. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

судьи Алатырского районного суда Чувашской Республики от 28 января 2025 г. и постановлением судьи Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2025 г., директор МУП «Алатырское предприятие объединенных котельных и тепловых сетей» (далее – предприятие) Исайкин В. Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 2000 рублей. В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Исайкин В. Г., заявляя о незаконности постановлений, вынесенных в отношении его по настоящему делу об административном правонарушении, ставит вопрос об их отмене с прекращением производства по делу.

Из материалов дела следует, что 16 февраля 2024 г. по результатам проверки заместителем Алатырского межрайонного прокурора Чувашской Республики директору предприятия Исайкину В. Г. внесено представление об устранении нарушений законодательства, регулирующего вопросы проведения отопительного сезона.

В указанном представлении заместителем прокурора изложено требование о его безотлагательном рассмотрении и принятии конкретных мер по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий им способствующих (пункт 1); рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности виновных должностных лиц (пункт 2); извещении прокурора о времени и месте рассмотрения представления для участия в нем (пункт 3); сообщении о результатах рассмотрения представления и принятых мерах прокурору в письменной форме в установленный законом месячный срок (пункт 4).

15 марта 2024 г. директором предприятия Исайкиным В. Г. прокурору дан ответ.

Однако, представление рассмотрено в отсутствие представителя прокуратуры (о времени и месте рассмотрения представления прокурор не извещался). Ответ не содержит сведений о принятии конкретных мер по выполнению требований прокурора, устранению выявленных нарушений, представляет собой возражения на представление.

На основании этого 25 марта 2024 г. заместителем Алатырского межрайонного прокурора Чувашской Республики в отношении директора предприятия Исайкина В. Г. возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 КоАП РФ, по факту умышленного невыполнения изложенных в представлении законных требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, непринятия конкретных мер по устранению нарушений требований законодательства, рассмотрения представления без участия представителя прокуратуры и уведомления прокурора о времени и месте его рассмотрения.

Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2025 г. № 31-АД25-14-К6 жалоба Исайкина В. Г. оставлена без удовлетворения¹.

Все это создает определенную нагрузку на судебную систему и органы прокуратуры Российской Федерации.

Решением указанной проблемы могло бы стать изложение пункта 2 статьи 24 Закона о прокуратуре в следующей редакции: «При рассмотрении представления, в том числе и коллегиальным органом, прокурору сообщается о дне заседания». Также, мы полагаем, что текст представления прокурора должен содержать информацию (предупреждение) о возможности привлечения лица, которому оно вносится,

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2025 г. № 31-АД25-14-К6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

к административной ответственности за невыполнение требований прокурора, изложенных в нем. Устранение указанных недостатков правового регулирования, несомненно, повысят эффективность применения представления прокурора.

Таким образом, представление, как акт прокурорского реагирования играет важную роль в деятельности прокуроров, поскольку позволяет оперативно пресечь выявленные нарушения закона, а также восстановить нарушенные права лиц, пострадавших от правонарушений. Представление прокурора является действенным средством обеспечения законности, однако его дальнейшее развитие требует комплексного подхода, сочетающего законодательные инициативы и организационные меры для реализации в полной мере его потенциала в защите прав граждан и укреплении правопорядка в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокурорская деятельность : энциклопедия / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус. Москва : Полиграфмастер, 2021. С. 10.

2. Заболотских В. А. Представление как акт прокурорского надзора // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 277–279.

3. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. для бакалавров. Екатеринбург : Ратирет, 2016. С. 202.

4. Кесарева Т. Ю. Акты прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов : учеб. пособие. Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 6.

5. Карпышева Ю. О. Роль представления прокурора об устранении нарушений закона в профилактике правонарушений // Законность. 2019. № 12. С. 36–38.

6. Ергашев Е. Р. Применение представления прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 1(57). С. 70.

7. Винокуров А. Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2017. Т. 1. С. 253.

8. Зюбанов Ю. А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный). Москва : Проспект, 2018. С. 164.

УДК 340.1 : 347.73

EDN [LSMWMW](#)**Шевченко Андрей Владимирович,**

аспирант кафедры предпринимательского и финансового права

Байкальского государственного университета,

ул. Ленина, 11, г. Иркутск, Россия, 664003

e-mail: shevchenko.andrey.ang@mail.ru

ORCID 0009-0002-5837-1798

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ, ПРИНЦИПОВ, ПРОБЕЛОВ И ПРЕЗУМПЦИЙ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

Аннотация. Оценочные категории налогового права обеспечивают гибкость правовой системы. Однако использование оценочных категорий может быть затруднено из-за их схожести с такими понятиями как принципы, презумпции и пробелы налогового права. В целях четкого разграничения данных дефиниций автор приводит соотношение ключевых особенностей каждого из приведенных понятий.

На примере добросовестности налогоплательщика рассматривается разница в практическом применении оценочных категорий, принципов, презумпций и пробелов налогового права. В некоторых случаях понятия могут являться как оценочными категориями налогового права, так и презумпциями, и принципами налогового права.

Автор приходит к выводу о том, что все рассмотренные понятия так или иначе содержат оценочный характер. Пробелы в законодательстве являются несовершенством закона, выполняют свои функции исключительно презумпции, оценочные категории и принципы налогового права.

Ключевые слова: оценочные категории налогового права, принципы налогового права, пробелы налогового права, презумпция налогового права, оценочный характер, добросовестность налогоплательщика.

Для цитирования: Шевченко А. В. К вопросу о соотношении оценочных категорий, принципов, пробелов и презумпций в налоговом праве // Искусство правове́дения. 2025. № 4. С. 92–97.

Shevchenko Andrey Vladimirovich,

Postgraduate student of the Department of Entrepreneurial and Financial Law

Baikal State University

11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003

e-mail: shevchenko.andrey.ang@mail.ru

ORCID 0009-0002-5837-1798

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ASSESSMENT CATEGORIES, PRINCIPLES, GAPS AND PRESUMPTIONS IN TAX LAW

Annotation. The assessment categories of tax law provide flexibility to the legal system. However, the use of assessment categories may be difficult due to their similarity with such concepts as principles, presumptions and gaps in tax law. In order to clearly distinguish between these definitions, the author provides the compresence of the key features of each of the concepts.

The difference in the practical application of assessment categories, principles, presumptions and gaps in tax law is examined using the example of the taxpayer's good faith. In some cases, concepts can be both assessment categories of tax law and presumptions and principles of tax law.

The author comes to the conclusion that all the concepts considered contain assessment characteristics in one way or another. Gaps in legislation do not perform any functions, they are an imperfection of the law, hence only presumptions, assessment categories and principles of tax law perform their functions.

Key words: valuation categories of tax law, principles of tax law, gaps in tax law, presumption of tax law, valuation nature, good faith of the taxpayer.

For citation: Shevchenko A. V. On the Question of the Relationship between Assessment Categories, Principles, Gaps and Presumptions in Tax Law // The Art of Law. 2025. № 4. С. 92–97.

Налоговое право является одной из самых динамично развивающихся отраслей российского права, в которой имеют место как четко определенные нормы, регулирующие общественные отношения, так и оценочные категории. Оценочные категории позволяют правовой системе быть более гибкой и разрешать индивидуально неурегулированные споры. Вместе с тем, при их использовании довольно часто возникают вопросы их разграничения с иными схожими понятиями: принципами, презумпциями, пробелами.

Как указывает Т. В. Кашанина, «Оценочная категория в праве – это выраженное в нормах права положение (предписание законодателя), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемое законодателем с тем, чтобы оно конкретизировалось путем оценки в процессе применения права и позволяло осуществлять в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальную регламентацию общественных отношений» [1, с. 21].

Таким образом, оценочные категории закрепляют общие признаки и

свойства явлений. Отсутствие четких границ их содержания и объема нередко приводит к отождествлению оценочных категорий с пробелами, презумпциями и принципами налогового права. Для разграничения указанных понятий необходимо охарактеризовать каждое из них.

1) Принципы налогового права – это общие, абстрактные положения, основные идеи и нормы, которые регулируют налоговые отношения в обществе и носят оценочный характер. В своих постановлениях¹ и определениях² Конституционный Суд РФ, а также иные судебные органы неоднократно прибегали к принципам налогового права: «установление налога законом», «определенность налоговых норм», «единство финансовой и налоговой политики» и др.

Принципы права имеют идеологическое и регулятивное значение. Они, главным образом, способствуют обеспечению согласованности предписаний, заключенных в нормах права, гарантируют единство правового поля, позволяют разрешать юридические споры посредством применения аналогии права.

Как отмечает Д. А. Смирнов, принципы налогового права «выполняют

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2020 года № 46-П по делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 4 статьи 378.2 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 8-О-Р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

концептуальную функцию. Их значение состоит в следующем: они направляют и синхронизируют налогообложение организаций и физических лиц; образуют основу законодательства о налогах и сборах; определяют перспективу правотворческой или иной юридической деятельности, совершенствующей механизм правового регулирования в области налогообложения; выступают гарантом, обеспечивающим реализацию и соблюдение основ конституционного строя, федерализма, а также основных прав и свобод человека и гражданина» [2, с. 94].

Таким образом, оценочные категории и принципы налогового права отличаются друг от друга своей правовой природой. Принципы формируют фундамент системы налогового права, устанавливают границы для законодателя, правоприменителя. Оценочные категории позволяют применить положения закона к конкретным ситуациям, являются инструментом для реализации принципов.

2) Как подчеркивает В. С. Никонова, «под пробелами в налоговом законодательстве понимается ситуация, которая по своему характеру находится в сфере налогового регулирования и, соответственно, требует налогового разрешения, однако норма, подразумевающая ее разрешение, отсутствует» [3, с. 15–45].

При наличии пробела в налоговом праве применяются нормы и принципы налогового права, регулирующие схожие отношения; появляются разъяснения налоговых органов и новая судебная практика. В дальнейшем, с целью устранения пробелов в налоговом праве появляются новые нормы, совершенствуется налоговое законодательство.

Наличие пробелов в налоговом праве ведет к тому, что в случае необходимости разрешения ситуации, неурегулированной нормами

действующего налогового законодательства, нормы, регулирующие схожие отношения, и принципы налогового права могут быть применены судом, налоговыми органами или специалистами в области налогового права по усмотрению правоприменителя.

Приведем пример пробела налогового права, связанного с развитием информационных технологий: так, первоначально Налоговый Кодекс Российской Федерации (НК РФ) не учитывал возможности использования в налоговых отношениях счетов-фактур, подписанных электронной цифровой подписью. Упоминание в статье 169 НК РФ в качестве обязательных реквизитов печати организации в принципе исключало составление документа в электронном виде¹.

В целом, статья 169 НК РФ объективно отражала существующие реалии, так как электронный документооборот не был развит. Стремительное развитие компьютерных технологий поставило вопрос об использовании электронных документов при определении налогоплательщиками своих обязательств. В статье 169 НК РФ образовался пробел в виде отсутствия упоминания о возможности составления счетов-фактур в электронном виде. Соответствующий пробел создавал для налогоплательщика существенные налоговые риски, так как налоговые органы отказывались принимать по таким документам налоговые вычеты по НДС. Несмотря на наличие принятых в пользу налогоплательщика судебных решений, возможность возместить налог во внесудебном порядке фактически исключалась. Законодатель устранил соответствующий пробел, указав на допустимость составления счета-фактуры в электронной форме.

Иными словами, пробел – это несовершенство налогового права,

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая : Федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ : ред. от 21 мая 2020 г. // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

связанное с непредвиденностью возникшей ситуации. Неопределенность в данном случае является следствием отсутствия какой-либо нормы. Относительная определенность заложена законодателем в оценочную категорию намеренно в целях гибкости правовой системы и возможности урегулирования непредвиденных ситуаций.

Сами по себе оценочные категории позволяют урегулировать различные ситуации посредством усмотрения правоприменителя по ряду причин. Во-первых, оценочные категории позволяют не расписывать все ситуации в Налоговом кодексе, поскольку в нем и так предусмотрено огромное количество правовых норм. Во-вторых, оценочные категории предоставляют возможность урегулировать ситуации, которые могут возникнуть в будущем, даже если законодательство к ним еще не адаптировано.

Таким образом, оценочные категории позволяют разрешить какое-то конкретное дело, не являющееся пробелом законодательства [4, с. 189]. Оценочные категории как раз созданы для того, чтобы разрешать такие споры, но они также позволяют вместе с принципами урегулировать и пробелы в законодательстве. В последствии на основании вынесенного решения и появляются новые правовые нормы.

Вместе с тем, сами по себе оценочные категории – это специальный инструмент, позволяющий урегулировать возможные споры, только часть из которых может быть пробелом в законодательстве, если, к примеру, этот пробел возник в связи с развитием информационных технологий или просто не был обнаружен ранее. Однако сами оценочные категории – не пробел законодательства. Поскольку они не являются несовершенством закона, оценочные категории намеренно в нем закрепляются и выполняют свою функцию.

3) Следующая дефиниция – презумпция налогового права. Презумпция в налоговом праве – это механизм, который

предполагает наличие определенных фактов или обстоятельств до тех пор, пока не будет доказано их отсутствие. Она носит оценочный характер, поскольку основывается на предположениях, которые могут быть оспорены или подтверждены в процессе налогового контроля или судебного разбирательства.

Презумпция включает в себя две составляющие: юридическую и логическую.

Логическая или, как ее иначе называют, социальная составляющая выражает внутреннее содержание правовой презумпции. Презумпция – предположение, которое основано на определенной степени вероятности.

Юридическая или формальная составляющая презумпции представляется в законодательном закреплении обязанностью признания презюмируемого факта установленным и возможностью опровержения указанного факта.

Основной составляющей является именно юридическая сторона презумпции. Законодатель считает, что факты установлены, пока не доказано обратное.

Основное назначение правовой презумпции – устранение правовой неопределенности посредством восполнения правоотношений конкретными недостающими явлениями, без которых невозможно развитие этих самых отношений. В основе презумпции лежит модель предположения значимых в праве событий, сформированных на подлинных данных.

Примерами презумпций в налоговом праве являются презумпция невиновности в совершении налогового правонарушения и презумпция добросовестности налогоплательщика. Так, презумпция невиновности заключается в том, что «лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке» [5, с. 22]. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать

свою невиновность в совершении налогового правонарушения.

Правовая презумпция – юридически закрепленное предположение о наличии или отсутствии факта, которое подразумевается до тех пор, пока не доказано обратное. Основной функцией правовой презумпции является распределение бремени доказывания. Оценочные категории в свою очередь выполняют функцию индивидуального регулирования. Бремя доказывания в таком случае не распределяется, каждая сторона квалифицирует действия в соответствии с оценочной категорией. Если оценочная категория отвечает на вопрос «Как оценить обстоятельства и применить норму права?», то правовая презумпция на вопрос – «Что считается установленным, пока обратное не доказано?».

Оценочные категории используются налоговыми органами для опровержения презумпции. Например, чтобы опровергнуть презумпцию добросовестности налогоплательщика, налоговые органы устанавливают, подпадают ли действия налогоплательщика под оценочные категории оптимизации налогообложения, обоснованной налоговой выгоды и т. д.

Таким образом, каждое из указанных понятий: принципы, пробелы, презумпции и оценочные категории налогового права могут быть схожи с другим или несколькими другими понятиями. Вместе с тем, каждое из них имеет свои отличительные особенности, которые необходимо понимать в целях надлежащего применения норм налогового права на практике и решения конкретных налоговых споров. Соотнести указанные понятия можно посредством установления их правовой природы.

Между тем, некоторые понятия можно рассмотреть сразу в нескольких ключах. В качестве примера можно рассмотреть дефиницию добросовестности. Понятие добросовестности может использоваться как в качестве презумпции,

принципа, так и в качестве оценочной категории.

Так, презумпция добросовестности заключается в предположении о том, что налогоплательщик выполняет свои налоговые обязательства честно и добросовестно, пока не будет доказано обратное [6, с. 86].

Презумпция добросовестности защищает налогоплательщиков от произвольных действий со стороны налоговых органов. Она подразумевает, что налогоплательщик не должен доказывать свою добросовестность, пока не возникнут сомнения.

Налоговые органы должны обосновать свои подозрения и представить доказательства в том случае, если они считают, что налогоплательщик нарушает закон. Такой подход создает дополнительные гарантии для граждан и бизнеса.

Принцип добросовестности – это правило, согласно которому налогоплательщики и налоговые органы должны действовать честно, открыто и добросовестно в своих отношениях. Смысл принципа добросовестности заключается в том, что при выполнении своих прав и обязанностей стороны должны действовать определенным образом, и никак иначе. Эта идея является основополагающей, и, в случае поправок в налоговое законодательство, новые нормы не могут противоречить данному принципу.

Оценочная категория добросовестности – это характеристика поведения налогоплательщика, которая учитывает его намерения и действия в процессе выполнения налоговых обязательств. Эта категория имеет важное значение для определения правомерности действий налогоплательщика и его ответственности за возможные нарушения налогового законодательства. В настоящем случае, разрешая конкретный правовой казус, правоприменитель учитывает поведение налогоплательщика, проверяет, представлял ли он полную и достоверную

информацию о своих доходах, расходах и других данных, необходимых для расчета налогов, не укрывал ли доходы и не использовал ли схемы для уменьшения налоговых обязательств, которые могут быть признаны мошенническими, соблюдал ли иные требования налогового законодательства.

Смысл оценочной категории заключается в том, что при решении конкретной ситуации, которая исчерпывающим образом не урегулирована Налоговым Кодексом, правоприменитель сможет ее разрешить при помощи этой категории в пределах, установленных законом [7, с. 60].

Однако случаи, когда презумпции, принципы и оценочные категории налогового права совпадают, встречаются не так часто. У каждого из данных инструментов налогового законодательства своя функция. Изучив все указанные дефиниции, можно сделать следующий вывод. Пробелы в законодательстве являются несовершенством в законе. Иные рассмотренные понятия содержат оценочный характер. Выполняют функции исключительно презумпции, оценочные категории и принципы налогового права.

Каждое из указанных понятий выполняет свою функцию: принципы – фундамент налоговой системы, на основании которого применяются правовые нормы, презумпции распределяют бремя доказывания, а оценочные категории выполняют функцию индивидуального регулирования.

Кроме того, установлено, что некоторые понятия могут являться как оценочными категориями налогового права, так и презумпциями, или принципами налогового права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 185 с.
2. Смирнов Д. А. Оценочные понятия и принципы налогового права: вопросы соотношения и правоприменения // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 85–101.
3. Никонова В. С. Пробелы в налоговом законодательстве Российской Федерации // Форум молодых ученых. 2017. № 5(9). С. 1544–1547.
4. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 230 с.
5. Демин А. В. Презюмирование в налоговом праве. Реальное и презумптивное налогообложение // Финансовое право. 2011. № 9. С. 19–24.
6. Седаев П. В. Добросовестность налогоплательщика как один из основных критериев в понимании необоснованной выгоды // Финансы и налоговая политика. 2015. № 1. С. 86–90.
7. Белоусова К. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве // Право и государство : теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 59–62.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 347.63

EDN [PIOXEW](#)**Рудых Светлана Николаевна**

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: rudsvet@mail.ru
ORCID 0000-0002-8219-3103

Сенотрусова Евгения Михайловна

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: evg-suranova@yandex.ru
ORCID 0000000182921193

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ТАРИФЫ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКУЮ ЭНЕРГИЮ
ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОБЪЕМАМ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

Аннотация. Рассмотрены сущность и предпосылки введения системы дифференциации тарифов на электроэнергию исходя из объемов потребления. Сделан вывод, что сам по себе механизм дифференциации тарифов является эффективной мерой борьбы с недобросовестными потребителями электроэнергии, перекрестным субсидированием, а также призван стимулировать рациональное и осознанное потребление энергоресурса. В качестве обстоятельства, требующего особого внимания при внедрении механизма дифференциации, названа необходимость обеспечения установления диапазонов объемов потребления электрической энергии и тарифов (цен) на электроэнергию на экономически обоснованном уровне.

Ключевые слова: электрическая энергия, тарифы, дифференцированные тарифы.

Для цитирования: Рудых С. Н., Сенотрусова Е. М. Дифференцированные тарифы на электрическую энергию для населения по объемам потребления: постановка вопроса // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 98–103.

Rudykh Svetlana Nikolaevna

Head of the Department of Civil Law Disciplines
Irkutsk Law Institute (branch) University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
str. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035,
e-mail: rudsvet@mail.ru
ORCID 0000-0002-8219-3103

Senotrusova Evgeniya Mikhailovna

Associate Professor of the Department of Civil Law
Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation,

Candidate of Legal Sciences

str. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035,

e-mail: evg-suranova@yandex.ru

ORCID 0000000182921193

DIFFERENTIATED TARIFFS FOR ELECTRIC ENERGY FOR THE POPULATION IN TERMS OF CONSUMPTION: RAISING THE ISSUE

Annotation. The essence and prerequisites for the introduction of a system of differentiation of electricity tariffs based on consumption volumes are considered. It is concluded that the tariff differentiation mechanism itself is an effective measure to combat unscrupulous electricity consumers, cross-subsidization, and is also designed to stimulate rational and informed energy consumption. The necessity of ensuring the establishment of ranges of electric energy consumption and tariffs (prices) for electricity at an economically reasonable level is mentioned as a circumstance requiring special attention when introducing a differentiation mechanism.

Key words: electric energy, tariffs, differentiated tariffs.

For citation: Rudykh S. N., Senotrusova E. M. Differentiated Tariffs for Electric Energy for the Population in Terms of Consumption: Raising the Issue // The Art of Law. 2025. № 4. С. 98–103.

Электрическая энергия является важнейшим ресурсом, обеспечивающим нормальное функционирование современного общества и комфортную жизнедеятельность каждого из нас. Согласно статистическим данным, в России наблюдается устойчивая тенденция роста спроса электроэнергии со стороны производителей и населения, что обусловлено в том числе развитием туристической индустрии и активным использованием в быту различного рода электрических устройств (кондиционеры, роботы-пылесосы, сушильные машины и т. п.). По прогнозам экспертов в 2025 году потребление электроэнергии продолжит расти и составит порядка 1,226 трлн кВт/ч¹.

Высокие объемы потребления электрической энергии создают колоссальную нагрузку на энергосистемы и требуют внедрения эффективных механизмов ценообразования. Одним из

перспективных подходов является введение дифференцированных тарифов.

Так, с 1 января 2025 года в России действуют дифференцированные тарифы на электроэнергию для собственников жилых помещений и приравненных к населению категорий пользователей исходя из фактического объема потребления. Иными словами, для указанной категории пользователей устанавливаются разные ценовые уровни в зависимости от объема потребляемой энергии, при этом конкретные границы диапазонов устанавливаются на уровне субъектов Российской Федерации с учетом климатических и иных особенностей конкретного региона.

Согласно пункту 70 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 года № 1178, по решениям

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7432006> (дата обращения: 20.09.2025).

регулирующих органов субъектов Российской Федерации регулируемые цены (тарифы) на электрическую энергию (мощность), поставляемую населению и приравненным к нему категориям потребителей, могут устанавливаться с *дополнительной дифференциацией по объемам потребления электрической энергии* и группам (подгруппам) населения и приравненных к нему категорий потребителей. В случае если в субъекте Российской Федерации расчетные величина и ставка перекрестного субсидирования выше нуля, установление тарифов на электрическую энергию без указанной дифференциации с 1 января 2026 года не допускается. По решению регулирующего органа указанные тарифы могут устанавливаться с дополнительной дифференциацией по объемам потребления и (или) по группам (подгруппам) потребителей; при этом перекрестное субсидирование между указанными группами (подгруппами) потребителей не допускается¹.

На территории Иркутской области приказом областной Службы по тарифам от 30 ноября 2024 года № 79-345-спр «Об установлении тарифов на электрическую энергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей по Иркутской области на 2025 год» установлены дифференцированные тарифы на электрическую энергию и диапазоны ее потребления: первый диапазон – до 3900 кВт/ч, второй диапазон – от 3901 до 6000 кВт/ч, третий – свыше 6000 кВт/ч². Без ограничения пороговым значением электроэнергия поставляется многодетным

¹ Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике : постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

семьям и на содержание общего имущества в многоквартирных домах.

Для населения, проживающего в оборудованных электроотопительными установками домах для расчетных периодов (месяцев), относящихся к отопительному периоду, первый диапазон увеличен до 7020 кВт/ч включительно, второй – до 10 800 кВт/ч, третий – свыше 10 800 кВт/ч. Внутри названных диапазонов установлена дифференциация тарифа по периодам январь-май, июнь-август и сентябрь-декабрь.

Определение стоимости электрической энергии по диапазонам объемов потребления с учетом сезонного коэффициента осуществляется в отношении оборудованных электроотопительными установками негазифицированных жилых и садовых домов, в том числе находящихся на земельных участках садоводческих или огороднических некоммерческих товариществ, при наличии зарегистрированного права собственности или иного предусмотренного законом права на указанные объекты. Соблюдение указанных условий подтверждается документами о праве собственности или ином предусмотренном законом праве на жилой и (или) садовый дом, об отсутствии газификации объекта, а также об отоплении жилого (садового дома) с применением электроотопительной установки³. Для применения сезонного коэффициента собственнику необходимо предоставить подтверждающие документы в электросбытовую компанию.

Целями введения дифференцированных тарифов явились сокращение случаев недобросовестного

² Тарифы на электрическую энергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей, установленные по диапазонам объемов потребления электрической энергии : приказ Службы по тарифам Иркутской области от 30 ноября 2024 г. № 79-345-спр на 2025 г. : в ред. от 1 марта 2025 г. // Официальный портал Иркутской области.

³ О применении сезонного коэффициента : письмо ФАС России от 28 февраля 2025 г. № ГМ/18229/25. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

потребления большого количества электроэнергии лицами, не имеющими права на льготное ценообразование, в том числе «серыми» майнерами, а также снижение перекрестного субсидирования.

Перекрестное субсидирование представляет собой «механизм государственного регулирования, при котором вводится дополнительная искусственная дифференциация и формируются различные цены для отдельных категорий потребителей. Для одних групп потребителей (доноров, несущих бремя дополнительных расходов) тарифы на электроэнергию устанавливаются выше реальных издержек, для других групп потребителей (реципиентов или бенефициаров) тарифы устанавливаются ниже реальных издержек» [1, с. 20]. Как отмечалось ФАС России, до введения дифференциации тарифы для населения устанавливались ниже себестоимости производства и передачи электроэнергии. Покрытие разницы между тарифом и себестоимостью осуществлялось за счет поставки электроэнергии и мощности по повышенным тарифам прочим потребителям¹ (как правило, предпринимателям). Складывавшаяся на протяжении многих лет динамика применения перекрестного субсидирования в сфере электроэнергетики «вышла из-под контроля и превысила регламентированные рамки» [2, с. 332].

Вопрос о введении дифференцированных тарифов на электроэнергию неоднократно обсуждался и ранее [3 ; 4 ; 5, с. 191]. Одним из знаковых мероприятий, где обсуждалась указанная проблематика, явилась Всероссийская тарифная конференция, прошедшая еще в октябре 2023 года. Тогда заместитель руководителя ФАС России Г. Магазинов обратил внимание региональных регуляторов на целесообразность введения

дифференцированных тарифов для населения и приравненных к нему категорий потребителей, что в конечном итоге позволит снизить перекрестное субсидирование в электросетевом комплексе. Эта идея была поддержана и Минэнерго, поскольку предлагаемая мера вводит понятную систему контроля роста субсидирования².

По данным ФАС России с учетом права регионов на повышение диапазонов при определенных условиях большинство граждан не затронули изменения внедрения дифференцированных тарифов, поскольку их бытовое потребление укладывается в границы первого диапазона. При этом уже с 2026 года применение дифференцированных тарифов станет обязательным во всех регионах, где сохраняется перекрестное субсидирование³.

С учетом сказанного, предложенный государством подход представляется довольно справедливым, поскольку стимулирует пользователей к рациональному использованию ресурса, установке и применению высокотехнологичного и энергоэффективного оборудования, обеспечивает прозрачный подход к системе ценообразования.

Вместе с тем, остро стоит вопрос экономической обоснованности устанавливаемых границ диапазонов потребления электрической энергии, а также самого тарифа на ресурс.

Государственное регулирование цен на электроэнергию обусловлено, как отмечалось выше, ее высокой значимостью для обеспечения жизнедеятельности населения, существенным влиянием расходов на ее оплату на уровень жизни граждан, необходимостью предотвращения злоупотреблений со стороны организаций коммунального комплекса путем необоснованного завышения цен. В пункте

¹ URL: <https://diffтарыfy.fas.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

² Официальный сайт ФАС России. URL: <https://in.fas.gov.ru/srv/node/763> (дата обращения: 20.09.2025).

³ URL: <https://diffтарыfy.fas.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).

2.4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 3 марта 2017 г. № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере» прокурорам указано на необходимость проведения проверок правомерности решений об установлении тарифов на коммунальные услуги, достоверности и полноты сведений, представляемых хозяйствующими субъектами в органы тарифного регулирования, а также правильности применяемой этими органами методологии и обоснованности произведенных ими расчетов¹.

В связи со сказанным, интерес представляет следующий казус. Приказом Службы по тарифам Иркутской области от 26 апреля 2024 года № 79-70-спр установлены тарифы на электрическую энергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей по Иркутской области на 2024 год (далее – Приказ № 79-70-спр). Гражданин обратился в суд с административным иском о признании недействующим Приказа № 79-70-спр в части применения диапазонов объемов потребления электрической энергии. Требования мотивированы тем, что установленные диапазоны потребления электроэнергии экономически не обоснованы, произвольны, не учитывают фактический объем потребления электрической энергии потребителями на территории региона. Решением первой инстанции в удовлетворении требований отказано.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение Иркутского областного суда и удовлетворения требования гражданина, указал, что, действительно, при установлении дифференцированных по объемам потребления электрической мощности тарифов для населения и приравненных к ним категорий

потребителей на территории области какого-либо экономического обоснования не представлялось, протокол правления не содержит расчета обоснованности киловатта в час для каждой группы потребителей. Предоставленная федеральным законодателем возможность установления региональным регулирующим органом конкретных значений тарифов и пороговых значения диапазонов объемов потребления электрической энергии не свидетельствует о возможности произвольного их определения².

Смысл внедрения системы дифференциации тарифов исходя из объемов потребления состоял, на наш взгляд, в выделении случаев с аномально высоким уровнем потребления электроэнергии, не характерным для бытового использования, и установлении для них экономически обоснованных цен на ресурс без каких-либо льгот. Иными словами, цена ресурса в рамках первого диапазона должна быть социально приемлемой, допустимы ее занижение по сравнению с экономически обоснованным уровнем и использование социальной нормы потребления, во втором диапазоне – строго экономически обоснована, в третьем – приближена к цене для предпринимателей (прочих потребителей). При взвешенном подходе реализация положений о дифференцированных тарифов не должна вызывать социально негативные последствия.

Представленный обзор, безусловно, является кратким и представляет собой лишь постановку вопроса о достоинствах и недостатках механизма дифференциации тарифов на электрическую энергию для населения по объемам потребления, приглашением экспертного юридического сообщества к диалогу. Вместе с тем позволим себе сделать некоторые *промежуточные выводы*. На наш взгляд,

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 марта 2017 г. № 140. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 6 марта 2025 г. № 66а-236/2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

сам по себе механизм дифференциации тарифов является эффективным инструментом для борьбы с недобросовестными потребителями электроэнергии и снижения перекрестного субсидирования, призван стимулировать рациональное и осознанное потребление энергоресурса. Вместе с тем в целях обеспечения соблюдения законности и социальной справедливости особое внимание государства, в том числе в лице органов прокуратуры, должно быть обращено на экономическую обоснованность [6, с. 39 ; 7] как диапазонов объемов потребления электрической энергии, так и самих тарифов (цен).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев Д. А. Перекрестное субсидирование в электроэнергетике: текущее состояние и векторы решения проблем // Современная конкуренция. 2021. № 3 (83). С. 17–30.
2. Песоцкая Е. А. Дифференциация тарифов по объемам электропотребления населением как шаг к экономически обоснованным тарифам для всех категорий потребителей // Вестник науки. 2024. Т. 12. № 12 (81). С. 332–335.
3. Запольский С. В., Васянина Е. Л. Правовые вопросы цифровизации финансового контроля в России // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 99–109.
4. Липатов Ю. А., Грищенко И. А. Социальная норма потребления электрической энергии: правовые вопросы // Энергетическое право. 2013. № 1. С. 23–28.
5. Марочкина С. С. Проблемы формирования тарифов на электрическую энергию // Омский научный вестник. 2002. № 19. С. 191–192.
6. Коршунова О. Н., Мирошникова Е. А. Взаимодействие прокурора с органами исполнительной власти как механизм повышения эффективности проверок исполнения законодательства о тарифообразовании // Искусство правоведения. The Art Of Law. 2023. № 4 (8). С. 38–42.
7. Волон И. П., Юдина Ю. В. Процедурные вопросы государственного регулирования цен (тарифов) на уровне субъектов Российской Федерации // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 3 (23). С. 94–101.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 343.98
EDN [PLAXSU](#)

Каменданова Мария Степановна,
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
просп. Литейный, 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191104
e-mail: mkamendanova@yandex.ru

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДМЕТА
КОНТРАБАНДЫ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ)
ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, являющегося одним из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ. Основное внимание уделено проблемам, возникающим при определении размера незаконно перемещаемых платежных средств, которые обусловлены противоречивой позицией законодателя, Верховного Суда РФ и Федеральной таможенной службой России. Автором обосновывается необходимость законодательного закрепления четких критериев подсчета размера контрабанды наличных денежных средств.

Ключевые слова: контрабанда, денежные средства, денежные инструменты, предмет контрабанды, криминалистическая характеристика преступления.

Для цитирования: Каменданова М. С. О некоторых аспектах характеристики предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 104–110.

Kamendanova Maria Stepanovna,
Postgraduate student of the Department of Criminal Procedural Law and
Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of prosecutor's office of the Russian Federation,
44 Liteyny Prospekt, St. Petersburg, Russia, 191104
e-mail: mkamendanova@yandex.ru

**ON SOME ASPECTS OF THE SUBJECT'S CHARACTERISTICS
OF CASH SMUGGLING**

Annotation. The article discussed the specifics of the subject of smuggling of cash and (or) monetary instruments, which is one of the key elements of the criminalistic characteristics of the crime and provided for in the article 200¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The main attention is paid to the problems that arise when determining the amount of illegally transferred funds, which are caused by the contradictory position of the legislator, the Supreme Court of the Russian Federation and The Federal Customs Service of Russia. The author substantiated the need for legislative consolidation of clear rules for calculating the amount of cash smuggling.

Key words: smuggling, money, cash instrument, the subject of the smuggling, criminalistic characteristics of the crime.

For citation: Kamendanova M. S. On some Aspects of the Subject's Characteristics of Cash Smuggling // The Art of Law. 2025. № 4. С. 104–110.

В современных геополитических условиях первостепенное значение приобретает стабильность финансовой системы страны для обеспечения ее безопасности. В связи с этим противодействие незаконному трансграничному перемещению наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (далее по тексту – платежных средств) выступает не только средством защиты российского финансового сектора, но и обеспечивает долгосрочную конкурентоспособность отечественной экономики в условиях беспрецедентного санкционного давления ряда государств.

Одной из задач противодействия преступлению, предусмотренному ст. 200¹ УК РФ, является разработка криминалистической характеристики этого противоправного деяния, одним из основных элементов которой является предмет незаконного трансграничного перемещения платежных средств.

Между тем, несмотря на то, что предмет преступного посягательства представляет собой один из ключевых элементов криминалистической характеристики преступления, до настоящего времени трактовка его сущности весьма неоднозначна. Так, одни авторы отождествляют его с уголовно-правовым понятием предмета преступления [1, с. 21 ; 2, с. 32 ; 3, с. 77], другие – рассматривают как системообразующую составную часть криминалистической характеристики, связанную с вовлеченными в противоправное деяние объектами гражданских прав [4, с. 238 ; 5, с. 52], третьи

– как элемент, предопределяющий способ совершения посягательства, его обстановку и отражающий следы реализации механизма преступления [6, с. 230].

Однако, на наш взгляд, недопустимо игнорировать интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий и их широкое применение в различных сферах общественной жизни. С учетом этого, представляется, что предмет преступного посягательства целесообразно трактовать как неотъемлемый элемент криминалистической характеристики преступления, под которым понимаются объекты материального мира и иные не овеществленные блага (ценности)¹.

Вместе с тем, следует отметить тесную связь элементов криминалистической и уголовно-правовой характеристики преступления, о чем неоднократно отмечалось в юридической литературе [7, с. 81–82 ; 8, с. 339 ; 9, с. 15].

Так, до настоящего времени отсутствует однозначное понимание уголовно-правового значения предмета контрабанды. В доктрине уголовного права предмет исследуемой разновидности контрабанды рассматривается как предмет преступления [10, с. 59 ; 11, с. 20]. Между тем, результаты сравнительного анализа положений ст. 104¹ УК РФ и позиций высшей судебной инстанции² свидетельствуют, что предмет контрабанды признается не предметом преступления, а предметом незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее по тексту – ЕАЭС).

¹ Под не овеществленными благами (ценностями) понимается охраняемая законом информация независимо от формы ее выражения. Например, государственная, служебная и коммерческая тайна, персональные данные и т.п.

² О судебной практике по делам о контрабанде : постановление № 12 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. ; О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : постановление № 17 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поддерживая точку зрения, преобладающую в науке уголовного права, подчеркнем, что применительно к контрабанде платежных средств, предусмотренной ст. 200¹ УК РФ, предметом преступления выступают наличные денежные средства и денежные инструменты, перемещаемые через таможенную границу ЕАЭС с нарушением порядка, установленного Таможенным кодексом ЕАЭС.

Однако ввиду бланкетного характера ст. 200¹ УК РФ и отсутствия законодательного определения понятия «наличные денежные средства», предметом упомянутой разновидности контрабанды признаются банкноты, казначейские билеты и монеты из недрагоценных металлов, провозимые через таможенную границу ЕАЭС с нарушением установленного порядка. Указанные средства должны обладать статусом законного платежного средства и признаком наличности (то есть иметь выраженную материальную форму), а также находиться в денежном обращении как в государствах-членах ЕАЭС, так и за их пределами [12, с. 88].

Так, постановлением Химкинского городского суда Московской области к гр. Ф. применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по факту перемещения им из Российской Федерации в КНР без декларирования наличных денежных средств в особо крупном размере (1 116 долларов США, 10 катарских риал, 7 640 100 российских рублей, 17 сингапурских долларов, 36 украинских гривен)¹.

Равным образом предмет рассматриваемой разновидности

контрабанды составляют денежные инструменты, к которым согласно примечанию 5 к ст. 200¹ УК РФ относятся дорожные чеки, вексели, чеки (банковские чеки), а также документарные ценные бумаги, удостоверяющие обязательство эмитента по выплате денежных средств без указания получателя.

Таким образом, законодателем сформулирован открытый перечень денежных инструментов, что позволяет включать в него иные документы, выполняющие функцию денежного эквивалента.

Так, по мнению М. С. Марковского и Н. Н. Пашенко, к денежным инструментам относятся предъявительские облигации, сберегательные сертификаты и депозитные книжки, оформленные без указания владельца, подлежащие нормативному закреплению в уголовном законе [13, с. 161 ; 14, с. 193].

Однако, приведенная позиция не в полной мере соответствует современным реалиям, поскольку в целях противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма в национальном законодательстве ограничено обращение предъявительских ценных бумаг. Так, в частности, нивелирована оборотоспособность сберегательных книжек и сертификатов, выпускающихся с 2018 года исключительно в именной форме². Показательна в этом контексте официальная позиция Министерства финансов России, отмечающего, что «форма выпуска ценных бумаг на предъявителя является архаичной и не соответствует современным стандартам финансовой безопасности»³.

¹ Постановление Химкинского городского суда Московской области от 22.01.2025 по делу № 1-57/2025 // Химкинский городской суд Московской области. URL: https://himki--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=900648297&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.03.2025).

² О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4761.

³ Об эмиссии ценных бумагах на предъявителя : письмо Минфина России от 6 июня 2019 г. № 04-06-08/41428 // Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=127626 (дата обращения: 04.03.2025).

В то же время закрепление открытого перечня денежных инструментов, на наш взгляд, обусловлено необходимостью учета разнообразных оборотных документов, используемых в международной практике в качестве эквивалента денежных средств. Например, в законодательстве Китайской Народной Республики [15, с. 142] и некоторых офшорных юрисдикций [16, с. 14] допустимы к выпуску акции на предъявителя.

Наряду с этим характерной особенностью рассматриваемой разновидности контрабанды является размер перемещаемых платежных средств. Уголовная ответственность за контрабанду вышеуказанных предметов посягательства наступает при превышении пороговых значений крупного и особо крупного размеров, установленных в примечаниях 1 и 2 ст. 200¹ УК РФ. Позиция законодателя основывается на сумме денежных средств, разрешенной к перемещению без таможенного декларирования и составляющей в своем эквиваленте 10 тыс. долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации¹.

Таким образом, крупный размер для платежных средств составляет сумма свыше 20 тыс. долларов США, особо крупный – 50 тыс. долларов США.

Вместе с тем, следует учитывать, что примечанием 3 к ст. 200¹ УК РФ предусмотрена особенность определения крупного (особо крупного) размера платежных средств, которая заключается в том, что из общей суммы перемещаемых средств исключению подлежит сумма,

разрешенная к перемещению без декларирования.

Следовательно, под признаки контрабанды платежных средств подпадает однократное перемещение через таможенную границу ЕАЭС без декларирования суммы свыше 30 тыс. долларов США (для особо крупного размера – свыше 60 тыс. долларов США).

Однако до настоящего времени остается не решенной проблема определения размера суммы незаконно перемещенных платежных средств, в случае, когда часть перемещенных средств была задекларирована.

В соответствии с примечанием 3 к ст. 200¹ УК РФ при определении размера суммы (стоимости) незаконно перемещенных наличных денежных средств и (или) денежных инструментов из всей суммы перемещенных платежных средств подлежит исключению та часть, которая Таможенным кодексом ЕАЭС разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована. Из этого следует, что в случае, когда, например, через таможенную границу ЕАЭС были перемещены 55 тыс. долларов США, из которых 20 тыс. долларов США были задекларированы, законодателем определены два варианта расчета суммы незаконно перемещенных денежных средств. Во-первых, путем вычитания из общей суммы перемещенных денежных средств задекларированной суммы (в приведенном примере 55 тыс. – 20 тыс.). Во-вторых, путем вычитания из общей суммы перемещенных денежных средств, суммы, разрешенной к перемещению без декларирования, которая составляет 10 тыс. долларов США (в приведенном примере 55 тыс. – 10 тыс.). При этом

¹ В соответствии с пп. 7 п. 1 ст. 260 Таможенного кодекса ЕАЭС таможенному декларированию подлежат наличные денежные средства (дорожные чеки), если общая сумма таких наличных денежных средств (дорожных чеков) при их единовременном ввозе на таможенную территорию ЕАЭС или единовременном вывозе с нее превышает сумму, эквивалентную 10 тыс. долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации.

законодателем не уточнено, при каких обстоятельствах следует применять тот или иной вариант расчетов.

С целью разъяснения возможных вариантов подсчета высшая судебная инстанция указала на необходимость вычитать из общей суммы перемещенных денежных средств как разрешённую к перемещению без декларирования, так и задекларированную (в приведенном примере 55 тыс. – 20 тыс. – 10 тыс.)¹.

Проиллюстрируем сложившуюся ситуацию следующим примером из правоприменительной практики. Первым кассационным судом общей юрисдикции отменен приговор Химкинского городского суда Московской области в отношении гражданина В. Уголовное дело прекращено за отсутствием в инкриминируемом В. деянии признаков преступления, предусмотренного ст. 200¹ УКРФ, а именно, перемещенная В. сумма была менее 20 тыс. долларов США. Суд кассационной инстанции в отличие от нижестоящих судов из всей суммы перемещенных денежных средств исключил сумму, как разрешённую к перемещению без декларирования, так и задекларированную В. при пересечении таможенной границы ЕАЭС².

В этой связи полагаем, что подобная трактовка рассматриваемой нормы вступает в противоречие с законодательной конструкцией, создавая коллизию между нормой права и ее толкованием. Более того, разъяснение высшей судебной инстанции,

по сути, допускает необоснованное расширение дискреционных полномочий правоприменителей.

Наряду с этим, Федеральная таможенная служба России в рассматриваемом случае предлагает исчислять сумму незаконно перемещенных денежных средств следующим образом: в случае, если задекларированная сумма ниже лимита, установленного Договором³, то из перемещаемых средств вычитается только та часть, которая разрешена к ввозу (вывозу) через таможенную границу ЕАЭС без оформления; если задекларированная сумма выше лимита, то вычету подлежит лишь задекларированная часть, а разрешенная Договором сумма не учитывается при расчетах⁴. Иными словами, критерием расчета суммы незаконно перемещенных денежных средств является размер задекларированной суммы. Так, в случае, когда, например, через таможенную границу ЕАЭС были перемещены 55 тыс. долларов США, из которых 8 тыс. долларов США были задекларированы (то есть по своему размеру меньше 10 тыс. долларов США), то вычитанию подлежит сумма, разрешенная к перемещению без декларирования (в приведенном примере 55 тыс. – 10 тыс.). В свою очередь, если задекларированная сумма составляет 27 тыс. долларов США (то есть по своему размеру больше 10 тыс. долларов США), то вычитанию

¹ О судебной практике по делам о контрабанде : Постановление № 12 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 по делу 7У-2286/2021 // Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num= (дата обращения: 22.02.2025).

³ О Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза : решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 51 утратило свою силу 01.01.2018 в связи с введением в действие Договора «О таможенном кодексе ЕАЭС». Лимит, установленный указанным Договором, составлял сумму, равную либо не превышающую в эквиваленте 10 тыс. долларов США.

⁴ О направлении информации об изменении статьи 16.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : письмо ФТС России от 18 июля 2013 г. № 01-11/30804. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155800/ (дата обращения: 05.04.2025).

подлежит задекларированная сумма (в приведенном примере 55 тыс. – 27 тыс.).

При этом, следует учитывать, что позиция Федеральной таможенной службы России сформулирована более одиннадцати лет назад и, как следствие, базируется на утративших юридическую силу нормативных правовых актах. Одновременно с этим она носит рекомендательный характер, поскольку изложена в письме, имеющем ненормативный характер.

На наш взгляд, в рассматриваемом случае исключению подлежит только задекларированная часть перемещенных денежных средств. Одновременно с этим лицо, декларируя только часть денежных средств, тем самым утрачивает право на свободное перемещение 10 тыс. долларов США (то есть, суммы, разрешенной к перемещению без декларирования).

Таким образом, приходится признать, что, к сожалению, коллизия позиций законодателя, Верховного Суда Российской Федерации и Федеральной таможенной службы России относительно определения размера суммы незаконно перемещенных платежных средств, когда часть перемещенных средств была задекларирована, до настоящего времени не получила разрешения ни в нормах уголовного закона, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции, ни в официальных актах толкования таможенного органа. В силу этого существенно осложнено уяснение правоприменителями содержания и смысла вышеприведенных позиций и, как следствие, препятствует их единообразному применению. В этой связи полагаем, что приведенная проблема требует законодательного разрешения с учетом позиций всех заинтересованных сторон.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 16–22.
2. Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. Москва, 1993. 592 с.
3. Криминалистика : учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. Санкт-Петербург : Лань, 2001. 928 с.
4. Кардашевская М. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 236–238.
5. Чиненов Е. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 50–57.
6. Бессонов А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 228–233.
7. Образцов В. А. Криминалистика: парные категории. Москва : Юрлитинформ, 2007. 293 с.
8. Потапов С. А. Понятия и соотношения уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3, № 11. С. 336–345.
9. Шевченко А. В. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2024. 26 с.

10. Зайнуллина З. Ф. Уголовно-правовое противодействие контрабанде наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 165 с.

11. Марковский М. С. Уголовно-правовые средства противодействия контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 193 с.

12. Каменданова М. С. О некоторых аспектах характеристики предмета контрабанды наличных денежных средств // Санкт-Петербургская школа криминалистики : материалы VI Всероссийского криминалистического форума, г. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2024 г. Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2024. С. 87–91.

13. Марковский М. С. Проблемы определения предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 158–163.

14. Пащенко Н. Н. Проблемы определения предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Педагог XXI века : сборник материалов Второй Всероссийской Ассамблеи с международным участием, Севастополь, 11–13 октября 2017 года. Том № 3. Севастополь, 2017. С. 190–194.

15. Сахарова Ю. В. Виды акций и их правовой режим в зарубежном законодательстве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 1. С. 133–143.

16. Тимченко К. Акции на предъявителя как объект собственности, владения и управления бизнесом: преимущества и недостатки // Налоги и налоговое планирование. 2011. № 4. С. 14–17.

УДК 343.98
EDN [UOPOLI](#)

Клокова Светлана Васильевна,
старший помощник прокурора Советского
района г. Томска Томской области,
ул. Белинского, 14, г. Томск, Россия, 634029,
e-mail: Svetlana-19952011@mail.ru

СИТУАЦИОННОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЕЕ ЭТАПОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих подходов к пониманию этапности криминалистической деятельности как одного из принципов формирования и использования частных криминалистических методик, а также структурированию этапов такой деятельности. В статье анализируются вопросы, касающиеся следственных ситуаций, складывающихся при расследовании убийств, отмечается неразрывность криминалистических положений этапности с положениями криминалистической ситуалогии. Подтверждается необходимость выделения следственных ситуаций этапа проверки сообщения о преступлении, первоначального этапа и последующего этапа расследования преступления.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистическая методика, криминалистическая деятельность, этапность криминалистической деятельности, ситуационность криминалистической деятельности.

Для цитирования: Клокова С. В. Ситуационность криминалистической деятельности в контексте структурирования ее этапов // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 111–117.

Klokova Svetlana Vasilyevna,
Chief Assistant Prosecutor of the Sovetsky district
of Tomsk, Tomsk region,
Belinsky str., 14, Tomsk, Russia, 634029,
e-mail: Svetlana-19952011@mail.ru

SITUATIONALITY OF FORENSIC ACTIVITY IN THE CONTEXT OF STRUCTURING ITS STAGES

Annotation. The article presents an analysis of the current approaches to understanding phasing of forensic activity as one of the principles of formation and use of private forensic techniques, as well as structuring the stages of such activities. The article analyzes issues related to investigative situations that arise during the investigation of murders, and notes the inseparability of the forensic provisions of phasing with the provisions of forensic situationology. The article proves the need to identify investigative situation of the stage verification of a crime report, the initial stage and subsequent stage of the crime investigation.

Key words: crime investigation, forensic methodology, forensic activity, phasing of forensic activities, situationality of forensic activity.

For citation: Klokova S. V. Situationality of Forensic Activity in the Context of Structuring its Stages // The Art of Law. 2025. № 4. С. 111–117.

Преступность продолжает оставаться одной из острых проблем человечества, которую общество пытается решить с помощью разнообразных мер, в том числе с использованием тактико-криминалистических средств.

Разработка на основании теории и практики положений расследования преступлений является важнейшим направлением криминалистики, нуждающимся в постоянном совершенствовании в целях опережения проявлений преступности.

В настоящее время практика всё чаще свидетельствует о наличии у уполномоченных органов трудностей, возникающих при расследовании преступлений, которые вызваны либо отсутствием методик расследования преступных посягательств, либо их несовершенством [1, с. 3]. Однако задачами правоохранительных органов продолжают оставаться обеспечение правопорядка, предотвращение незаконных действий (бездействия) и др.

«Методика расследования преступления, как правило, наряду с такими элементами как криминалистическая характеристика; типовые следственные версии, выдвигаемые в процессе производства по делу; следственные и иные процессуальные действия; взаимодействие следствия с органом дознания; судебные экспертизы, назначаемые в рамках предварительного расследования, включает в себя и типичные следственные ситуации, которые возникают при расследовании преступления» [1, с. 7–8].

Для теории следственной ситуации характерно многообразие взглядов на понимание сущности, системы, структуры (взаимосвязи элементов системы), видов, содержания, роли, что предопределено сложностью этой категории, получающей свое проявление, в том числе в многочисленных связях с другими теоретико-криминалистическими построениями.

Стоит отметить, что положения криминалистической ситуалогии существенно заметны в рамках рассуждений о деятельности следователя в определенной части на том или ином этапе. Важность изучения отдельных этапов криминалистической деятельности обусловлена ее системностью.

Расследование преступлений – осуществляемый несколькими субъектами сложнейший многоэлементный процесс, включающий несколько этапов: от сбора информации до проведения следственных действий; от разработки плана до осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Своевременное производство следственных и процессуальных действий, осуществление версионной деятельности, взаимодействие с разными субъектами во многом зависит от того или иного этапа расследования [2, с. 34]. Структурирование криминалистической деятельности способствует качественному решению задач, возникающих в ходе расследования преступления, и отысканию оптимальных решений [2, с. 34–35].

Криминалистические положения этапности и ситуалогии имеют тесную связь, предопределяющую деятельность следователя, который при достижении истины по уголовному делу законодателем наделен процессуальной самостоятельностью, существенными правами, а также обязанностями.

Деятельность следователя состоит из нескольких этапов: первоначального, последующего и завершающего; в их рамках происходит переход от одного этапа расследования к другому [3, с. 128–129]. Независимо от того о каком этапе идет речь, следует говорить о присущих каждому из них целях, задачах, следственных и иных процессуальных действиях» [1, с. 26].

Необходимо отметить, что в настоящее время существует дискуссия о границах начала и окончания

первоначального этапа расследования [2, с. 36].

А. П. Алексеев без уточнения определяет начало первоначального этапа расследования «..в границах между осмотром места происшествия (или моментом возбуждения уголовного дела) и предъявлением обвинения» [4, с. 15], так как с момента проведения осмотра места происшествия до момента возбуждения уголовного дела выполняются иные процессуальные, в том числе следственные действия.

Определение границ первоначального этапа расследования, подчеркивающее значимость организации работы именно на этом этапе, не способствует ясности в понимании его содержания [2, с. 36]. По мнению А. А. Бокова данный «...этап завершается либо установлением подозреваемого и предъявлением ему обвинения, либо приостановлением производства по делу, а в отдельных случаях – его прекращением» [5, с. 25]. Так, приостановление производства по уголовному делу здесь является «приостановлением» первоначального этапа. Что же касается случаев прекращения уголовного дела следователем, то криминалистическая методика как раздел науки ориентируется на разработку методики, позволяющей завершить уголовное дело с передачей его в суд.

Большое внимание рассматриваемому вопросу уделяется А. Г. Филипповым. Согласно его подходу разделение между начальным и последующим этапами расследования не является четким и определяется спецификой того или иного дела. По мнению ученого первоначальный этап завершается возможностью подготовить план расследования [6, с. 19]. При этом отмеченное автором обстоятельство планирования присутствует в любом из этапов расследования, что не является качественным показателем.

Представляется обоснованной позиция А. С. Князькова, Д. С. Ондар, которые утверждают, что «...этап проверки сообщения о преступлении заканчивается возбуждением уголовного дела, а первоначальный этап расследования преступления – предъявлением обвинения» [2, с. 43]. Значение первоначального этапа расследования заключается в возможности определения направлений для дальнейшего расследования преступления. Это достигается за счет постановки стратегических и тактических задач, что позволяет эффективно использовать криминалистические средства и методы, характерные для данного этапа криминалистической деятельности [2, с. 43].

Учитывая «...отсутствие единого подхода к определению момента завершения первоначального этапа расследования, следует подчеркнуть, что время его окончания напрямую зависит от эффективности мероприятий, направленных на выявление, поиск и задержание подозреваемого, а также от объема собранной доказательственной информации, которая может быть использована при доказывании его виновности» [1, с. 37].

Анализ имеющихся многочисленных, по-своему аргументированных точек зрения на содержание первоначального этапа расследования делает возможным рассматривать их как следствие существующего многообразия исследований о необходимости выделения проверочного этапа деятельности следователя; так и об ее отсутствии.

Профессор В. К. Гавло этап рассмотрения сообщения о преступлении рассматривал как автономную стадию уголовного процесса, различая данную стадию и стадию возбуждения уголовного дела [7, с. 236]. Анализируя подход В. К. Гавло, следует в некоторой степени критически отнестись к смешиванию уголовно-процессуальных и

криминалистических понятий, задействованных в одном и том же контексте («стадия» и «этап»). Ничего не меняет в этом спорном подходе указание на то, что первоначальный этап есть часть стадии предварительного расследования, с чем, разумеется, нельзя согласиться. Здесь такое понятие как «этапность» наделяется уголовно-процессуальным смыслом, что затрагивает вопрос предмета криминалистики.

Дискуссионным является предложение Н. А. Подольного выделять этапы лишь на основании того, в какой мере на том или ином из них будет достигнута цель создания информационной базы расследования [8, с. 8]. Если этап проверки сообщения о преступлении, по его мнению, создает исходную информационную базу, то последующий этап, предположительно, создает полную информационную базу, а тогда к цели первоначального этапа применимо, очевидно, понятие формирования промежуточной информационной базы, что, разумеется, не дает полного понимания его границ и содержания.

«...Безошибочное определение этапности расследования способствует более полному описанию содержательных аспектов частной криминалистической методики как системного образования» [1, с. 26]. Правильным будет говорить, что криминалистическим инструментом точного определения границ (содержания) того или иного этапа являются конкретные признаки следственной ситуации, причем признаки, образующие качественно определенную систему.

Различение криминалистической деятельности как научно-практического феномена позволяет более точно рассуждать о содержании ситуалогических положений, в том числе, применительно к каждому периоду деятельности следователя.

Не менее важным в практическом плане и дискуссионным в научных кругах

является вопрос о такой категории как следственная ситуация.

Р. С. Белкин утверждал, что следственная ситуация – совокупность условий, при которых в тот или иной момент ведется расследование; обстановка, в которой происходит процесс доказывания [9, с. 135]. В. К. Гавло предлагает следственную ситуацию определять «...как совокупность фактических данных, которые отражают существенные черты события, каким оно представляется на том или ином этапе расследования преступлений» [10, с. 90]. Следственную ситуацию как значимую для расследования информацию, имеющуюся у следователя в конкретный период времени, рассматривал Н. А. Селиванов [11, с. 58]. Заслуживает внимание мнение И. Ф. Герасимова, который под следственной ситуацией понимал существующий в данный период времени комплекс материальных, информационных и иных факторов, а также их анализ, которые определяют ход расследования, способствуют принятию решений и выбору наиболее эффективных действий [12, с. 173].

Эффективное расследование преступлений зависит от точного установления всех фактических обстоятельств, что определяет значимость типичных следственных ситуаций, складывающихся на том или ином этапе криминалистической деятельности, в том числе на этапе проверки сообщения.

Вопросы, касающиеся преступлений против жизни и здоровья, продолжают оставаться актуальными в силу своей специфики. Права и свободы человека – высшая ценность, находящаяся под правовой защитой.

Наиболее важными являются права на жизнь и здоровье. Независимо от вида преступлений против жизни, убийство, совершенное общеопасным способом, имеет особую социальную значимость по причине острого реагирования граждан на такого рода посягательства, характеризующееся значительным числом

погибших и раненых, причем отдельные из них не связаны с посягавшим.

Эти обстоятельства находят свое отражение не только в криминалистической характеристике названного вида убийств, но и в следственных ситуациях, версионной деятельности, направленности криминалистической деятельности и других положениях, составляющих содержание соответствующей частной методики расследования убийства.

О важности рассматриваемого вопроса также свидетельствует отсутствие частной криминалистической методики расследования убийств, совершенных общеопасным способом. В этой связи подробнее рассмотрим вопрос о следственных ситуациях применительно к названным убийствам.

«Несмотря на незначительную долю преступлений данной категории в общем числе убийств, они составляют категорию наиболее опасных преступлений против жизни и здоровья. Данные преступления привлекают особое внимание правоохранительных органов так как вызывают общественный резонанс, который свидетельствует о высокой общественной опасности этих деяний» [1, с. 3].

«Такие преступления не только подрывают основы конституционного строя, но и влекут иные негативные последствия. Поэтому для восстановления справедливости, исправления и воспитания виновных лиц, предупреждения совершения новых преступлений, а также защиты личности необходимо осуществлять незамедлительное, полное расследование» [1, с. 4].

Одним из элементов, которым характеризуется следственная ситуация, являются сведения о лице, совершившем преступление. Например, к типичным следственным ситуациям этапа проверки сообщения об убийстве, совершенном общеопасным способом, относятся следующие. Первая следственная ситуация

не содержит информации о лице, совершившем преступление, но располагает сведениями об убийстве, совершенном общеопасным способом. Вторая ситуация характеризуется задержанием преступника и наличием информации, указывающей на то, что совершено убийство общеопасным способом.

И в той, и в другой ситуации информация, касающаяся события преступления и личности преступника, носит вероятностный характер.

Первоначальный этап расследования, будучи тесно связанным с этапом проверки сообщения о преступлении, начинается с момента возбуждения уголовного дела, на что указывает слово «расследования», и также характеризуется информационной неопределенностью, получающей свое отражение в существовании значительного числа следственных версий, требующих своей проверки. Достаточно часто в начале рассматриваемого этапа отсутствуют данные о лице, совершившем убийство общеопасным способом, в силу промедления с поиском следов соответствующего преступления.

Поскольку первоначальный этап расследования завершается вынесением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, его значение состоит в том, что он позволяет определить основные задачи, средства и методы расследования, характерные именно для этого этапа.

Для первоначального этапа расследования убийства, совершенного общеопасным способом, можно выделить несколько характерных следственных ситуаций.

Например, лицо, совершившее убийство общеопасным способом, задержано, данные о преступном событии позволяют квалифицировать его деяния как убийство, совершенное общеопасным способом.

Другая ситуация характеризуется наличием сведений о лице, совершившем преступление, которые стали известны следственным органам, как правило, при явке с повинной, но отсутствует информация о преступном событии.

Также необходимо выделить обратную ситуацию, когда в распоряжении следователя имеется информация о совершенном убийстве именно общепонятным способом, но при этом лицо, совершившее преступление правоохранительным органом неизвестно.

Для последующего этапа характерно разрешение проблемных ситуаций, касающихся познания всех элементов криминалистической характеристики названного вида убийства.

В практическом плане сложившаяся в конкретное время досудебного производства «...та или иная следственная ситуация является основой для выдвижения следственных версий, планирования расследования, производства следственных и иных процессуальных действий, взаимодействия правоохранительных органов и т. д., а её проявление определяет возможные варианты действий следователя», в том числе представленных в виде их алгоритмов криминалистической деятельности [1, с. 30].

«Как и на других этапах криминалистической деятельности, здесь учитывается характер общих и частных следственных ситуаций. В числе последних наиболее значимой является ситуация, указывающая на занимаемую обвиняемым позицию по отношению к следствию» [13, с. 155].

Первая из числа общих следственных ситуаций характеризуется достаточным объемом доказательств, признанием обвиняемым факта совершения убийства. Её предпосылками, например, является наличие свидетелей, факта фиксации происшествя. Признать вину обвиняемый может в любой момент осуществления криминалистической деятельности [13, с. 155].

Вторая ситуация характеризуется тем, что обвиняемый продолжает отрицать свою вину, несмотря на наличие достаточного количества доказательств. В рамках этой следственной ситуации обвиняемый может признать вину или же отрицать свою причастность к расследуемому убийству [13, с. 156].

«Необходимо заметить, что динамика разрешения следственных ситуаций на последующем этапе расследования преступлений в определенной смысле зависит от объема доказательств, позволивших вынести постановление о признании лица обвиняемым. Динамизм следственной ситуации на этом этапе может носить регрессивный характер. Это происходит тогда, когда часть ранее собранных доказательств признается недействительной, а новые доказательства, указывающие на вину обвиняемого, собрать не удается. В этом случае следователь, зачастую, принимает решение о прекращении уголовного преследования в отношении указанного лица» [13, с. 156].

С учетом изложенного, можно утверждать о том, что вопросы этапности и криминалистической ситуалогии неразрывно связаны между собой. Их взаимосвязь также свидетельствует о том, что «...на каждом из этапов криминалистической деятельности существует исходная следственная ситуация, ситуация (ситуации) ее развития и завершающая следственная ситуация, свидетельствующая об окончании определенного этапа криминалистической деятельности» [2, с. 44].

Анализ полученных новых доказательств по расследуемому уголовному делу или работа с уже подтвержденными доказательствами, находящимися в распоряжении следователя, в рамках одного этапа позволяет в зависимости от сложившейся ситуации перейти на следующий этап [2, с. 44].

Следует отметить, что специфика таких преступлений как убийства, совершенные общеопасным способом, требует от практиков постоянного совершенствования. Вопросы ситуационного подхода к организации расследования указанных убийств остаются актуальными и нуждаются в дополнительных исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ведренцева С. В. Теория и практика расследования убийств, совершенных общеопасным способом. Томск, 2019. 88 с.
2. Князьков А. С. Проблемы этапности криминалистической деятельности в контексте ситуационного подхода // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 34–52.
3. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. Москва, 2005. 781 с.
4. Алексеев А. П. Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав в аудиовизуальной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. 21 с.
5. Боков А. А. Первоначальный этап раскрытия и расследования контрабанды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 26 с.
6. Филиппов А. Г. Этапы расследования преступлений как категория криминалистической методики // Проблемы первоначального этапа расследования : сб. науч. тр. Ташкент : ТВШ МВД СССР, 1986. С. 14–23.
7. Гавло В. К. Обнаружение преступлений и лиц, их совершивших (уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы) //

Актуальные проблемы правоведеия в современный период : сб. ст. Томск, 1991. С. 235–236.

8. Подольный Н. А. Предпосылки расследования преступлений // Российский следователь. 2014. № 8. С. 7–11.

9. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. Москва : Юристъ, 1997. 464 с.

10. Гавло В. К. О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. Москва, 1973. 256 с.

11. Селиванов Н. А. Криминалистическая характеристика преступления и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56–59.

12. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. 256 с.

13. Клокова С. В. Следственные ситуации последующего этапа расследования убийств, совершенных общеопасным способом, как направления криминалистической деятельности // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сб. ст. по материалам LXXVII международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 152–156.

УДК 343.42
EDN [VBIPIQ](#)

Кожевников Игорь Игоревич,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России
и имени И.Ф. Шилова,
пер. Казарменный, 15, г. Хабаровск, Россия, 680020
e-mail: ikozhevnikovvvvvv@yandex.ru
ORCID 0009-0009-7810-2617

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «ДИСКЛЕЙМЕРА» КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования дисклеймеров как инструмента ограничения ответственности автора при публикации контента в информационно-коммуникационной среде. Особое внимание уделено проблеме соотношения свободы выражения мнений и защиты религиозных чувств верующих, а также вопросам применения дисклеймеров в административном и уголовном праве. На основании анализа отечественного и зарубежного законодательства предложены пути совершенствования нормативного регулирования, включая внесение примечаний в статьи 5.26 КоАП РФ и 148 УК РФ, которые позволят учитывать наличие добровольного отказа от оскорбительного воздействия через публичное размещение дисклеймера. Обоснована необходимость формирования чётких критериев допустимости дисклеймеров, обеспечивающих баланс между интересами пользователей интернет-платформ и правами граждан на защиту чести, достоинства и свободы совести.

Ключевые слова: дисклеймер, свобода выражения, религиозные чувства, информационная безопасность, цифровая среда, правовой отказ, модерация, контент, уголовная ответственность, свобода совести, свобода вероисповедания, уголовное право, религия.

Для цитирования: Кожевников И. И. К вопросу о возможности применения «дисклеймера» как основания для освобождения от уголовной ответственности при нарушении права на свободу совести и вероисповедания // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 118–125.

Kozhevnikov Igor Igorevich,

Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology
Far Eastern Legal Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
named after I.F. Shilov
15 Kazarmenny Pereulok, Khabarovsk, Russia, 680020
e-mail: ikozhevnikovvvvvv@yandex.ru
ORCID 0009-0009-7810-2617

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF APPLYING A DISCLAIMER AS A BASIS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN VIOLATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION

Annotation. The article is devoted to the analysis of legal regulation of disclaimers as a tool for limiting the author's liability when publishing content in the information and communication environment. Special attention is paid to the problem of balancing freedom of expression with the protection of religious feelings of believers, as well as issues of applying disclaimers in administrative and criminal law. Based on the analysis of Russian and foreign legislation, proposals are made for improving regulatory frameworks, including the introduction of notes to Articles 5.26 of the Code of Administrative Offenses (RF) and Article 148 of the Criminal Code (RF), which would allow considering the presence of a voluntary refusal from offensive impact through public placement of a disclaimer. The necessity of forming clear criteria for the admissibility of disclaimers that ensure a balance between the interests of internet platform users and citizens' rights to protection of dignity, honour, and freedom of conscience is substantiated.

Key words: disclaimer, freedom of expression, religious feelings, information security, digital environment, legal renunciation, moderation, content, criminal liability, freedom of conscience, freedom of religion, criminal law, religion.

For citation: Kozhevnikov I. I. On the Issue of the Possibility of Applying a Disclaimer as a Basis for Exemption from Criminal Liability in Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religion // The Art of Law. 2025. № 4. С. 118–125.

Особенностью современных общественных отношений, возникающих в процессе пользования информационно-коммуникационной сетью Интернет, является неисчислимо количество публикуемого и распространяемого контента. Для исключения возможности нарушения законодательства интернет-платформой, посредством которой распространяется контент, разработаны и применяются системы фильтрации на основе компьютерной модерации, проверки живым человеком (модератором), а также ИИ-анализ публикации. Тем не менее, пользователи, имеющие умысел на распространение запрещенной информации, применяют различные методы для обхода фильтрующих систем – используют скрытые символы, накладывают одно изображение на другое, используют реверсивные звуковые дорожки на видеоматериалах.

В случае обнаружения методов обхода либо выявления запрещенного контента материалы автоматически удаляются, а аккаунт пользователя блокируется за нарушение правил

пользования интернет-платформой. Однако, данный метод не является до конца действенным, поскольку не исключает возможности пользователем создать новый аккаунт и продолжить публикацию вредоносного контента на неограниченный круг пользователей.

Согласимся и с тем, что блокировка сайтов, интернет-страниц дает лишь кратковременный эффект, поскольку после их закрытия создаются аналогичные аккаунты с большей степенью защиты [1, с. 21].

В контексте нарушения права на свободу совести и вероисповедания ситуация является более неоднозначной, поскольку по отечественному законодательству критерии, свидетельствующие о том, что лицо совершает преступление, предусмотренное ст. 148 УК РФ, являются оценочными и носят субъективный характер (оскорбление, религиозные чувства, верующие), в связи с чем имеется вероятность привлечения к ответственности лиц, не намеренных в

действительности совершать преступление.

Данные факты обуславливают необходимость разработки новых методов по обеспечению безопасности цифровой среды, которые в полной мере могли бы создать условия по защите пользователей интернет-платформ от информации, которая нарушает законодательство, а также защитить граждан от необоснованного привлечения их к правовой ответственности, как административной, так и уголовной.

Опираясь на зарубежный опыт регулирования деятельности интернет-платформ, целесообразно рассмотреть такой правовой инструмент как дисклеймер. Дисклеймер представляет собой правовой инструмент, выраженный в форме уведомления или заявления, с помощью которого сторона, его размещающая, стремится ограничить или исключить свою ответственность перед третьими лицами за определённые действия, последствия использования информации, продуктов или услуг, а также за неточности, ошибки или упущения, допущенные при предоставлении той или иной информации.

В русском языке данному термину соответствует следующее определение: отказ от права на что-либо; отказ от формулы или от пункта формулы изобретения; дискламация элемента товарного знака; отрицание, непризнание (иска, права); защитительная оговорка в договоре [2, с. 270].

Такой способ правового регулирования отношений направлен на снижение правовых рисков и предупреждение возможных претензий со стороны пользователей, клиентов или иных субъектов права, которые могут возникнуть вследствие использования материалов, размещенных на Интернет-ресурсе, в печатной продукции, рекламных материалах или иных носителях. Дисклеймер может содержать положения, касающиеся отказа от гарантий,

ограничения ответственности, порядка использования интеллектуальной собственности, а также указания на то, что информация носит исключительно ознакомительный характер и не должна восприниматься как профессиональный совет юридического, медицинского или иного специализированного характера.

При этом действенность и юридическая сила дисклеймера зависят от соответствия его положений национальному законодательству, в частности нормам о защите прав потребителей, рекламе, авторском праве и гражданской ответственности, поскольку полностью исключить ответственность за причинение вреда жизни, здоровью или умышленное неправомерное деяние, как правило, невозможно.

Правовое регулирование дисклеймеров в различных юрисдикциях строится на балансе между принципами свободы договора, защиты прав потребителей и обеспечения прозрачности информационных, коммерческих или сервисных взаимодействий. Несмотря на отсутствие универсального правового акта, регулирующего дисклеймеры, их допустимость, форма и юридическая сила зависят от норм гражданского, потребительского, рекламного и авторского права, а также судебной практики.

В США дисклеймеры традиционно признаются действительными, если они сформулированы ясно и недвусмысленно, а также не нарушают общественный порядок или законодательные запреты [3, с. 98]. Например, положения об ограничении ответственности за косвенные убытки или отказ от гарантий допустимы при условии, что они не противоречат положениям Uniform Commercial Code (UCC), регулирующего коммерческие сделки. Однако суды могут отказать в применении дисклеймера, если его условия признаны несправедливыми (unconscionable) или если речь идет о случаях умысла, мошенничества или угрозы здоровью. Для

цифровых платформ важную роль играют положения Закона о защите онлайн-взаимодействия, который частично освобождает провайдеров от ответственности за контент пользователей, однако это не распространяется на все виды претензий, включая интеллектуальную собственность или уголовно-наказуемые деяния.

В странах Европейского союза подход к дисклеймерам более строгий из-за приоритета прав потребителей. Директива 2005/29/ЕС о недобросовестной коммерческой практике требует, чтобы любые ограничения ответственности не вводили потребителей в заблуждение и не нарушали принципа добросовестности. Положения о «двойной силе слова» (dual language clauses) могут аннулировать дисклеймер, если он скрыт в мелком шрифте или не доведен до сведения пользователя явным образом. В Великобритании Закон о правах потребителей 2015 года ограничивает возможность исключения ответственности за ненадлежащее исполнение услуг или товаров, особенно если это связано с существенными недостатками. Кроме того, Регламент GDPR (General Data Protection Regulation) требует, чтобы дисклеймеры, касающиеся обработки персональных данных, были четко сформулированы и содержали информацию о правах субъектов данных.

В Канаде дисклеймеры регулируются как федеральным, так и провинциальным законодательством. Закон о защите прав потребителей ряда провинций предусматривает, что положения об ограничении ответственности недействительны, если они касаются скрытых дефектов товара или умышленного искажения информации.

В Австралии дисклеймеры подлежат проверке на соответствие Закону о конкуренции и правах потребителей, который запрещает вводящие в заблуждение или обманные формулировки.

Положения об ограничении ответственности не могут исключать обязательные гарантии, например право на товар, соответствующий заявленному качеству. При этом дисклеймеры, размещенные в онлайн-среде, должны быть интегрированы в пользовательское соглашение таким образом, чтобы пользователь мог ознакомиться с ними до заключения сделки, в том числе и при просмотре медиаконтента при регистрации на сайтах.

Общим правовым принципом для большинства стран является недопустимость полного исключения ответственности за умысел, грубую небрежность, причинение вреда жизни или здоровью, а также за нарушение обязательных норм закона. Кроме того, дисклеймеры должны соответствовать требованиям прозрачности: формулировки не должны быть расплывчатыми или технически сложными, а их размещение – обеспечивать явное ознакомление с ними (например, через гиперссылки, галочки подтверждения или модальные окна). В ряде случаев, таких как финансовые услуги или медицинские рекомендации, дисклеймеры подвергаются особому контролю, поскольку связаны с повышенной степенью доверия со стороны получателя информации.

Наиболее часто дисклеймер применяется в кинематографе, видеоблоггинге и литературе, и является способом ограничения ответственности автора либо коллектива авторов от возможных последствий после размещения их продукта в общем доступе. Например, видеохостинг YouTube выдвигает одним из обязательных условий предоставления в начале видео дисклеймера в том случае, если при модерации было выявлено, что материал может нарушать правила сообщества или оскорбить кого-либо¹.

А. В. Куковская отмечает, что дисклеймер применяется в литературе для произведений, которые находятся «в

¹Правила сообщества YouTube. URL: <https://www.youtube.com/intl/ru/community-guidelines> (дата обращения: 05.04.2025).

«серой» юридической зоне – где-то между такими полюсами, как «нарушение авторских прав» и «можно использовать всё, если при этом не происходит извлечения прибыли или иных благ», поэтому среди авторов такого контента существует общепринятая практика включения в шапку своих произведений «дисклеймера» – заявления об отказе от прав и от ответственности [4, с. 112].

При этом применение дисклеймеров как института отказа от ответственности в отечественном гражданском и уголовном законодательстве не является урегулированным, но тем не менее, находит свое использование на федеральном уровне. Так, на портале «Госуслуги» есть раздел в информации для пользователей «Дисклеймеры», который определяет, что под ними следует понимать «уведомления для пользователя, размещаемые в отдельных блоках на страницах ЕПГУ. Дисклеймеры нужны для информирования пользователя об изменениях в условиях оказания услуги, о недоступности сервисов ведомства, о проведении технических работ на портале и на стороне ведомства»¹ [2]. Размещение такой информации необходимо в том случае, если срок получения услуги истекает, но в связи с проведением технических работ предоставить ее невозможно, и срок предоставления продлевается, тем самым снимая ответственность за несвоевременное оказание услуги с сервиса.

Под дискламацией в гражданском праве понимается утверждение об отказе от ответственности, возникающей вследствие совершения или несовершения определенных действий. При рассмотрении дела в зависимости от того, разрешает ли закон освобождение от ответственности в данной ситуации, и оговорено ли совершение или несовершение конкретного действия в формулировке

самой дискламации, судами дискламация может игнорироваться [5, с. 193].

Свое применение дисклеймер получает и в научной среде, а именно при написании статей и публикаций в журналах. Например, в конце статей зачастую указывают: «Авторы гарантируют, что предлагаемая к публикации работа является оригинальной и не была ранее опубликована нигде ни на каком языке» – что является, по своей сущности, правовым отказом редакционной коллегии журнала от повторной публикации уже имеющейся статьи и переносит ответственность за нарушение публикационной этики на самого автора [6].

В сети «Интернет» при публикации контента, связанного с экстремальными видами спорта либо с единоборствами, а также при проведении химических опытов или тестов, связанных с потенциальным риском для жизни и здоровья лиц, которые не обладают специальными познаниями в области демонстрируемой сферы одним из обязательных критериев для размещения является использование дисклеймера «Все трюки/опыты/действия выполнены подготовленными людьми и / или со специальным инвентарем, не пытайтесь повторить самостоятельно! Во время съемок контента никто не пострадал». Размещение подобного текста направлено на снятие ответственности с авторов в том случае, если кто-нибудь из просматривающих контент захочет самостоятельно повторить изображенное в видео действие и причинит себе вред.

Безусловно, возможность применения дисклеймера в административном и уголовном праве является достаточно спорной, но, к сожалению, еще не обсуждалась в широком кругу ученых и не стала дискуссионной.

Дисклеймер, как правовой институт, не обладает способностью исключать или ограничивать ответственность,

¹ Размещение информационных или блокирующих дисклеймеров. URL: https://info.gosuslugi.ru/articles/Размещение_информационных_или_блокирующих_дисклеймеров (дата обращения: 05.04.2025).

предусмотренную отечественным уголовным законодательством, поскольку уголовно-правовая квалификация деяния основывается на анализе его объективной и субъективной сторон. Так, если лицо, размещая контент с формулировкой о ненамеренности оскорбления, тем не менее совершает действия, объективно содержащие признаки состава преступления (например, публичное унижение чести и достоинства лица, предусмотренное ст. 5.61 КоАП РФ или оскорбление чувств верующих по ст. 148 УК РФ), наличие дисклеймера не препятствует квалификации такого деяния как умышленного либо усматривающего сознательную допустимость наступления общественно опасных последствий, что сопоставимо с гипотетической ситуацией, когда объявление о ненамеренности лишения жизни не исключает квалификации выстрела в голову как убийства, поскольку объективная сторона (действие, причинная связь, вредный результат) и субъективная вина (умысел или неосторожность) определяются независимо от декларативных заявлений лица.

Оценка оскорбительности выражения, равно как и его соответствие признакам состава преступления, осуществляется судом с учётом общественного восприятия, контекста высказывания и степени его провокационности, что не исключает элемент субъективизма в судебной практике. Экспертное заключение, направленное на установление оскорбительности контента, также не может быть признано абсолютно объективным, поскольку основано на интерпретации культурных, социальных и религиозных норм, которые подвержены изменению и вариативности. Более того, сама по себе формулировка дисклеймера, содержащая утверждение о «ненамеренности оскорбления», может быть расценена как обстоятельство, свидетельствующее о наличии умысла либо

сознательной допустимости наступления вредных последствий, поскольку подразумевает предварительное осмысление потенциальной реакции аудитории и попытку минимизировать юридические риски.

Свобода мысли и слова, закреплённая в ст. 29 Конституции РФ, предполагает, что индивид обладает правом на добровольный выбор источников информации, формирование собственных убеждений и критическое восприятие публично распространяемых сведений. Поскольку цель правонарушения представляет собой проецируемую модель желаемого результата, достижение которого возможно посредством совершения противоправного деяния [7, с. 28], в контексте цифровой среды, где доступ к контенту ограничен лишь техническими и юридическими барьерами, возникает необходимость обеспечения прозрачности коммуникации между автором и потребителем и исключение противоправных целей публикации контента. В этой связи формулирование декларативного предупреждения в начале публикации – «Контент в группе не направлен на оскорбление человеческого достоинства, общественной нравственности, религиозных чувств верующих, осквернение литературы/предметов религиозного характера, знаков/эмблем мировоззренческой символики/атрибутики» – может рассматриваться как мера, направленная на реализацию принципа информированного согласия потребителя на восприятие информации. Такое предупреждение, с одной стороны, исполняет функцию предварительного информирования о возможной конфликтности контента, а с другой – создаёт предпосылки для ограничения субъективной ответственности автора за последующее восприятие материала аудиториями.

С юридической точки зрения, прямая связь между наличием подобного

предупреждения (дисклеймера) и освобождением от ответственности требует законодательного закрепления. Представляется целесообразным внести в ст. 148 УК РФ примечание: «Если лицо, совершившее деяние, формально содержащее в себе признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ в сети «Интернет» не имел умысла на совершение преступления и цели оскорбить верующих, о чем заблаговременно сообщил неопределённому кругу лиц пользователей предупреждением (дисклеймером), то есть совершил правовой отказ от возможных последствий, то он освобождается от уголовной ответственности».

Логично включить аналогичное примечание и в ст. 5.26 КоАП РФ, в следующей редакции: «Если лицо, совершившее деяние, формально содержащее в себе признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ в сети «Интернет» не имел умысла на совершение преступления и цели оскорбить верующих, о чем заблаговременно сообщил неопределённому кругу лиц пользователей предупреждением (дисклеймером), то есть совершил правовой отказ от возможных последствий, то он освобождается от административной ответственности».

При этом предупреждение (дисклеймер), размещённое в момент распространения информации, должен расцениваться не как формальный элемент, а как объективное выражение волеизъявления автора, направленного на недопущение противоправных последствий.

Однако для обеспечения баланса между свободой выражения мнений и правом на защиту чести, достоинства и религиозных убеждений, законодательное нововведение должно содержать чёткие критерии допустимости предупреждения (дисклеймера).

В частности, предупреждение должно быть: интегрировано в само тело публикации с использованием визуально выделенного формата; сформулировано недвусмысленно, без отсылок к общим фразам; размещено до начала основного контента, чтобы потребитель мог принять осознанное решение о его дальнейшем изучении.

Такое правовое регулирование позволило бы минимизировать риски злоупотребления дисциплинарными нормами в сфере информационного регулирования, одновременно усиливая ответственность пользователей за самостоятельный выбор потребляемой информации. При этом судам следовало бы учитывать не только объективную сторону деяния, но и степень соответствия контента целям, декларированным в предупреждении (дисклеймере), а также реальное влияние предупреждения на восприятие материала аудиторией.

Таким образом, включение в состав упомянутых нормативных актов примечаний, учитывающих наличие правового отказа от оскорбительного воздействия через предупреждение (дисклеймер), способствовало бы совершенствованию охраны свободы совести и вероисповедания в цифровом пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Е. Ю. Новые формы преступной деятельности в условиях цифровизации // Ученые записки юридического факультета. 2022. № 1. С. 18–23.
2. Пивовар А. Г., Осипов В. И. Англо-русский юридический словарь: право и экономика. Москва, 2002. 864 с.
3. Назметдинов Р. Р. Защита от дискриминации в Соединенных штатах Америки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 97–109.

4. Куковская А. В. Дисклеймеры в современном англоязычном интернет-дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 108–122.

5. Федулова М. Н. Юридическая терминология как составная часть терминологической науки // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, №. 4. С. 192–194.

6. Мекеко Н. М. Дисклеймеры в тексте научной статьи // Работа и Карьера. 2023. № 2. <https://doi.org/10.56414/jeac.2023.34>.

7. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Законодательная конструкция вины как правовой категории в отечественном праве и особенности ее трансформации в условиях модернизации правового регулирования // Вестник ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова. 2024. № 2 (67). С. 25–36.

УДК 343.34
EDN [VKDULM](#)

Никонов Павел Владимирович,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035,
e-mail: Nikonov_PV@mail.ru
ORCID 0000-0100-0000-0004

Цырендылыкова Номина Баировна,
обучающаяся 3-го курса юридического факультета
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: tsyrendylykovan@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДРОППЕРСТВУ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ

Аннотация. Статья посвящена изучению уголовно-правового противодействия дропперству как ключевого элемента организованной преступности в сфере бесконтактных хищений. Исследуются проблемы квалификации противоправной деятельности дропперов, дроповодов, операционистов с учетом новейших изменений и дополнений ст. 187 УК РФ. В работе обосновывается необходимость разъяснения в актах судебного толкования порядка применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, предусмотренные ст. 187 УК РФ и преступлений против собственности, а также предлагаются пути совершенствования квалификационной практики применения ст. 187 УК РФ в качестве предикатной нормы.

Ключевые слова: дропперство, бесконтактные хищения, организованная преступная деятельность, предикатное преступление, киберпреступность, уголовная ответственность.

Для цитирования: Никонов П. В., Цырендылыкова Н. Б. Уголовно-правовое противодействие дропперству в условиях гибридных угроз // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 126–132.

Nikonov Pavel Vladimirovich,
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
Professor of the Department of Criminal Law,
Doctor of Law, Associate Professor
st. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: Nikonov_PV@mail.ru
ORCID 0000-0100-0000-0004

Tsyrendylykova Nomina Bairovna,
3d year student of the Faculty of Law
of Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's
Office of the Russian Federation
e-mail: tsyrendylykovan@mail.ru

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO MONEY DROPPING IN THE CONTEXT OF HYBRID THREATS

Annotation. The article is devoted to a systematic analysis of droppery as a key element of organized crime in the field of contactless theft. The article examines the problems of criminal qualification of the activities of droppers, drop guides, and operators, taking into account the latest changes and additions to article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper substantiates the need for clarification in acts of judicial interpretation of the procedure for the application of criminal law norms on liability for crimes provided for in art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation and crimes against property, as well as ways to improve qualification practice using art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation as a predicate norm.

Key words: droppery, contactless theft, organized criminal activity, predicate offence? cybercrime, criminal liability.

For citation: Nikonov P. V., Tsyrendylykova N. B. Criminal Law Counteraction to Money Dropping in the Context of Hybrid Treats // The Art of Law. 2025. № 4. С. 126–132.

В настоящее время наблюдается тенденция к всеобъемлющей цифровизации всех сфер общественной жизни, предопределяющая трансформацию традиционных форм преступности в новые, высокоадаптивные способы совершения преступных посягательств.

Согласно официальным статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ (далее – МВД России), в 2024 году более трети всего массива зарегистрированных преступлений составляли деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), при этом основной удельный вес приходится на кражи и мошенничества, осуществляемые бесконтактным путем [1, с. 3]. В этой связи феномен дропперства, как ключевого элемента организованной преступной деятельности в сфере дистанционных хищений, приобретает характер масштабной угрозы.

Массовая виктимизация населения, активное вовлечение в данный вид преступной деятельности молодежи и социально-уязвимых категорий граждан посредством «условно» конфиденциальных каналов коммуникации (мессенджеры, telegram-каналы) актуализирует необходимость глубокого социально-правового осмысления данного криминального явления [2, с. 9].

Бесконтактные хищения, в механизме совершения которых ключевую роль играют дропперы (дроповоды, операционисты), трансформировались в инструмент гибридных угроз. Как отмечено в выступлениях Президента Российской Федерации (далее – РФ), совершение подобных преступлений возведено в ранг государственной политики на территории Украины². Принятие Конвенции Организации Объединенных Наций (далее

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. URL: <https://mvd.pf/reports/item/60248328/> (дата обращения: 08.10.2025).

² Итоги года с Владимиром Путиным. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909> (дата обращения: 08.10.2025).

– ООН) против киберпреступности¹ и утверждение Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием ИКТ², свидетельствуют о международном признании системного характера исследуемой угрозы и необходимости выработки адекватных и своевременных мер противодействия данной угрозе, в том числе и на национальном уровне [3, с. 175].

В этой связи, следует отметить, что отсутствие в национальном законодательстве унифицированного определения «дроппера» (дроповода, операциониста) определенным образом затрудняет квалификацию преступных деяний и может способствовать формированию противоречивой судебной практики. Законодатель принял меры, направленные на устранение данного пробела, дополнив и изменив конструкцию ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (далее – УК РФ), закрепив в ней формальные составы, описывающие признаки ключевых участников организованной преступной деятельности (ч. ч. 3, 5, 6 ст. 187 УК РФ) [4, с. 52–54].

Подобное решение, безусловно, формализует уголовное законодательство, способствуя развитию нормативности, материальности и определенности правовых норм.

Вместе с тем, истинный потенциал и системное значение новой редакции ст. 187 УК РФ раскрываются за пределами ее самостоятельного применения. В контексте борьбы со сложноорганизованной киберпреступностью, данная норма выполняет важную функцию предикатного состава по отношению к статьям,

устанавливающим уголовную ответственность за хищения – ст. 158 (кража) и ст. 159 (мошенничество) УК РФ. Это обстоятельство позволяет перейти от частного к системному противодействию всей организованной преступной деятельности.

Д. А. Ашин в своих работах пишет, что предикатное преступление как специфическая юридическая конструкция акцентирует внимание на таком обстоятельстве, при котором совершение основного состава преступления немисливо либо без предшествующего, одновременного или последующего реального совершения, либо без ранее возникшего намерения совершить другое преступление [5, с. 252].

В рассматриваемом контексте законодательный способ описания деяния, образующего объективную сторону ст. 187 УК РФ, представляет собой именно такую конструкцию, которая предполагает последующее бесконтактное хищение денежных средств в крупных размерах.

Механизм совместного применения рассматриваемых уголовно-правовых норм раскрывается через призму анализа взаимосвязанных этапов, образующих единую линию преступного поведения:

1. На этапе предикатной деятельности (квалификация по ст. 187 УК РФ) реализуется подготовительная часть единой преступной деятельности, направленной на завладение чужим имуществом. Действия участников организованной преступной деятельности обусловлены созданием необходимого «инструментария», обеспечивающего последующее совершение хищения:

¹ О принятии Конвенции ООН против киберпреступности. URL: <https://www.mid.ru/ru/foreignpolicy/news/1989289/> (дата обращения: 09.10.2025)

² Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р. URL: <http://government.ru/docs/53922/> (дата обращения: 09.10.2025)

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 31 июля 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

– «дроповод» (ч. 5) – осуществляет приобретение электронного средства платежа и (или) доступа к нему для последующей их передачи другому лицу из корыстной заинтересованности (организует сбор банковских карт, создавая сеть посредников);

– «дроппер» (ч. 3) – передает из корыстной заинтересованности электронные средства платежа, предоставленные ему оператором по переводу денежных средств и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций (совершает ключевое формальное действие, а именно передает реквизиты своей карты за вознаграждение);

– «операционист» (ч. 6) – осуществляет неправомерные операции с использованием электронного средства платежа, совершенные лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств (обеспечивает техническую сторону проведения банковских операций).

На данной стадии преступной деятельности имущественный ущерб еще не причинен, однако совершаемые действия образуют самостоятельный состав преступления, который посягает на установленный порядок реализации финансовых операций [6, с. 379].

2. На этапе основного преступного посягательства (квалификация по ст.ст. 158, 159 УК РФ) используются специально созданные условия, обеспечивающие продолжение преступной деятельности, организаторы и иные участники организованной преступной группы непосредственно реализуют конечную цель – неправомерное завладение денежными средствами граждан или юридических лиц.

Заметим, что в зависимости от способа совершения хищения, кража (ст. 158 УК РФ) может быть инкриминирована, например, в случае несанкционированного списания денежных

средств с банковской карты с использованием ранее похищенных банковских данных; мошенничество (ст. 159 УК РФ) – например, когда перевод денежных средств осуществлен их владельцем под предлогом оплаты несуществующего товара или возврата ошибочно переведенных денежных средств.

Объектом преступного посягательства на данном этапе противоправного поведения выступают отношения собственности, а совершенными действиями причиняется реальный имущественный ущерб.

Таким образом, хищение является логическим завершением и целью всей преступной линии поведения, началом которой выступают действия, квалифицируемые по ст. 187 УК РФ.

Важно отметить, что квалификация по совокупности преступлений – отражение единого, но сложного преступного поведения. Действия каждого участника организованной преступной группы, чья роль не ограничилась лишь участием в совершении предикатного состава преступления, подлежат квалификации, при наличии к тому оснований, по совокупности преступлений:

– для **дроппера ответственность** наступает по ч. 3 ст. 187 УК РФ и за соучастие в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 158, 159 УК РФ (например, как пособничество в совершении указанных видов хищений);

– для **дроповода ответственность** наступает по ч. 5 ст. 187 УК РФ и за соучастие в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 158, 159 УК РФ (например, как организатор в совершении указанных видов хищений);

– для **операциониста ответственность** наступает по ч. 6 ст. 187 УК РФ и за соучастие в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 158, 159 УК РФ (например, при наличии к тому оснований, как соисполнитель в совершении указанных видов хищений).

Назначение наказания по совокупности преступлений указывает на повышенную общественную опасность многоэпизодных действий субъектов преступления. При этом, совершение деяния, предусмотренного ст. 187 УК РФ, свидетельствует о реализации подготовительных действий и наличии совместного умысла, направленных на хищение чужого имущества, что указывает на осведомленность участников организованной преступной деятельности относительно конечных целей их деятельности.

Таким образом, новая редакция ст. 187 УК РФ (федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ)¹ обеспечила законодательную трансформацию узкой нормы о банковских операциях в эффективный инструмент уголовно-правового противодействия сложноорганизованной киберпреступности. В настоящее время, данная норма обеспечивает правовую возможность привлечения к уголовной ответственности участников всех звеньев преступной деятельности.

Одной из проблем, имеющих не только теоретическое, но и прикладное значение, является особенность установления субъективной стороны в форме прямого умысла дроппера (дроповода, операциониста), который может действовать под влиянием заблуждения относительно характера совершаемых им действий [7, с. 183].

В настоящее время в правоприменительной практике имеют место случаи, когда уголовная ответственность наступает за сам факт совершения деяния, в отрыве от необходимости надлежащего установления субъективной стороны состава преступления.

Дифференциация ответственности в зависимости от роли лица в совершении

преступления структурно упорядочивает квалификацию, но не разрешает трудность установления субъективной стороны.

Более того, субъекты правоприменения, в некоторых случаях, используют в обвинительных документах такую конструкцию, как «должен был осознавать». Полагаем, что данная формулировка, по сути, указывает на презумпцию осведомленности о преступной деятельности и граничит с объективным вменением, что входит в противоречие с фундаментальным принципом уголовного права – вины и приводит к существенным рискам необоснованного привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, в том числе выполняющих исключительно технические функции при осуществлении финансовых операций.

Специалисты в области уголовного права ранее предупреждали о рисках избыточной криминализации видов поведения, включённых законодателем в объективную сторону ст. 187 УК РФ (в ред. федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ), которые могут привести к привлечению к уголовной ответственности добросовестных лиц, не осознающих противоправный характер своих действий, что влечет нарушение принципа виновной ответственности (ст. 5 УК РФ). Анализ новелл показывает, что опасения приобретают реальный характер [8, с. 286].

Сформулированный в экспертной среде прогноз о том, что «следствие будет игнорировать доказывание осведомленности, а практика будет считать преступной любую передачу карточки за деньги»², находит подтверждение в тексте закона. По нашему мнению, очевиден риск размывания принципа вины, когда уголовная репрессия может быть обращена против лиц, чья вина состоит лишь в легкомыслии или небрежности.

¹ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 года № 176-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 10.10.2025).

² Уголовка для дропов и дроповодов. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/3/ugolovka_dlya_dropov_i_dropovodov (дата обращения 11.10.2025).

Исследователи отмечают, что дропперами становятся представители социально-уязвимых групп – молодежь, студенты, безработные, лица в трудном материальном положении. Представляется, что законодательные изменения не только не защищают эти категории населения, но и ставят в более рискованное положение [9, с. 188].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что дополнение ст. 187 УК РФ стало значимым законодательным решением в борьбе с организованной киберпреступностью. Потенциал данной нормы позволяет привлекать к ответственности участников всех этапов преступной деятельности – от рядовых «дропперов» до организаторов, пресекая их преступные действия, направленные на причинение имущественного ущерба потерпевшему. Однако выявленные проблемы требуют вдумчивого и последовательного подхода к принятию дополнительных законодательных мер, направленных на трансформацию ст. 187 УК РФ из потенциально репрессивного инструмента в справедливый механизм противодействия киберпреступности.

В сфере правоприменения первоочередной задачей является надлежащее установление и необходимость конкретизации юридического содержания субъективной стороны состава преступления. Таким образом, целесообразно внести дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по указанной категории уголовных дел или в другие акты судебного толкования, имеющие практикообразующее значение, в соответствии с которыми, привлечение к ответственности дропперов, дроповодов и операционистов возможно только при установлении их осведомленности о преступном характере использования электронных средств платежа. Также для минимизации рисков объективного вменения следует конкретно,

недвусмысленно определить границы формулы «должен был осознавать», закрепив объективные критерии ее установления (заведомо завышенное вознаграждение, инструкции по конспирации, использование анонимных мессенджеров и т. д.).

В организационном отношении эффективность противодействия рассматриваемому виду преступности невозможна без усиления оперативного взаимодействия с банковским сектором, включая внедрение систем мониторинга в реальном времени, использующих интегрированные базы данных, в том числе искусственного интеллекта для оценки потенциальных рисков на основе разработанных и внедренных в информационную систему алгоритмов, для выявления и оперативной блокировки подозрительных транзакционных паттернов, характерных для дропперских сетей.

При этом профилактическое направление имеет фундаментальное значение для долгосрочного снижения уровня дропперства. В этой связи, целесообразно инициирование государственной информационной кампании, сопряженной с включением тематических модулей по киберграмотности в образовательные программы разных уровней.

Представляется, что только комплексный подход, сочетающий необходимые законодательные изменения, меры, направленные на совершенствование правоприменительной практики, усиление межведомственного взаимодействия и реализация мероприятий, направленных на широкую превентивную профилактику, позволит нейтрализовать дропперство как системную угрозу, обеспечивая при этом защиту основополагающих принципов справедливости и виновной ответственности в уголовном праве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанова Е. Н. Криминологическое противодействие кражам и мошенничествам, совершаемым бесконтактным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Санкт-Петербург, 2025. 22 с.
2. Петрякова Л. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика мошенничества в банковской сфере и его предупреждение (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Иркутск, 2023. 23 с.
3. Евдокимов К. Н. Обзор всероссийской научно-практической конференции «байкальский цифровой форум // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 173–177.
4. Богацкая У. И. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 51–54.
5. Ашин Д. А. Виды предикатных преступления в уголовном праве России // Актуальные проблемы Российского права. 2010. № 3. С. 252–261.
6. Чистяков А. А, Маджумаев М. М. Криминальное использование платежных инструментов третьих лиц (дропов) // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3 (202). С. 378–381.
7. Самсина Е. Е. Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия // Вестник Национального института бизнеса. 2025. № 1 (57). С. 180–185.
8. Васильева А. В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы квалификации и перспективы законодательного регулирования // Вестник Российской юстиции. 2025. № 37. С. 279–287.
9. Серебрякова Т. А., Матафанова А. Н., Зелева А. Д. Кибербезопасность и дети. Новые вызовы // Вопросы кибербезопасности и профилактика мошенничества. Современные вызовы и решения. Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2025. С. 186–190.

УДК 343.77
EDN [VUCRCI](#)

Рускевич Любовь Александровна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
ул. Академика Волгина, д. 12, г. Москва, Россия, 117997
e-mail: russkevich_22@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2676-8101

НЕЗАКОННАЯ РУБКА ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются такие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, как предмет преступления. Автор анализирует наиболее частые ошибки правоприменителя, приводит в качестве примеров конкретные решения судов, в том числе Верховного Суда РФ. Изучение судебной практики показывает, что своего рода «супербланкетность» нормы об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений является причиной ошибочного применения уголовного закона.

Ключевые слова: незаконная рубка, лесные насаждения, проблемы квалификации, древесина, лес.

Для цитирования: Рускевич Л. А. Незаконная рубка лесных насаждений: вопросы квалификации // Искусство правоведа. 2025. № 4. С. 133–140.

Russkevich Lyubov Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikotya,
Candidate of Law,
st. Akademika Volgina, 12, Moscow, Russia, 117997
e-mail: russkevich_22@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2676-8101

ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS: QUALIFICATION QUESTIONS

Annotation. The article examines such features of the crime under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation as the subject of crime. The author analyzed the most common errors made by law enforcement officers and provided specific court decisions, including those of the Supreme Court of the Russian Federation, as examples. A study of judicial practice has shown that the «super-blanket» nature of the provision on liability for illegal logging of forest plantations is a reason for the erroneous application of criminal law.

Key words: illegal logging, forest plantations, qualification problems, wood, forest.

For citation: Russkevich L. A. Illegal logging of forest plantations: qualification questions // The Art of Law. 2025. № 4. С. 133–140.

О квалификации самого распространенного из экологических преступлений¹ – незаконной рубки лесных насаждений – написано много работ [1 ; 2 ; 3 ; 4 ; 5 ; 6 ; 7]. Как бы то ни было, со временем тема не теряет своей актуальности. С одной стороны, это объясняется вниманием к проблеме органов государственной власти. В соответствии со Стратегией развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Правительством Российской Федерации в 2021 году, проблемы сохранения и использования лесов становятся все более многообразными и сложными. Изменяются стандарты управления лесами, которые должны отвечать возросшим международным, социальным, экологическим и экономическим требованиям. Леса России занимают одну пятую часть площади лесов мира. Площадь российских земель, покрытых лесной растительностью, составляет 795 млн гектаров, а именно 46,4% площади России². Лес – истинное богатство России, ее стратегический ресурс. Сохранение леса – залог благополучия будущих поколений страны.

С развитием информационных технологий совершенствуется процесс контроля за лесами. Так, дистанционный мониторинг позволяет оперативно выявлять нарушения в области лесопользования. По данным Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоз), в 2024 году объем незаконной рубки леса сократился на 32%; было выявлено около 1,2 тысячи нарушений с объемом незаконно заготовленной древесины 0,13 млн квадратных метров³.

¹ По данным ГИАЦ МВД России в 2024 году по ст. 260 УК РФ было зарегистрировано 6567 преступлений, что составило 48,22% от всех зарегистрированных экологических преступлений (13598 преступлений) за отчетный период. При этом по ст. 261 УК РФ (уничтожение или повреждение лесных насаждений) было зарегистрировано всего 353 преступления.

Указанное, пожалуй, является ярким примером того, как цифровизация привносит существенный и неоспоримый прогресс в решении проблемы, которая долгие годы воспринималась как безысходная по причине объективной нехватки людских ресурсов и финансирования.

Кроме возрастающего внимания к охране лесов на самом высоком уровне, обращение к теме квалификации незаконной рубки лесных насаждений обусловлено непреходящими противоречиями и проблемами на уровне судебно-следственной практики. Несмотря на наличие известных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, серьезной доктринальной и эмпирической базы, проблем с применением ст. 260 УК РФ с годами меньше не становится. Объяснение этому, думается, кроется в одном ключевом факторе – непрявленности «незаконности» как криминообразующего признака рубки лесных насаждений. Значительный массив регулятивных документов в этой сфере, их информативная сложность, в некоторых случаях внутренняя противоречивость или даже пробельность – все это в совокупности приводит либо к очевидным правоприменительным ошибкам при возбуждении неосновательного уголовного преследования, либо к тому, что можно назвать преступным поведением при ложном убеждении субъекта в правомерности своих действий.

Традиционно и неизменно проблемы с применением ст. 260 УК РФ возникают в части толкования предмета преступного посягательства. Как известно, законодательно понятие лесных

² Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 312-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Дистанционный мониторинг лесов: в 2024 году объем незаконной рубки сократился на 32%. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/distantsionnyy-monitoring-lesov-v-2024-godu-obem-nezakonnoy-rubki-sokratilsya-na-32/> (дата обращения: 25.08.2025).

насаждений не установлено. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 18 октября 2012 года № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» поясняет, что предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, являются лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, а также деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (к примеру, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья)¹. Для применения ст. 260 УК РФ не имеет значения высажены насаждения человеком либо произросли самостоятельно [8].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации напрямую указывает, что не могут относиться к предмету рассматриваемого преступления плодовые деревья и кустарники, произрастающие на приусадебных, дачных, садовых участках, землях сельскохозяйственного назначения. Незаконные действия в отношении таких деревьев и кустарников могут содержать признаки преступлений против собственности.

К сожалению, нередко возникает ситуация, когда собственник земельного участка полагает, что для личных нужд или осуществления хозяйственной деятельности он имеет полное право осуществлять вырубку произрастающих на участке насаждений. Такое убеждение во многом основывается на положениях ст. 261 ГК РФ, согласно которой если иное не установлено законом, право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка

поверхностный (почвенный) слой и водные объекты, находящиеся на нем растения. Собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает права других лиц.

Указанная норма закона прочно укрепилась в сознании граждан. При этом довольно часто не принимается в расчет, что она изначально содержит оговорку о возможности ограничений прав собственника по закону. Так, ограничения в отношении вырубки насаждений предусмотрены ст. 61 Федерального закона «Об охране окружающей среды», которая устанавливает режим охраны зеленого фонда городских и сельских поселений. Если земельный участок, находящийся в частной собственности, включен в состав территории, признанной зеленым фондом, то собственник участка обязан обеспечивать охрану растительности (деревьев и кустарников), находящихся на его участке, и не вправе по своему усмотрению пользоваться и распоряжаться ею.

Весьма показательным в этом отношении является следующее разбирательство, в рамках которого подсудимый указал следующее: «...в конце 2020 года компания ООО «МВР» приобрела земельный участок. ...Этот участок в начале 2021 г. передан в аренду ООО «Черметмаркет», в котором он является менеджером. Примерно в середине 2021 года от своего руководства он получил указание на расчистку указанного земельного участка, чтобы подготовить эту территорию под

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 : ред. от 15 декабря 2022 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». // СПС «КонсультантПлюс».

строительство необходимых для компании помещений. ...О том, что для указанной вырубке деревьев и кустарников было необходимо специальное разрешение городской администрации, ему известно не было. ...Когда он осуществлял эту рубку вместе с рабочими, то был уверен в полезности своих действий для компании. С предъявленным обвинением он не согласен, поскольку никакого преступного умысла на указанную рубку он не имел»¹. Суд вполне предсказуемо оценил указанные показания лица, осуществившего незаконную рубку лесных насаждений, как попытку уклониться от установленной законом ответственности.

Приведенный пример не является единичным. При этом суды последовательно указывают на то, что определяющую роль здесь играет наличие специального разрешения. Иные документы не могут служить должным основанием для осуществления законной рубки лесных насаждений: «Наличие договора аренды земельных участков, выполнение проекта освоения лесов, направление лесных деклараций при отсутствии надлежащим образом утвержденного разрешения на осуществление рубки лесных насаждений уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений не исключает»².

Вместе с тем, заблуждение лица относительно правового статуса конкретных насаждений и, соответственно, правомерности своих действий при их рубке не может быть оставлено лишь в контексте юридической ошибки с последующим утверждением о невозможности ссылаться на это при защите от уголовного преследования. Ярким примером является дело в

отношении Эльдиевой, которая признана виновной в незаконной рубке лесных насаждений. Многодетной семье Эльдиевой в аренду предоставлен земельный участок, предназначенный для индивидуального жилищного строительства. Для возведения жилого дома она обратилась в администрацию города, где ей пояснили, что для планировки расположения дома необходимо очистить предоставленный ей земельный участок. После чего Эльдиева вырубил на участке три дерева. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение, в соответствии с которым отменила обвинительный приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края и последующие решения судов апелляционной и кассационной инстанций в связи со следующими обстоятельствами. В разделе о характеристике земельного участка, преданного Эльдиевой, отсутствовали сведения о том, что участок передан ей с обременениями (например, обязанностью соблюдать особые условия использования территории и т. п.), а также отсутствовали сведения о лесных и иных природных объектах, расположенных в пределах границ земельного участка. Таким образом, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что Эльдиева не имела умысла на незаконную рубку деревьев, произрастающих на предоставленном ей в аренду участке. Важно, что в обоснование своей позиции коллегия особо отметила, что Эльдиева не была ознакомлена с регламентом, разработанным администрацией города Кисловодска, где прописан алгоритм действий пользователя участка по рубке деревьев, растущих на арендованных земельных участках во

¹ Приговор Октябрьского районного суда города Саранска от 29.06.2022 г. по делу № 1-12/2022. Апелляционным определением Верховного суда Республики Мордовия от 25.08.2022 г. по делу № 22-1292/2022 и Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 г. № 77-490/2023 данный приговор оставлен без изменения.

² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2024 № 77-2032/2024.

второй зоне округа горно-санитарной охраны¹.

Приведенная практика по делам о незаконной рубке лесных насаждений показывает, что положения ст. 260 УК РФ в совокупности с регулятивным законодательством в сфере лесопользования создают существенные уголовно-правовые риски для граждан. Решение этой проблемы не является простым и требует комплексного подхода. Думается, что привлечение к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений владельцев земельных участков либо иных лиц, действующих по их поручению, возможно только при условии надлежащего информирования о наличии конкретных правовых ограничений по распоряжению произрастающими насаждениями. При этом такое информирование должно быть адресным, позволяющим гражданину безошибочно давать оценку своим действиям при принятии решения о вырубке.

Определение по делу Эльдиевой является знаковым и, хочется надеяться, станет практикообразующим. Данным решением принципиально повышен стандарт доказывания по делам о незаконной рубке лесных насаждений в отношении собственников или арендаторов земельных участков, на которых вырубленные деревья и кустарники произрастали. Приняв во внимание этот значительный риск добросовестного заблуждения относительно общественной опасности своих действий у владельца земельного участка, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала на отсутствие объективных данных, свидетельствующих о том, что такой владелец был надлежащим образом информирован об особом (защищенном) правовом статусе произрастающих насаждений. Соответственно, по безупречной логике суда, наличие в материалах уголовного дела доказательств,

подтверждающих подобную осведомленность владельца земельного участка, является обязательной для уголовного преследования в соответствии со ст. 260 УК РФ.

Нельзя обойти вниманием вопрос об оценке действий с сухостойными деревьями и кустарниками. Изучение судебной практики показывает, что на уровне правоприменения допускаются ошибки с определением предмета незаконной рубки лесных насаждений. Так, по одному делу суд отмечает: «...сухостойные деревья не относятся к предмету преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ. Их рубка, а равно уничтожение или повреждение при наличии к тому предусмотренных законом оснований могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение чужого имущества, а следовательно, незаконная рубка шести сухостойных деревьев породы «береза», соответственно и причинение ущерба на сумму 671 рубль вменены излишне»².

По предмету необходимо ограничивать незаконную рубку лесных насаждений от санкционированного сбора валежника. Валежник – недревесный лесной ресурс, заготовка и сбор которого осуществляется в соответствии с Лесным кодексом Российской Федерации. С 1 января 2019 года в соответствии с внесенными в Лесной кодекс Российской Федерации изменениями граждане могут свободно собирать валежник без разрешительных документов, но для личных нужд.

Для определения содержания предмета незаконной рубки лесных насаждений важно указать и на действующий Перечень видов (пород) деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается (утвержден Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 14.03.2025 года № 102). В настоящее время Перечень

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2024 № 19-УДП23-32-К5.

² Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2025 г. № 77-546/2025.

включает в себя 50 наименований пород деревьев и 6 наименований видов кустарников. Ввиду того, что такие деревья и кустарники полностью исключены из сырьевой базы лесной отрасли, их рубка является незаконной (исключения возможны, но единичны и в целом могут быть сведены к обстановке крайней необходимости).

Изучение судебной практики показывает, что своего рода «супербланкетность» нормы об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений является причиной ошибочного применения уголовного закона и в других случаях. Так, заместитель директора Ильменского государственного заповедника в июне 2018 года усмотрела необходимость производства рубки деревьев заповедника. С этой целью были подготовлены необходимые документы и направлены на согласование. Позднее были изданы приказы и произведена рубка лесных насаждений. Органы предварительного расследования квалифицировали действия заместителя директора заповедника как незаконные и применили положения п. «в, г» ч. 2 ст. 260 УК РФ. В ходе производства по делу защита последовательно указывала на правомерность действий по вырубке деревьев, ссылаясь на Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», Постановление Правительства РСФСР от 18 декабря 1991 года № 48, Лесохозяйственный регламент лесничества «Ильменский государственный заповедник имени В.И. Ленина Уральского отделения РАН», имеющуюся в нем таблицу, проект освоения лесов и лесную декларацию. Лишь суд апелляционной инстанции, изучив указанные нормативные правовые акты, а также Приказы 17/а от 19 июня 2018 года и 19/а от 03 июля 2018 года, в соответствии с которыми производилась

рубка, пришел к выводу об отсутствии в действиях осужденной состава преступления и оправдал ее¹.

В данном деле защищенный правовой статус насаждений не мог быть предметом спора – деяние было совершено в границах заповедной зоны. Вместе с тем, была допущена ошибка относительно наличия специальных оснований и соблюдения установленного порядка согласования допустимой рубки таких насаждений. Иными словами, органы предварительного расследования и суд первой инстанции не смогли правильно установить правомерность действий заместителя руководителя заповедника. Причина неизменна – большое количество нормативных правовых актов в сфере лесопользования затрудняет правильное принятие решения правоохранительными органами на этапе проверки материалов.

Заслуживающим внимания является вопрос о малозначительности по делам о преступлении, предусмотренном ст. 260 УК РФ. В практике можно обнаружить примеры прекращения уголовного преследования за незаконную рубку лесных насаждений именно ввиду малозначительности деяния. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что мировой судья при принятии решения по делу о незаконной рубке леса не учел объем материального ущерба, который лишь на 2 303 рубля 65 копеек превышает размер, до которого ответственность за его причинение предусмотрена ст. 8.82 КоАП РФ, а также не принял во внимание, что осужденный полностью возместил причиненный им ущерб, не дал оценки породе и возрасту срубленного дерева, не привел мотивы, по которым действия осужденного обладают достаточной общественной опасностью. Приговор мирового судьи был отменен, а уголовное дело прекращено за отсутствием состава

¹ Апелляционный приговор № 10-5200/2021 от 28 сентября 2021 года № 1-230/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OWYMB4EAhEJV/?ysclid=mfgm3sxp3i923578272> (дата обращения: 16.09.2025).

преступления ввиду малозначительности деяния¹.

По делам о незаконной рубке лесных насаждений, пожалуй, гораздо чаще, чем по многим другим, возникает проблема разграничения посредственного исполнения от группового способа совершения преступления. При этом наиболее распространенными являются ситуации, когда лицо использует свое служебное положение и совершает незаконную рубку леса путем реализации организационно-распорядительных полномочий в отношении работников. В качестве примера можно привести следующее уголовное дело: «...осознавая, что в соответствии с должностной инструкцией мастер участка несет полную ответственность за заготовку древесины, осуществляет контроль за лесозаготовительной бригадой, используя свое служебное положение, достоверно зная, что на указанной лесосеке заготовке не подлежат рубке не клейменные деревья и деревья вне полосы отвода (волоков), дал указание вальщику леса о совершении незаконной сплошной рубки деревьев, произрастающих в отведенной лесосеке в эксплуатационных лесах за пределами волоков»².

В подобных случаях возникает вероятность двойной ошибки в квалификации: с одной стороны, в части вменения признаков соучастия, которого в действительности не было; с другой, относительно возбуждения уголовного преследования в отношении лица (работника), которое не могло по

обстоятельствам дела осознавать общественно опасный характер своих действий. Такие действия лиц, наделенных управленческими функциями, правильно оцениваются судебно-следственными органами как незаконная рубка лесных насаждений, совершенная лицом с использованием своего служебного положения [9]. При этом, как известно, такая рубка признается преступной независимо от ее размера.

И, наконец, важным вопросом квалификации незаконной рубки лесных насаждений является сопряженность данного преступления с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191¹ УК РФ), где лесной ресурс выступает уже как экономическая составляющая отношений в сфере лесопользования. В теории уголовного права мнения по поводу применения ст. 191¹ УК РФ в отношении лица, осуществившего и незаконную рубку соответствующих лесных насаждений, разделились. Неоднозначно складывается и судебная практика, в которой можно обнаружить примеры квалификации как по совокупности со ст. 191¹ УК РФ³, так и решения, в которых такая уголовно-правовая оценка отвергается⁴.

Полагаем, что ключ к правильному решению данного вопроса квалификации предложил П. С. Яни в своем комментарии к ст. 191¹ УК РФ. По его мнению, вывод об отсутствии оснований для ее дополнительной квалификации со ст. 260

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2025 № 84-УД24-9-КЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор № 22-605/2020 от 09 июня 2020 г. по делу № 1-232/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vzCpmpjoFQLC/?ysclid=m99s6zvun259507310> (дата обращения: 20 сентября 2025 г.)

³ См.: Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. по делу № 77-3748/2023 ; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2023 г. по делу № 77-4804/2023 и др.

⁴ См.: Апелляционные определения Пермского краевого суда от 4 октября 2022 г. по делу № 22-6315/2022 ; Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 7 декабря 2015 г. по делу № 22-14082/2015 ; Приговор Енисейского районного суда Красноярского края от 28 июня 2019 г. по делу № 1-54/2019 и др.

УК РФ «следует и из использования в статье термина «заведомость» – понятно, что если лицо заготовило древесину в нарушение установленного для этого порядка, то оно однозначно осознает незаконный характер своих действий и потому в ст. 191¹ УК РФ на это обстоятельство не нужно было бы специально указывать» [10].

Таким образом, по смыслу ст. 191¹ УК РФ, лицо, осуществившее незаконную рубку лесных насаждений, не может нести ответственность по данной статье за последующие действия с этой же древесиной. Предметом преступления, предусмотренного ст. 191¹ УК РФ, является древесина, незаконно срубленная другими лицами.

Подводя итог проведенному анализу нормы об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений и практики ее применения отметим, что для минимизации ошибок при квалификации содеянного необходим комплексный подход: с одной стороны, следует модернизировать регулятивное законодательство в сфере лесопользования, а с другой, проработать некоторые правила квалификации по ст. 260 УК РФ на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров В. Н., Ступина С. А., Швецова М. А. Вопросы квалификации незаконного оборота древесины // Уголовное право. 2020. № 6.

2. Данилов Д. О. Квалификация хищения древесных насаждений (статья вторая) // Уголовное право. 2024. № 12.

3. Жевлаков Э. Н. Аксиология понятия «валежник» и правовая оценка завладения им // Уголовное право. 2022. № 10.

4. Жевлаков Э. Н. Об исчислении размера ущерба, причиняемого незаконной рубкой деревьев и кустарников // Законность. 2002. № 10.

5. Ляшева Ю. А. Общественно опасные последствия как обязательный признак объективной стороны состава незаконной рубки лесных насаждений // Экологическое право. 2008. № 6.

6. Скрипченко Н. Ю. Проблемы уголовно-правовой оценки оборота незаконно заготовленной древесины // Журнал российского права. 2018. № 4.

7. Сухаренко А. Н., Жерновой М. В. Декриминализация лесной отрасли России: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2014. № 7.

8. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право России : учебник. Москва, 2025. С. 257.

9. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. А. Абдульманов и др. ; под ред. Н. Г. Кадникова. Москва, 2023. С. 247.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва, 2017. Т. 2 : Особенная часть. Разделы VII-VIII (ст.1911 УК РФ). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.3
EDN [XIUYDG](#)

Сидорова Екатерина Закариевна,
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, 664074
e-mail: ketrik6@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. Сфера здравоохранения, являясь значимой и необходимой для общества, нуждается в охране от различного рода угроз, которые могут исходить как от самого медицинского сообщества, допускающего в ряде случаев преступные ошибки в своей профессиональной деятельности, так и от иных субъектов, связанных со сферой медицинских правоотношений. В настоящей работе уделено внимание некоторым из таких угроз, освещены проблемы ятрогении и коррупции в медицинской сфере.

В исследовании отмечается, что в российском законодательстве не предусмотрено такое понятие, как ятрогенное преступление, однако теорией выработано определение данного термина: речь идет об уголовно наказуемых деяниях, совершаемых в медицинской сфере (самими медицинскими работниками). Несмотря на то, что долгом и прямой обязанностью врачей является оказание помощи своим пациентам, судебная практика свидетельствует о случаях причинения вреда медицинскими работниками гражданам, которым оказывалась медицинская помощь. Такой вред зачастую причиняется в результате ошибок, допускаемых врачами при проведении лечения, и подобное поведение медицинских работников должно подлежать соответствующей правовой оценке, в том числе на предмет наличия преступности деяния.

Автор констатирует, что сфера здравоохранения в настоящее время подвержена также иным криминальным угрозам, в особенности носящим коррупционный характер, в связи с чем требуется разработка и реализация наиболее эффективных мер превенции преступности, проявляющейся в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: ятрогенное преступление, преступность в сфере здравоохранения, коррупция в сфере здравоохранения, врач, медицинский работник, врачебная ошибка, ятрогения.

Для цитирования: Сидорова Е. З. О некоторых проблемах преступности в сфере здравоохранения // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 141–149.

Sidorova Ekaterina Zakarijevna,
Deputy Head of the Department of Criminal Law and
Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Lermontova str., 110, Irkutsk, 664074
e-mail: ketrik6@mail.ru

ON SOME OF THE PROBLEMS OF CRIME IN THE HEALTH SECTOR

Annotation. The healthcare sector, being significant and necessary for society, needs to be protected from various kinds of threats that may come from the medical community itself, which in some cases makes criminal mistakes in its professional activities, as well as from other entities related to the field of medical legal relations. This paper focuses on some of these threats, highlights the problems of iatrogenism and corruption in the medical field.

The study points out that Russian legislation does not provide for such a concept as an iatrogenic crime, but theory has developed a definition of this term: it is a question of criminally punishable acts committed in the medical field (by medical professionals themselves). Despite the fact that it is the duty and direct responsibility of doctors to provide assistance to their patients, judicial practice indicates cases of harm caused by medical workers to citizens who received medical care. Such harm is often caused as a result of mistakes made by doctors during treatment, and such behavior by medical professionals should be subject to appropriate legal assessment, including for the criminality of the act.

The author stated that the healthcare sector was currently also subject to other criminal threats, especially those of a corrupt nature, which requires the development and implementation of the most effective measures to prevent crime in the healthcare sector.

Key words: iatrogenic crime, crime in the field of healthcare, corruption in the field of healthcare, doctor, medical worker, medical error, iatrogeny.

For citation: Sidorova E. Z. On Some of the Problems of Crime in the Health Sector // The Art of Law. 2025. № 4. С. 141–149.

В настоящее время устойчивость и безопасность сферы здравоохранения подвергается риску как вследствие преступных ошибок, допускаемых представителями медицинского сообщества, так и из-за противоправной деятельности внешних по отношению к нему субъектов. Если говорить о допускаемых врачами ошибках, то следует констатировать, что от этого, к сожалению, никто не застрахован, и в результате подобного поведения врачей причиняется вред здоровью граждан. Деяния медицинских работников, в результате которых допускаются ошибки, должны подлежать соответствующей правовой оценке, в том числе на предмет наличия признака преступности.

Говорить о точном количестве осужденных медицинских работников, допустивших преступное профессиональное поведение, достаточно проблематично, поскольку работники

сферы здравоохранения привлекаются к уголовной ответственности по различным статьям уголовного закона. Отдельные информационные источники свидетельствуют о том, что за два года (2023–2024 годы) суды рассмотрели 104 уголовных дела в отношении медицинских работников¹. При этом следует учитывать, что не все уголовные дела доходят до судебной стадии разбирательства. Так, в 2023 году на основании 4 431 сообщения о врачебных ошибках в правоохранительные органы было возбуждено 2 332 уголовных дела².

В средствах массовой информации также широко освещаются случаи возбуждения уголовных дел в отношении медицинских работников, допустивших врачебную ошибку. Например, в 2025 году в городе Калуге было возбуждено уголовное дело в отношении врачей, которые не сообщили пациенту об онкологическом заболевании (признаки

¹ Во все нетяжкие: снизится ли число уголовных дел против врачей. URL: <https://www.forbes.ru/healthcare/535860-vo-vse-netazkie-snizitsa-li-cislo-ugolovnyh-del-protiv-vrachej> (дата обращения: 08.10.2025).

² Количество уголовных дел против медработников выросло в 2023 году на 25%. URL: <https://azbyka.ru/news/kolichestvo-ugolovnyh-del-protiv-medrabotnikov-vyroslo-v-2023-godu-na-25> (дата обращения: 07.11.2024).

злокачественного процесса были выявлены ещё в 2022 году, но необходимое лечение тогда назначено не было, на основании чего следствие возбудило уголовное дело по статье о причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей)¹.

В целом в юридической практике при освещении проблематики врачебной преступности использует термин «ятрогенные преступления», под которым понимаются различные действия (бездействие) медицинских работников, совершаемые в процессе оказания медицинской помощи и влекущие смерть пациента или ухудшение его здоровья [1, с. 17].

Определенный перечень составов преступлений, относящихся к ятрогенным преступлениям, не предусмотрен законодательством, в связи с чем остается опираться лишь на судебную практику [2, с. 93]. Анализ уголовных дел и судебных решений позволяет заключить, что к ятрогенным преступлениям могут быть отнесены самые разнообразные составы, предусмотренные уголовным законом (далее по тексту – УК РФ)². В частности, к таковым можно относить ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности», ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинения тяжкого вреда по неосторожности», ст. 124 «Неоказание помощи больному», ст. 293 «Халатность» и ряд других составов. Особое внимание следует уделить ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». До 2025 года

медицинские работники в ряде случаев привлекались к ответственности по названной уголовно-правовой норме, поскольку, по мнению законодателя, медицинская помощь попадала в сферу предоставления услуг. Однако в настоящее время ситуация изменилась. Государственная Дума Российской Федерации приняла реальные меры по декриминализации деяний медицинских работников, ограничив применение ст. 238 УК РФ к ним. На основании Федерального закона от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ названная уголовно-правовая норма была дополнена примечанием следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи»³.

В этой связи можно обоснованно утверждать, что структура ятрогенной преступности изменится, как и количественные показатели судимости среди медицинских работников. На примере статьи 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» можно отметить, что за период с 2016 года по 2024 год по данной статье было осуждено 39 человек⁴. Несмотря на незначительность представленного показателя, необходимо понимать, что общественная опасность ятрогении заключается в том, что в результате неквалифицированных или даже заведомо неправильных действий медицинских работников возникает угроза наступления тяжких последствий для пациентов, вплоть до их смерти, в связи с чем государство обязано предпринимать превентивные меры для того, чтобы не допустить подобных ситуаций. Превенция должна строиться на реализации различных

¹ В Калуге возбудили дело в отношении врачей, которые не сообщили пациенту о раке. URL: <https://rg.ru/2025/06/04/reg-cfo/v-kaluge-vozbudili-delo-v-otnoshenii-vrachej-kotorye-ne-soobshchili-pacientu-o-rake.html?ysclid=mgahnzjjbl677625035> (дата обращения: 08/10/2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июня 1996 г. № 63-ФЗ : послед. ред. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.10.2024).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 дек. 2024 г. № 514-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8524.

⁴ Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=lj2x7jhyu177268407> (дата обращения: 13.11.2024).

механизмов, в том числе уголовно-правового характера, но не ограничиваться только ими. Борьба с ятрогенными преступлениями – это необходимая мера для обеспечения безопасности пациентов, устойчивости системы здравоохранения и общественного доверия сфере здравоохранения. Ключевая цель такой борьбы заключается не в наказании виновных, а в создании такой среды, в которой подобные преступления будут максимально предотвращены, а врачи будут иметь все условия для выполнения качественной и безопасной работы.

Ятрогенные преступления имеют определенные особенности. В первую очередь речь идет о наличии специального субъекта – медицинского работника. В таких преступлениях наличествует преступное действие (бездействие), последствие в виде угрозы причинения вреда или причинения вреда жизни и здоровью либо иным законным интересам пациентов, а также причинно-следственная связь между деянием и последствием. Если говорить о вине, допущенной врачом, то чаще всего она проявляется в форме неосторожности, но при отсутствии установленной и доказанной вины медицинского работника в наступивших для пациента последствиях невозможно привлечь такого работника к уголовной ответственности ни по одному из составов преступлений, закрепленных в уголовном законе (ст. 5 УК РФ).

Обращая внимание на обязательное установление причинно-следственной связи между деянием врача и наступившими для пациента последствиями, отметим, что это не только теоретический, но и практически значимый вопрос. Судебной практике известны случаи, когда из-за недоказанности причинно-следственной связи между действиями врача и смертью пациента обвиняемый врач был оправдан.

Например, врач-педиатр Р. обвинена в причинении смерти по неосторожности несовершеннолетнему пациенту П. вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ). Суд первой инстанции полностью оправдал её, апелляция оставила приговор без изменения, а кассация подтвердила законность этих решений, отказав в удовлетворении жалобы потерпевших¹. Стороной обвинения утверждалось, что Р. неправильно диагностировала заболевание, назначила неверное лечение, не соответствующее стандартам, а затем, чтобы скрыть свои ошибки, перевела тяжелобольного ребенка в другое лечебное учреждение, куда она внесла в медицинскую документацию заведомо ложные сведения о назначениях и диагнозах. Центральным вопросом дела была причинно-следственная связь между действиями (или бездействием) врача и наступлением смерти пациента. Позиция обвинения строилась на том, что экспертизы выявили дефекты в диагностике и лечении, которые, по мнению потерпевших, полностью исключили возможность выживания пациента. Обосновывая оправдательную позицию, суд указал, что для уголовной ответственности по ст. 109 УК РФ недостаточно просто установить факт нарушения стандартов оказания медицинской помощи (так называемые дефекты диагностики и лечения). Необходимо доказать, что именно это нарушение стало непосредственной и прямой причиной смерти и что совершение требуемых действий обязательно предотвратило бы неблагоприятный исход. Суд изучил заключения трех судебно-медицинских экспертиз (включая повторную и комиссионную). Ни в одном из этих заключений не была установлена прямая причинно-следственная связь

¹ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции (г. Санкт-Петербург) от 2 сентября 2021 г. по делу № 77-2066/2021. URL: <https://судебныерешения.рф/65908419?ysclid=mgivnrdg88113321903> (дата обращения: 09.10.2025).

между допущенными Р. недостатками и наступлением смерти П. На основании этого суд пришел к выводу, что выявленные нарушения носят вероятностный характер, то есть даже если бы врач действовала идеально, это не гарантировало бы спасения пациента, учитывая тяжесть его заболевания. По мнению суда, отсутствие действий, которые лишь могли бы привести к иному исходу, не образует состава преступления. В результате врач Р. была оправдана, поскольку следствие и суд не смогли доказать ключевой признак состава преступления – прямую причинную связь между её профессиональными ошибками и смертью пациента.

Как мы уже говорили, в ряде случаев врачи привлекаются к уголовной ответственности за преступную халатность, допущенную ими в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей. Например, в Нижегородской области в 2010 году из-за неправильного лечения скончался гражданин С. В ходе судебного разбирательства было установлено, что при полной и своевременной диагностике заболевания, надлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей у врачей Г. и М. была возможность своевременно диагностировать диссеминированный туберкулез легких у С., обеспечить его адекватное лечение и спасение жизни. Однако указанные врачи этого не сделали, в связи с чем были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 293 УК РФ¹.

Вместе с тем, приведенный пример свидетельствует, на наш взгляд, о небесспорной квалификации содеянного именно потому, что для вменения ст. 293 УК РФ правоприменитель обязан установить наличие признаков такого специального субъекта названного преступления. В п. 7 постановления № 24

от 9 июля 2013 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает, что следует разграничивать такие понятия, как исполнение профессиональных обязанностей, и исполнение обязанностей должностным лицом². В научной литературе обоснованно уделяется повышенное внимание разъяснению термина «должностное лицо» [3, с. 15 ; 4, с. 242]. Ключевыми особенностями данного термина являются либо реализация функций представителя власти, либо наличие организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций у такого лица. В этой связи нужно понимать, что не все действия врачей, приведшие к негативным последствиям для пациентов, могут квалифицироваться по ст. 293 УК РФ.

В свете вышесказанного приведем другой пример из судебной практики по ст. 293 УК РФ. Главный врач районной больницы Ф. обвинен в преступной халатности по ч. 1 ст. 293 УК РФ в связи с тем, что в период с 2015 по 2017 год допускал к работе врача-неонатолога (врач, занимающийся лечением новорожденных) сотрудницу, не имеющую необходимой специализации и сертификата. Халатность обосновывалась тем, что Ф. ненадлежащим образом исполнял свои должностные обязанности, что повлекло существенное нарушение прав граждан и интересов государства. По мнению следствия и суда, Ф. преступно бездействовал, не предприняв мер для укомплектования штата больницы квалифицированным врачом-неонатологом на время отсутствия основного сотрудника. Опасность такого бездействия заключалась в рисках для пациентов, поскольку в результате такой халатности создавалась реальная угроза для жизни и здоровья новорожденных в родильном отделении, что нарушает их конституционное право на качественную и безопасную медицинскую

¹ Два врача осуждены за халатность в Павловском районе Нижегородской области. URL: <https://nnoblsud.ru/index.php/press-sluzhba/novosti/2889-dva-vracha-osuzhdeny-za-khalatnost-v-pavlovskom-rajone-nizhegorodskoj-oblasti> (дата обращения: 13.11.2024).

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : послед. ред. // Российская газета. 17 июля 2013 г. № 154.

помощь. В результате Ф. не был привлечен к уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности¹.

Можно выделить различные формы недобросовестного выполнения врачами своих обязанностей, при этом, как правило, категории ятрогенных преступлений не превышают небольшой или средней тяжести, в связи с этим уголовным законом предусмотрены «небольшие» уголовные наказания. Наказание, связанное с изоляцией от общества, применяется крайне редко и, как правило, только в тех случаях, когда в результате умышленных действий медицинского работника наступила смерть пациента.

Например, за убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) в Калининградской области в 2022 году были осуждены врачи. Ситуация заключалась в следующем: ребенок родился с экстремально низкой массой тела – 700 граммов, и по медицинским показаниям требовалось введение младенцу дорогостоящего препарата, однако врачи этого не сделали, а наоборот, умышленно ввели иное лекарство, что привело к смерти ребенка, при этом в ходе расследования было установлено, что врачи предприняли попытку скрыть содеянное путем внесения заведомо ложных сведений в историю болезни ребенка².

Проблема квалификации ятрогенных преступлений и сложности в определении оснований и пределов уголовной ответственности за преступления в сфере медицины может обосновываться отсутствием в уголовном законодательстве специальных норм о ятрогении, а от правильной квалификации зависит справедливое и соразмерное совершеному деянию уголовное наказание. Вместе с тем, нужно понимать нецелесообразность «перегружения» уголовного закона отдельными

специальными нормами. На наш взгляд, проблема привлечения к уголовной ответственности врачей обосновывается в первую очередь не отсутствием специальных уголовно-правовых норм, а сложностью доказывания таких преступлений, проведением специальных экспертиз и установлением причинных связей. Другими словами, проблема в большей степени носит криминалистический и уголовно-процессуальный характер. Проблема доказуемости вины медицинского работника имеет место быть в силу различных ситуаций, возникающих в процессе оказания медицинской помощи, поскольку довольно сложно установить не только форму вины, но и сам факт виновности медицинского работника. Это происходит из-за того, что медицинская деятельность сама по себе носит рискованный характер. В каждом случае медицинского вмешательства в организм человека нет никакой гарантии положительного результата в связи с тем, что человеческий организм – весьма сложное явление. В то же время существуют различные протоколы, устанавливающие стандарты и требования к технологиям выполнения тех или иных медицинских услуг и манипуляций, отступление от которых и является ключевым моментом для выводов о наличии или отсутствии объективных признаков преступления.

Приведем пример из судебной практики. Врач-терапевт А. была признана виновной в причинении смерти пациенту по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ). Суд установил наличие состава преступления и доказал прямую причинно-следственную связь между бездействием врача (невыполнением установленных

¹ Постановление Щербиновского районного суда (Краснодарский край) от 19 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Njy5o8367NJ/?ysclid=mgizucorpx938985503> (дата обращения: 09.10.2025).

² Врачам отменили условный приговор: Мосгорсуд пересмотрит дело о гибели младенца в роддоме. URL: <https://dzen.ru/a/Zz3B4FSrglm0Sokg> (дата обращения: 14.11.2024).

предписаний в части оказания медицинской помощи, то есть дефекты оказания медицинской помощи) и смертью пациента. В ходе судебного разбирательства установлено, что пациент госпитализирован с диагнозом ишемическая болезнь сердца, постинфарктный кардиосклероз, жаловался на типичные ангинозные приступы (боли за грудиной, удушье), но А. не взяла его под постоянное наблюдение и оценила состояние как удовлетворительное. При этом А. не проконсультировалась со специалистами первичного сосудистого отделения о переводе пациента в стационар более высокого уровня для проведения коронарографии – ключевого исследования для диагностики и лечения его заболевания. Ее бездействие произошло вопреки очевидной клинической картине и настойчивым жалобам пациента. Судебно-медицинские экспертизы однозначно указали, что ведущим фактором в наступлении смерти является именно дефект оказания медицинской помощи – недооценка состояния и отсутствие консультации о переводе в сосудистый центр. Эксперты указали, что при своевременном направлении на коронарографию и последующем лечении (реваскуляризации) прогноз для жизни пациента был бы благоприятным, а смертность в таких случаях составляет около 6%. В результате врач признана виновной, поскольку суд смог доказать, что ее грубое профессиональное бездействие (неотправка кардиологического больного в специализированный центр, то есть несоблюдение установленных требований к лечению) стало непосредственной и прямой причиной его смерти¹.

Сфера общественных отношений, связанных с оказанием пациентам медицинской помощи, сложна также тем,

что существует целый ряд трудностей, с которыми сталкивается правоприменитель при расследовании ятрогенных преступлений. Так, в научной литературе справедливо отмечается, что для успешного расследования совершенного ятрогенного преступления следователь сначала должен сформировать модель правомерного поведения при оказании медицинской помощи. Только после создания такой модели следователь сможет ответить на вопрос, насколько лечащий врач отклонился от ее реализации при лечении конкретного пациента, которому был причинен вред здоровью [5, с. 22].

Еще одна проблема расследования ятрогенных преступлений заключается в том, что потерпевшие не обладают юридической возможностью доказывать факт совершения противоправного деяния медицинскими работниками против них, поскольку в нашем уголовном процессе потерпевший не имеет полномочий по доказыванию. Не вдаваясь в полемику обоснованности данного уголовно-процессуального положения, лишь отметим, что для доказывания этого факта только следователь может запросить медицинскую документацию по месту обращения потерпевшего либо произвести выемку медицинской документации в медицинском учреждении [6, с. 144].

Помимо трудностей, связанных с расследованием ятрогенных преступлений, сфера здравоохранения в настоящее время подвержена и иным криминальным угрозам, исходящим как от самих медицинских работников (ятрогенная, о которой мы говорили), так и от криминальных элементов, посягающих на интересы сферы здравоохранения в целом. В последнем случае речь идет о так называемых внешних угрозах, которых существует достаточно много, однако не все они имеют масштабное

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 июня 2021 г. № 77-2753/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=35104#isA76zUmpE9Wm5Wt> (дата обращения: 08.10.2025).

распространение. Например, в 2019 году в уголовный закон России введена статья 124.1 УК РФ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи»¹. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что данная норма, скорее, имеет характер «мертвой», поскольку с момента ее введения ни один человек еще не был привлечен к уголовной ответственности, однако ее наличие в уголовном законе обосновывается ее превентивным, предупреждающим характером [7, с. 38].

Вместе с тем, наибольшую внешнюю опасность для сферы здравоохранения представляют случаи не ятрогении, а посягательства иного рода, такие как коррупция и покушения на представителей медицинского сообщества. Например, в ноябре 2024 году прямо в машине скорой помощи был смертельно ранен ножом фельдшер, который пытался успокоить агрессивного пациента. В настоящее время предпринявший попытку сбежать подозреваемый заключен под стражу, ему предъявлено обвинение в убийстве медика².

Другая опасность таится в случаях криминальных посягательств, которые выявляются в результате реализации Национального проекта «Здравоохранение»³. Данные официальной статистики, представленные МВД России за 2023 год, свидетельствуют о том, что за указанный год было выявлено 169 преступлений, связанных с реализацией Национального проекта «Здравоохранение»⁴. Основными видами уголовно наказуемых нарушений обозначенного национального проекта

являются мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 44% случаев, служебный подлог (ст. 292 УК РФ) – 23% случаев, взяточничество (ст. 290-291.2 УК РФ) – 15% случаев, злоупотребление должностными полномочиями или их превышение (ст.ст. 285, 286 УК РФ) – 12% случаев и др. Приведенные данные свидетельствуют о том, что сфера здравоохранения не освобождена в настоящее время от коррупционных угроз, при этом случаи привлечения работников сферы здравоохранения к уголовной ответственности зачастую характеризуются повышенным общественным резонансом. Так, в 2021 году в Иркутской области за совершение мошеннических действий к уголовной ответственности привлечен бывший министр здравоохранения региона. Мошенничество было связано с закупкой средств индивидуальной защиты (медицинских масок), в результате чего преступникам удалось похитить из бюджета страны 90 миллионов рублей⁵. В целом за 2023 год в результате нарушения реализации Национального проекта «Здравоохранение» размер причиненного материального ущерба составил 233 578 000 рублей⁶. Колоссальные суммы ущерба влияют на сферу здравоохранения в целом и на качество оказываемых медицинских услуг. При этом, несомненно, положительной следует признавать практику наложения ареста на имущество, добытое в результате совершения преступлений сфере здравоохранения. Так, в 2023 году благодаря действиям правоохранительных

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников : Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4108.

² Фельдшера зарезали прямо в скорой – что известно о трагедии на севере Приангарья. URL: <https://ircity.ru/text/incidents/2024/11/22/74364917/?ysclid=m3z8imbvac67202629> (дата обращения: 21.11.2024).

³ Национальные проекты России : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения: 21.11.2024).

⁴ Состояние преступности в России : офиц. сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵ Приговор экс-главе иркутского Минздрава Ледяевой оставили в силе. URL: <https://vademec.ru/news/2023/07/07/prigovor-eks-glave-irkutskogo-minzdrava-ledyaevoy-ostavili-v-sile/?ysclid=m3z9nobulh853845979> (дата обращения: 14.11.2024).

⁶ Состояние преступности в России : офиц. сайт.

органов бюджет государства пополнился на сумму 291 012 000 рублей за счет наложения ареста на имущество, изъятия имущества, денег и ценностей и добровольного погашения задолженностей, связанных с реализацией Национального проекта «Здравоохранение» (подчеркнем, что важная роль в системе субъектов, наделенных полномочиями в сфере предупреждения подобных преступлений, отводится подразделению экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России; доля выявленных названным подразделением преступлений, совершенных при реализации Национального проекта «Здравоохранение», составляет 51% от общего числа таких деяний)¹.

В завершение исследования, посвященного вопросам уголовной ответственности за совершение преступлений в медицинской сфере, можно резюмировать, что в настоящее время сфера здравоохранения подвержена негативному воздействию различного рода угроз. С одной стороны, сами медицинские работники допускают случаи преступного поведения, причиняя умышленно и неосторожно вред своим пациентам (ятрогения). С другой стороны, как и в других областях общественных отношений, сфера здравоохранения не защищена от коррупции, мошенничества, растраты бюджетных средств и других криминальных угроз. В этой связи важно продолжать исследования в обозначенной области с целью выработки эффективным мер профилактики и предупреждения преступлений в медицинской сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Погосян А. А., Тилюкина А. Г. Ятрогенные преступления как новый вид преступлений в уголовном праве Российской Федерации // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 17–20.
2. Сидорова Е. З., Бердников Д. А. К вопросу о соразмерности наказания за ятрогенные преступления // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (16). С. 92–99.
3. Яни П. С. Сложности квалификации халатности // Законность. 2011. № 8(922). С. 14–19.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. 558 с.
5. Подольный Н. А. Отдельные проблемы расследования ятрогенных преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2. С. 20–25.
6. Жигулёва А. В. Расследование ятрогенных преступлений: проблемные аспекты // Молодой ученый. 2024. № 27 (526). С. 144–146.
7. Сидорова Е. З., Тимохин Л. А. К вопросу о целесообразности криминализации состава преступления «воспрепятствование оказанию медицинской помощи» (ст. 124.1 УК РФ) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 1 (53). С. 37–42.

¹ Состояние преступности в России: офиц. сайт.

УДК 341.4
EDN [XRIXSD](#)

Сутурин Михаил Александрович,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России,
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, 664074
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Институт юстиции
Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, Россия, 664003
e-mail: mialsu@yandex.ru
ORCID 0000-0001-5152-4566

ДЕТИ КАК КАТЕГОРИЯ ЖЕРТВ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных положений современных международных договоров, регулирующих сотрудничество государств по борьбе с торговлей детьми. Автор проводит сравнительный анализ некоторых национальных и международных норм в контексте рассматриваемой тематики. Особое внимание уделено специфике юридического перенесения международных положений в уголовное законодательство. В научной статье выявлены достоинства и некоторые недостатки международных документов.

Проведенный анализ позволил систематизировать международные обязательства государств в области борьбы с торговлей людьми. Ключевым выводом является утверждение о критической важности их последовательной реализации на внутригосударственном уровне, что является необходимым условием для обеспечения эффективной защиты прав особо уязвимых групп жертв данного преступления.

Ключевые слова: торговля людьми, торговля детьми, жертва торговли детьми, международное сотрудничество, международные договоры.

Для цитирования: Сутурин М. А. Дети как категория жертв торговли людьми: некоторые особенности международного регулирования защиты и предупреждения // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 150–156.

Suturin Mikhail Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
st. Lermontova, 110, Irkutsk, Russia, 664074,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
Institute of Justice
Baikal State University,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
st. Lenina, 11, Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: mialsu@yandex.ru
ORCID 0000-0001-5152-4566

CHILDREN AS VICTIMS OF HUMAN TRAFFICKING: SOME FEATURES OF INTERNATIONAL REGULATION OF PROTECTION AND PREVENTION

Annotation. The article is devoted to the study of certain provisions of modern international treaties governing the cooperation of states to combat trafficking in children. The author conducts a comparative analysis of some national and international norms in the context of the topic under consideration. Particular attention is paid to the specifics of the legal transfer of international provisions to criminal law. The scientific article revealed the advantages and some disadvantages of international documents.

The analysis made it possible to systematize the international obligations of states in the field of combating human trafficking. The key finding is the assertion of the critical importance of their consistent implementation at the domestic level, which is a prerequisite for ensuring effective protection of the rights of particularly vulnerable groups of victims of this crime.

Key words: human trafficking, child trafficking, child trafficking victim, international cooperation, international treaties.

For citation: Suturin M. A. Children as Victims of Human Trafficking: Some Features of International Regulation of Protection and Prevention // The Art of Law. 2025. № 4. С. 150–156.

Торговля людьми представляет собой одно из самых распространённых в настоящее время по всему миру и опасных преступлений, жертвами которого становится большое количество людей. Данный факт признан всем мировым сообществом, о чем свидетельствует действие достаточного количества международных договоров, а также осуществление различных программ по предупреждению, как на универсальном, так и на региональном уровне. Объектами торговли может быть любой человек, независимо от пола, возраста, социального положения и т. д. [1, с. 164]. Следует отметить, что наиболее уязвимыми группами жертв торговли выступают женщины и дети.

Торговля людьми, особенно женщинами и детьми, является актуальной проблемой для всего мира [2, с. 186]. Поэтому их защита имеет первоочередной характер. На сегодняшний день, в рамках международного сотрудничества действует несколько универсальных соглашений, устанавливающих обязательства государств – участников в области предупреждения и пресечения таких деяний; борьбы с торговлей людьми, как с

одним из распространенных видов деятельности организованной преступности, особенно в транснациональном формате.

Согласно статистическим данным Организации объединенных наций, дети составляют 38 процентов жертв торговли людьми во всем мире, причем среди девочек этот показатель значительно увеличился за последние пять лет¹. Таким образом, перед мировым сообществом стоит важная задача по своевременной и эффективной реализации нормативных положений, которые уже существуют; а также внедрение национальных и региональных средств предупреждения и противодействия.

Установление уголовной ответственности за такие деяния в законодательстве РФ имеет свою определенную историю, на наш взгляд, непосредственно связанную с международными нормами. С момента принятия национального уголовного закона и по 2003 г. действовала ст. 152 «торговля несовершеннолетними», которая структурно располагалась в рамках норм, устанавливающих ответственность за посягательство на общественные

¹ Дети составляют 38 процентов жертв торговли людьми во всем мире. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/03/1462166> (дата обращения: 03.10.2025).

отношения по защиты семьи и несовершеннолетних. Однако, в связи с внесением изменений и дополнений, данная норма утратила силу, и появились новый состав боле общего характера – статья 127.1 УК РФ «торговля людьми». Таким образом, была установлена охрана более широкой категории жертв, а само преступное деяние было расположено в рамках Главы «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». Такие структурные и содержательные изменения имели свое обоснование, что не всегда представляется в научной литературе корректно. Остановимся более подробно на этих особенностях и их связи с международным правом.

Традиционно некоторые исследователи [3, с. 100] отмечают, что указанные (и иные) изменения связаны с подписанием Россией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Протоколов к ней, один из которых закрепляет обязательства государств по борьбе с торговлей людьми. Однако, юридически в этом вопросе есть определенные особенности. Так, указанные международные договоры Россия подписала одновременно с другими 120 государствами во время Палермской международной конференции в 2000 году. Сам факт подписания не наделяет такой документ юридической силой на территории государства – подписанта, но накладывает на него определенные юридические обязательства. Последние выражаются в необходимости проведения процедуры, которая эту юридическую силу придаст (ратификации), а также, с учетом положений подписанных международных договоров, провести процедуры имплементации в нормы национального законодательства, для того, чтобы они могли применяться на территории этой страны.

Выполнение данных процедурных мероприятий, его содержание и длительность зависит от специфики самого

подписанного международного договора. В рассматриваемом случае, это весьма сложный и многогранный документ, содержащий правила, в части, отличающиеся от национальных норм. Поэтому для реализации всего этого процесса необходимо было провести серьезную нормотворческую работу. Именно поэтому, на наш взгляд, процедура ратификации Конвенции ООН и Протоколов к ней Россией состоялось в 2004 году. А рассматриваемая норма уголовного закона (наравне с другими) была внесена в декабре 2003 года. Таким образом, юридически мы не можем утверждать, что внесенные изменения и дополнения являются процедурой имплементации положений ратифицированного договора, поскольку они происходили в иной временной последовательности. Однако сам факт закрепления таких составов преступлений в УК РФ действительно связан с самим фактом подписания Россией конкретного международного договора. Возможно, такая процедура была проведена намеренно, поскольку проект федерального закона об указанных изменениях, среди прочего большого количества коррекции иных национальных норм, был готов. Следует отметить, что, проводя данный анализ, мы не исключаем в качестве причин криминализации многочисленные факты совершения таких преступных действий на территории нашей страны и в отношении граждан России. Однако торговля людьми, как вид преступной деятельности, был характерен и для более раннего исторического периода РФ, что не привело к установлению уголовной ответственности.

Следует отметить, что международное сотрудничество по борьбе с торговлей людьми имеет достаточно объемный временной период. Еще в 1899 году в рамках европейских стран был созван Международный конгресс, в задачи которого входило выработка предложений по вопросу о торговле женщинами в целях

разврата и подготовка сообщений по программе форума [4, с. 347]. Эксперты отмечают, что «Россия не только сейчас, но и в начале XX столетия, когда проблемы торговли людьми и соблюдения прав женщин не получали должного признания, одной из первых, наряду с Бельгией, Францией и Соединенным Королевством, ратифицировала принятые в тот период договоры» [5, с. 44].

Говоря о содержательных особенностях рассматриваемых договоров, следует отметить, что Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности закрепляет базовые положения процедурного взаимодействия органов государств в целях противодействия такой преступной деятельности. Фактически, она выступает базовым документом по отношению к принятым протоколам, поскольку, установленные в ней правила единообразно применяются по отношению к каждому направлению взаимодействия, регулируемому конкретным протоколом. В настоящее время действует три таких протокола, один из которых посвящен вопросам сотрудничества в борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми. Поскольку мы рассматриваем материальные нормы именно применительно к этой сфере преступной деятельности, перейдем сразу к анализу отдельных положений указанного Протокола.

Протокол устанавливает международные обязательства государств – участников в сфере противодействия торговли людьми в целом. Его положения лишь в части затрагивают особенности конкретной категории жертв таких преступлений. Сама необходимость выделения таких категорий прослеживается уже в названии договора:

«о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее». Однако какая-то детализация в деятельности государств с учетом именно конкретной категории в положениях Протокола отсутствует.

Говоря о такой категории жертв торговли людьми, как дети, следует отметить лишь ряд положений документа. Во-первых, закрепляется определение понятия «ребенок», под которым понимается любое лицо, не достигшее 18 лет. Эта норма соответствует положениям Конвенции о правах ребенка. На наш взгляд, она необходима, поскольку национальная практика совершеннолетия существенно различается. Таким образом, устанавливается единообразный подход к пониманию особенностей правового статуса детей, это способствует и закреплению общего механизма защиты данной категории вне зависимости от иных возрастных национальных характеристик.

Во-вторых, при установлении определенных обязательств для государств, не выделяя из общей группы жертв, но подчеркивая, Протокол закрепляет необходимость разрабатывать и принимать меры в целях защиты жертв торговли людьми, особенно женщин и детей от ревиктимизации (ст. 9 Протокола)¹. Учитывая использование такой формулировки, на наш взгляд, можно предположить, что должны создаваться отдельные меры именно с учетом категории жертвы. К такому же выводу приводят положения п. 4 этой же статьи о необходимости двустороннего и многостороннего сотрудничества посредством реализации мер, направленных на снижение факторов уязвимости (нищета, низкий уровень развития и отсутствие равных возможностей). Таким образом, с одной

¹ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/convention/protocol1.shtml (дата обращения: 03.10.2025).

стороны, рассматриваемый международный договор определяет особый статус категории жертв в лице детей. С другой стороны, в нем не содержится каких-либо специальных правил, устанавливаемых именно для их защиты. В качестве недостатка следует также отметить, отсутствие детализации создания специального режима защита для данной категории.

Учитывая указанную обобщенность установления международных обязательств в рамках Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, следует рассмотреть еще один международный документ, положения которого посвящены анализируемой тематике. Таковым выступает Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли людьми, детской проституции и детской порнографии 2000 года¹. Несмотря на его принятие мировым сообществом в том же году, что и выше рассмотренный международный договор, наша страна подписала и ратифицировала данный документ только в 2013 году.

Следует отметить ряд отличий между содержанием исследуемых документов. Так, различаются закрепленные определения терминов «торговля людьми» и «торговля детьми», и не только категорией жертвы. В первом случае перечисляются альтернативные способы выполнения объективной стороны преступления: эксплуатация и осуществление в ее целях вербовки, перевозки, передачи и т. д. торговля людьми – любой акт или сделка, посредством которых ребенок передается любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или любое иное возмещение².

То есть, в отношении детей, как жертвы, не имеет обязательного значения цель преступных действий, а учитывается сам их характер, общественная опасность и особый статус жертвы (беспомощность, зависимость от взрослых и т. п.). при этом ст. 2 Факультативного Протокола определяет, что целями таких преступлений могут быть: сексуальная эксплуатация ребенка; передача органов ребенка за вознаграждение; использование ребенка на принудительных работах³.

Важное положение, на наш взгляд, имеет содержание ст. 8 документа, где закреплены меры защиты детей – жертв торговли людьми (наравне с детской порнографией и детской проституцией). К таковым, например, относятся:

- признание уязвимости детей-жертв и адаптации процедур для признания их особых потребностей, в том числе их особых потребностей в качестве свидетелей;

- информирование детей-жертв об их правах, их роли и о содержании, сроках и ходе судопроизводства и о решении по их делам;

- предоставление детям-жертвам услуг по оказанию надлежащей поддержки на всех стадиях судопроизводства и другие⁴.

Факультативный протокол устанавливает и перечень мер предупредительной направленности, которые должны осуществлять государства – участники соглашения. К числу таковых следует отнести: законодательные, административные меры, разработка социальных стратегий предупредительной направленности; осуществление пропагандистской деятельности по повышению осведомленности широких кругов общественности, в том числе детей; меры по оказанию любой надлежащей помощи детям – жертвам торговли и т. д.

¹ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901922918> (дата обращения: 03.10.2025)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Несмотря на наличие выше представленных достоинств и недостатков рассмотренных международных договоров, в настоящее время существует достаточная международно-правовая основа для осуществления сотрудничества и создания национальных механизмов защиты детей от торговли. Их положения могут и должны заимствоваться и развиваться государствами. Однако в России, помимо установления уголовной ответственности в ст. 127.1 УК РФ, отсутствуют какие-либо существенные действия. Следует подчеркнуть, что выделение категории детей в качестве потерпевшего от данного преступления юридически оформлено лишь в 2012 году, посредством установления квалифицирующего признака в п. б ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Реализация различных предупредительных мер для защиты детей от торговли, как и для защиты всех жертв торговли людьми, не имеет специального юридического регулирования. Такая работа не ведется и на организационном уровне. Как отмечает профессор С. И. Винокуров, «отрицательное влияние на борьбу с торговлей людьми оказывают серьезные законодательные, организационные и методические недостатки, обуславливающие высокую латентность торговли людьми, снижающие эффективность предупреждения, выявления, расследования и раскрытия данных преступлений [6, с. 23]. Другие исследователи прямо указывают на невыполнение Россией ряда международных обязательств из рассмотренных выше договоров [7, с. 106].

В то же время, в рамках ООН и различных региональных международных организаций разработано достаточное количество методических материалов и программ, которые могут быть использованы в качестве основы такой работы на национальном уровне. На наш взгляд, одним из общедоступных способов профилактики торговли детьми и

пропаганды права на защиту детей – жертв торговли, следует рассматривать проведение просветительских мероприятий во Всемирный (международный) день борьбы с торговлей детьми, который установлен ООН¹. Подчеркнем, что определение «международного дня» по конкретной тематике имеет своей первоочередной задачей публичное, повсеместное освещение проблематики, информирование об особенностях и возможностях защиты. Поэтому организация на национальном уровне такой деятельности раз в год уже может стать локомотивом постепенного формирования общественного мнения, а затем и создание механизма реальной защиты жертв торговли людьми в целом.

Проведенное исследование свидетельствует, что, на сегодняшний день, на универсальном уровне существует достаточный нормативный материал международных обязательств государств по формированию национального механизма защиты детей, как одной из уязвимых категорий жертв, от совершения в отношении них торговли. Функционируют общие нормы по борьбе с торговлей людьми и специальные нормы относительно рассматриваемой категории. Россия является участником данных соглашений и в ее национальное уголовное законодательство имплементированы соответствующие нормы об установлении уголовной ответственности. Однако дальнейшая реализация взятого на себя межгосударственного бремени не имеет ни правовой, ни организационной реализации. Данный факт неоднократно озвучивался, как российскими экспертами, так и представителями ООН. К сожалению, дети по-прежнему остаются под угрозой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Н. В. К вопросу об уголовной ответственности и торговли людьми, в том числе несовершеннолетних

¹ Всемирный день борьбы с торговлей людьми. Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/observances/end-human-trafficking-day> (дата обращения: 03.10.2025)

// Вопросы российского и международного права. 2020. Т. № 10, № 10 А. С. 163–169.

2. Лебединец И. Н. Международно-правовые основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей женщинами и детьми // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 186–195.

3. Кадников Ф. Н. Международно-правовые основы противодействия сексуальной эксплуатации человека и торговле людьми // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 96–101.

4. Попаденко Е. В., Красильникова Е. В. Торговля людьми: основные тенденции в мире // Образование и право. 2023. № 7. С. 346–352.

5. Гигинейшвили М. Т. Международные предписания о противодействии торговле людьми и их имплементация в законодательстве Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 9 (139). С. 44–48.

6. Винокуров С. И. Новые аспекты противодействия торговле детьми в Российской Федерации в современных условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 4 (26). С. 23–26.

7. Черный А. М. Влияние международно-правовых норм по предупреждению торговли людьми на российское законодательство // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (14). С. 101–108.

УДК 343.37
EDN [УАРТНК](#)

Цепелев Валерий Филиппович,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
e-mail: v_tsepelev@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПОЗИЦИЙ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВЫПУСКНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена отражению взглядов выпускников Свердловского юридического института (1975 г.), сформированных под влиянием положений уральской школы уголовного права и получивших распространение в российской правоприменительной практике. Анализируются как процессы познавательной деятельности, так и их конкретные проявления в правоприменительной деятельности выпускников. Рассматриваются ретроспективное развитие и современное состояние научных разработок представителей кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (2025 г.). Содержание статьи представляет несомненный интерес для исследователей современных проблем уголовного права, уголовной политики и криминологии.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, уголовная политика, правоприменительная практика, школа уголовного права.

Для цитирования: Цепелев В. Ф. Отражение позиций уральской школы уголовного права в правоприменительной практике выпускников // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 157–161.

Tsepelev Valery Filippovich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law,
Professor, Professor of Criminal Law of Moscow
State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL),
Professor, Department of Criminal Policy of the
Academy of Management of MIA of Russia.
e-mail: v_tsepelev@rambler.ru

REPRESENTATION OF THE POSITIONS OF THE URAL SCHOOL OF CRIMINAL LAW IN THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF GRADUATES

Annotation. The article is devoted to the reflection of the views of graduates of the Sverdlovsk Law Institute (1975), formed under the influence of the provisions of the Ural school of criminal law and widespread in Russian law enforcement practice. It analyzes both the processes of cognitive activity and their specific manifestations in the law enforcement activities of graduates. The article examines the retrospective development and current state of scientific research by representatives of

the Department of Criminal Law at the V.F. Yakovlev Ural State Law University (2025). The content of this article is of undoubted interest to researchers of modern issues in criminal law, criminal policy, and criminology.

Key words: criminal law, criminology, criminal politik, criminological practice, school of criminal law.

For citation: Tsepelev V. F. Representation of the Positions of the Ural School of Criminal Law in the Law Enforcement Practice of Graduates // The Art of Law. 2025. № 4. С. 157–161.

Так уж сложилось, что я, выпускник Свердловского юридического института – далее СЮИ (1975 г.), за 40 лет (с 1985 г.), в течение которых занимаюсь изучением и преподаванием уголовного права, в Ковалевских чтениях участвовал только дважды (в 2024 и 2025 годах). Первоначально темой моего выступления на пленарном заседании Ковалевских чтений-2025 была «Рецепция положений уральской школы уголовного права в российской правоприменительной практике». Однако оказалось, что она сформулирована довольно широко и не очень удачно. Дело в том, что с методологических (философско-правовых) позиций под рецепцией права понимается процесс восприятия в том или ином (конкретном) государстве элементов правовой системы другого государства, заключающийся в заимствовании чьих-либо правовых, нравственных, культурных и иных социальных принципов, норм и институтов, возникших ранее в другой стране или даже в иную эпоху [1 ; 2].

Методологический подход, связанный с рецепцией права, вполне может быть распространен на восприятие положений уральской школы уголовного права в российской правоприменительной практике выпускников. Причем, сделано это в личностно-ретроспективном аспекте и основано на личном опыте работы выпускника СЮИ в Следственном управлении ГУВД города Москвы в течение 10 лет (в 1975–1985 годы). Поэтому речь пойдет не о всей российской правоприменительной практике, а о практике следственной, и в масштабах Московского региона.

В следственном отделе Ленинградского РУВД г. Москвы, где я начинал свой профессиональный путь, в качестве молодых специалистов работали выпускники разных юридических ВУЗов страны (в частности, Волгоградской высшей следственной школы МВД СССР, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Саратовского юридического института и, конечно же, нашего Свердловского юридического института). Надо сказать, наибольшей прикладной подготовкой на первых порах отличались выпускники Волгоградской высшей следственной школы – они имели навыки составления процессуальных документов и лучше знали криминалистическую технику. Однако, через 2-3 месяца наши навыки в этом выравнивались, а затем выпускники гражданских ВУЗов, прежде всего СЮИ, даже имели некоторое преимущество в общеправовой подготовке и принимали более обоснованные и перспективные (целесообразные) решения по уголовным делам.

Наше официальное и неформальное общение способствовало обмену теми уголовно-правовыми представлениями, которые каждый получил в своем ВУЗе. Следует сказать, что в целом наши знания соответствовали определенному (советскому) стандарту правовой подготовки выпускника юридического ВУЗа, тем более, таких авторитетных как вышеназванные. Понятия о существовании каких-то научных школ мы не имели, лишь понимали, что существуют различные подходы к оценке тех или иных криминальных (или с признаками криминальных) ситуаций, т. е. к

квалификации преступлений. Припоминаю, некоторые из своих первых процессуальных решений, основанных на знаниях, полученных во время изучения уголовного права в СЮИ.

Так, при рассмотрении материалов мною вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку не усмотрено в конкретной ситуации признака публичности действий, обязательного для злостного (уголовно-наказуемого) хулиганства. Об этом признаке я узнал из научной статьи «Публичность, как признак злостного хулиганства» И. Я. Козаченко, тогда молодого преподавателя, недавно защитившего кандидатскую диссертацию на тему «Социально-правовая характеристика хулиганства» (1973) [3 ; 4 ; 5].

Кстати, первое время (примерно полгода) я пользовался своим конспектом, специально составленным для подготовки к государственному экзамену по уголовному праву, где все составы преступлений расписаны поэлементно, с указанием и квалифицирующих признаков и оценочных понятий. В дальнейшем, использовал Комментарий к УК РСФСР, подготовленный с участием преподавателей СЮИ, который выменял у однокурсника на сборник детективов Жоржа Сименона. Все сказанное дает основания полагать, что базовые положения уголовного права очень солидно закладывались выпускникам СЮИ преподавателями – представителями уральской школы уголовного права.

Когда мы говорим о той или иной научной школе, то, конечно же, исходим из определенных критериев. Безусловно, всем им (наличие определенной системы взглядов, наличие основателей и лидеров

школы, их учеников, наличие совокупности научных трудов и разработок, т. е. триединство сфер науки, образования и практики) уральская школа соответствует (например, антология трудов представителей научной школы включает около 500 работ). Все эти формализованные сведения присутствуют в своеобразном паспорте регистрации научной школы «Актуальные проблемы уголовного права»¹, основателем которой в 1960 году был Митрофан Иванович Ковалев² [6], нынешним научным руководителем и творческим вдохновителем является Иван Яковлевич Козаченко, продолжателем – Зинаида Александровна Незнамова.

Ныне исследования кафедры уголовного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева основаны на фундаментальных положениях уральской школы уголовного права и ведутся по трем основным направлениям³, а темы внутри них отличаются актуальностью, научной новизной и оригинальностью постановки исследуемых проблем. Среди них, например, «Коллизии в уголовном праве и многообразии способов их разрешения», «Проблема компромисса в уголовном праве», «Проблемы риска в уголовном праве», «Субъективные модели в структуре уголовной ответственности», «Уголовно-правовые и религиозные модели противодействия преступности».

Особо следует отметить организаторскую роль и личный вклад Ивана Яковлевича Козаченко [7 ; 8]. О нем уже немало сказано и, несомненно, будет написано еще. Хотелось бы обратить внимание на оригинальность его работ, причем не только монографического характера, но и научных статей. Это отражено и в формулировании названий

¹ Ведущая научная школа «Актуальные проблемы уголовного права». URL: <https://xn--clazic8c.xn--plai/science/science-school/akt-pr-up.php> (дата обращения: 03.12.2025).

² Памяти великого ученого и наставника – профессора Митрофана Ивановича Ковалева. URL: <https://www.usla.ru/news/In-memory-of-scientist-Kovalev/> (дата обращения: 03.12.2025).

³ Кафедра уголовного права имени М.И. Ковалева : историческая справка. URL: <https://www.usla.ru/departments/?detail=234> (дата обращения: 03.12.2025).

предыдущих Ковалевских чтений, в частности: «Медиативный потенциал уголовного права», «Ошибка в уголовном праве: право или ответственность?», «Примирение в уголовном праве: компромисс или уступка?», «Уголовное наказание: социальное благо или зло?», «Уголовное право: эволюция или революция?», «Уголовно-правовое и криминологическое многообразие моделей борьбы с преступностью».

Свой организационный и творческий вклад в формирование уральской научной школы уголовного права, безусловно, внесли и те представители кафедры, которых по разным причинам ныне нет на кафедре (как сказал Поэт: «Иных уж нет, а те далече...»). В частности, это те, кто работал на кафедре ранее (Галиакбаров Ромэн Рахиммулович, Новоселов Геннадий Петрович, Фролов Евгений Алексеевич, Фефилов Петр Андреевич). Особенно запомнились те, кто был среди моих непосредственных преподавателей (Тоболкин Павел Семенович – читал лекции на потоке по Общей части и вел семинары в группе, Семернева Надежда Кузьминична – читала лекции по Особенной части, Шелковкин Геннадий Васильевич – вел семинары по Особенной части), все они оставили заметный след в памяти. О каждом из них можно рассказать подробнее, но объем статьи, к сожалению, не позволяет.

В настоящее время практически весь коллектив кафедры уголовного права УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева (50 чел.), в котором работают 5 докторов наук (каждый из них является творческой личностью и, безусловно, заслуживает более подробной характеристики), 30 кандидатов наук, – составляет кадровое ядро, творческий потенциал уральской школы уголовного права. Несомненно, как и в прежние времена, научно-педагогическая

деятельность коллектива кафедры способствует формированию современных взглядов на основные положения уголовного права, развитию уголовного законодательства и совершенствованию практики применения уголовного закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мантуров В. В. Соотношение рецепции и иных форм правовых заимствований // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4 (59). С. 104–109.
2. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С. 5–12.
3. Козаченко И. Я. Социально-правовая характеристика хулиганства : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. 184 с.
4. Козаченко И. Я. Публичность как обязательный признак хулиганства // Проблемы советского уголовного права и криминологии : сборник ученых трудов. Свердловск, 1973. С. 116–125.
5. Козаченко И. Я. Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений : учеб. пособие. Свердловск, 1984. 84 с.
6. Ковалев Митрофан Иванович : библиографический указатель. 1952-2009 / отв. за вып. О. А. Овчинникова. Екатеринбург : УрГЮА, 2014.
7. Кузнецов А. П. Жизненные вехи профессора И. Я. Козаченко (к 80-летию со дня рождения) // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 168–173.
8. Майоров А. В. Проблемы уголовного права в научных трудах заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук. профессора Ивана Яковлевича Козаченко (к 80-летию выдающегося ученого) // Витимология. 2020. № 3 (25). С. 61–65.

1

¹ Фото из архива кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ) имени В. Ф. Яковлева.

ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ПО ВОПРОСАМ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБМЕНУ ОПЫТОМ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ, ВЫЯВЛЕНИЮ, ПРЕСЕЧЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

27 ноября 2025 года в Иркутском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее – Институт) проведен Межрегиональный научно-методический семинар по вопросам квалификации и расследования преступлений и обмену опытом по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, совершаемых на финансовом рынке (далее – Семинар). В его работе совместно с педагогическими работниками Института приняли участие преподаватели Восточно-Сибирского института МВД России, слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации (старшие помощники, помощники прокуроров городов, районов и приравненных к ним специализированных прокуроров, участвующие в рассмотрении уголовных дел судами), студенты Института, работники прокуратуры Иркутской области, Красноярского края, Забайкальского края, Республики Бурятия, Республики Тыва, Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры, представители правоохранительных органов Республики Тыва, Забайкальского края, Байкальского банка ПАО Сбербанк.

Основной целью Семинара являлось укрепление научного сотрудничества между образовательными организациями высшего образования и правоохранительными органами Российской Федерации, развитие их взаимодействия, обсуждение актуальных проблем и обмен опытом по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, совершаемых на финансовом рынке.

В рамках работы Семинара прозвучали доклады по актуальным проблемам, требующим обсуждения и разрешения в научной и правоприменительной деятельности:

И. М. Бураевой – начальника второго отдела управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Иркутской области на

тему: «Проблемные аспекты практики расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

П. В. Никонова – профессора кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктора юридических наук, доцента Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации и Цырендылыковой Номины Баировны – студентки 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации на тему: «Уголовно-правовое противодействие дропперству»;

Д. А. Тугутовой – прокурора отдела государственной статистики управления правовой статистики, информационных технологий и защиты информации прокуратуры Республики Бурятия на тему: «Разрешение конкуренции правовых норм при квалификации преступлений, совершаемых в отношении микрофинансовых организаций, и проблемы их государственного статистического учета (на примере прокуратуры Республики Бурятия)»;

А. В. Перетолчина – начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, кандидата юридических наук на тему: «Проблемные аспекты разграничения преступлений, предусмотренных п. «г» ч.3 ст.158 и ст.159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

О. В. Канзеровой – главного специалиста группы специалистов по работе с проблемными активами отдела экономической безопасности УБ Байкальского банка на тему: «Мошенничество с использованием аккредитивов»;

И. П. Родивилина - заместителя начальника управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий ГУ МВД России по Иркутской области, кандидата юридических наук, на тему: «Цифровые следы при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационных технологий»;

Е. А. Ануфриева – старшего прокурора отдела по надзору за процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры на тему: «Проблемные вопросы применения закона при прекращении уголовного преследования по части 2.2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

Н. А. Назыровой – заведующего кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, на тему: «Вопросы формирования практики приостановления операций с денежными средствами (статья 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)»;

М. В. Винокурова – доцента кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации на тему: «Актуальные проблемы применения норм, устанавливающих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации».

Представленные на семинаре доклады имели теоретико-прикладной характер и вызвали оживленную дискуссию. Особый интерес вызвали вопросы, посвященные уголовно-правовому противодействию неправомерного оборота средств платежей, обнаружению следов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, доказыванию субъективной стороны преступлений, совершаемых на финансовом рынке, возмещению причиненного вреда.

Участники семинара отметили важность формирования практики приостановления операций с денежными средствами (статья 115.2 УПК и высказали мнение о том, что уголовно-процессуальное законодательство по вопросу принятия обеспечительных мер в целях обеспечения исполнения приговора динамично развивается). Подтверждением данному выводу являются внесенные в июле 2025 года изменения в УПК РФ (Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ), касающиеся приостановления операций с денежными средствами,

электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (ст. 115.2 УПК РФ). В контексте обсуждаемой проблемы, введенная уголовно-процессуальная норма является достаточно прогрессивной, допуская приостановление расходных операций и при отсутствии у органов предварительного расследования полных данных о банковском счете (п. 4 ч. 4 ст. 115.2 УПК РФ). В указанных случаях законодатель разрешает использовать имеющиеся сведения, доступные для идентификации клиента – владельца банковского счета. Подобные изменения уголовно-процессуального законодательства представляются важными для противодействия незаконным финансовым операциям.

В процессе обсуждения отмечено, что в настоящее время практика применения обеспечительных мер, предусмотренных ст. 115.2 УПК РФ не сформирована. Возникает ряд обоснованных вопросов, связанных с пониманием того, какие данные могут быть признаны достаточными для принятия решения о приостановлении операции без обращения в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, как они должны подтверждаться материалами уголовного дела.

При обсуждении хищений кредитных денежных средств с использованием аккредитивной формы расчетов, отмечен рост использования аккредитивов в сомнительных операциях с недвижимостью, осуществляющихся с целью обналичивания денежных средств, в том числе кредитных. Форма расчета через аккредитив повышает доверие к участникам сделок и традиционно считается безопасной. Аккредитивная форма расчетов, предполагающая участие банка в качестве гаранта сделки, становится инструментом для создания видимости легальности происхождения денежных средств. В 2024 году в Росфинмониторинг от банков поступило около 1 000 сообщений о подозрительных операциях с аккредитивами. За истекший период 2025 года – рост таких сообщений составил 1,5 раза. В дискуссии участники семинара обсудили особенности использования аккредитива при хищении кредитных средств и положительную практику взаимодействия Байкальского банка с правоохранительными органами по обсуждаемому вопросу.

Участниками семинара высказано мнение о квалификации деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 272 УК РФ и проанализированы ошибки, допускаемые при квалификации неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, за исключением случаев, предусмотренных статьей 272.1 УК РФ.

По итогам работы Семинара обобщены результаты обсуждений и сформулированы выводы по отдельным дискуссионным вопросам.

Пархоменко Светлана Валерьевна,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Максим Владимирович,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ОПЫТ КАЖДОГО ПРОКУРОРА
И СЛЕДОВАТЕЛЯ – БЕСЦЕНЕН

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 253-13-20

www.agprf.org

ДЕЛИТЕСЬ СВОИМ УНИКАЛЬНЫМ ОПЫТОМ С КОЛЛЕГАМИ НА СТРАНИЦАХ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА».

ПРИСЫЛАЙТЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АДРЕСУ: AGP@AGPRF.ORG